СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

7 ПОБЕД БЕРИИ

ВО СЛАВУ СССР!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

НОВАЯ КНИГА от автора бестселлера «Берия. Лучший менеджер XX века», ни единым словом его не повторяющая! Это не сокращенный вариант прежнего издания, а совершенно оригинальное исследование. Взяв за образец легендарную «Краткую биографию Сталина», Сергей Кремлёв пишет о Берии так же лаконично, ясно и просто. Ведь что бы там ни врали антисталинисты, в жизни Лаврентия Павловича не было ни грязных тайн, ни «черных пятен» — линия его судьбы пряма как стрела.

*От битвы за кавказскую нефть, без которой не было бы сталинского «экономического чуда», дореформы НКВД и от Великой Отечественной войны и послевоенного Возрождения державы до атомного и ракетного триумфов СССР — **эта книга посвящена семи величайшим победам Л.П. Берии, семи его подвигам во славу Родины** . Всю жизнь он шел от триумфа к триумфу, не провалив ни единого дела, которое ему было поручено, и был побежден лишь однажды — не в честном бою, а подлым ударом в спину. Но даже это единственное поражение Берии, стоившее ему жизни, сегодня оборачивается нравственной победой!*

«Сталин предвидел, что на его могилу нанесут много мусора и грязи, но ветер истории размечет всё наносное, и останется чистая правда о том, как всего за четверть века Россия подруководством Вождя прошла путь от сохи до атомной бомбы. Этим же ветром истории уносит и ложь о Лаврентии Берии. В итоге он всеравно победил — смертью смерть поправ!»

- Сергей Кремлев
  - Обращение к читателю
  - Пролог
    - Молодой Берия и его автобиография
  - Глава 1. 1921–1931. Чекист Закавказья № 1: борьба за нефть для социализма
  - Глава 2. 1932–1938. Творец новой Грузии: интеграция с большой страной
  - Глава 3. 1939–1941. Реформатор НКВД: от заговоров к государственной спецслужбе
  - Глава 4. 1941–1945. Победы во имя общей Победы: организатор фронтов и военного тыла
  - Глава 5. 1945–1953. Россия делает сама: решение Атомной и Ракетной проблем
  - Глава 6. 1945–1953. Нам нет преград: новая мощь

экономики
- Глава 7. 1947–1952. Памятник на века: «высотки» над Москвой
- Глава 8. После 5.03.53. Преданный своими
- Послесловие. Победа после поражения: смертью смерть поправ…

Сергей Кремлев
7 побед Берии. Во славу СССР!

Обращение к читателю

Уважаемый читатель!

В 2008 ГОДУ вышла моя первая книга о Лаврентии Павловиче Берии — «Берия. Лучший менеджер XX века». Тогда я написал толстенный том объёмом в 46 авторских листов (примерно 800 страниц мелкого текста, около 2 миллионов печатных знаков с пробелами), а сегодня мог бы без особого труда дополнить его новыми материалами до 50, а то и 55 листов…

С тех пор я много поработал над исследованием судьбы и исторической роли Берии, и сегодня моя личная «Бериада», включая публикацию дневников и материалов Л.**П**. Берии с моими комментариями, составляет восемь книг. **И всё же новая книга, которую я написал по просьбе издательства «Яуза», — не сокращённый вариант «капитальной» книги. Даже те читатели, которые знакомы с моими предыдущими работами о Лаврентии Павловиче, смогут найти здесь для себя немало нового**. Ведь сейчас я понимаю Берию точнее и глубже, чем шесть лет назад, и даже — чем год назад.

Тем более, как я надеюсь, новая книга должна быть интересна для тех, кто мало знаком с жизнью Берии или «знаком» с ней по ряду бездарных и лживых сериалов о нём — якобы художественных или якобы документальных. Впрочем, даже в этих сериалах их авторы вынуждены порой сквозь зубы говорить о Берии правду.

В своей не очень-то долгой — всего-то пятьдесят четыре года — жизни Берия почти всегда был своего рода «многостаночником», так сказать — и швец, и жнец, и на дуде игрец. Поэтому сколько-нибудь полный рассказ о Берии, да ещё и с анализом, не может не быть объёмным.

Однако ёмкая по информативности, но небольшая по объёму книга о самом ярком сотруднике Сталина тоже нужна. Другое дело, что написать её не так-то и просто. В одном из писем Чехов сообщал брату: «Прости, не было времени написать коротко…» Любой пишущий человек хорошо понимает, как точно это сказано.

Так вот, зная о Берии намного больше, чем тогда, когда я работал над первой книгой своей «Бериады», я понял, что смогу взяться за эту сложную задачу — написать о Берии принципиально меньшую по объёму, но не по охвату темы, книгу.

Уверен, что и подобная книга тоже найдёт своего читателя.

ИТАК, моя книга задумана как достаточно полный, но

краткий рассказ о Берии как об одной из самых деятельных фигур в истории Российского государства.

Простой перечень только наиболее крупных постов, которые Лаврентий Павлович занимал за свою жизнь, говорит сам за себя: председатель Грузинской ЧК, председатель ОГПУ Закавказья, первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) и первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, народный комиссар внутренних дел СССР и министр внутренних дел СССР, заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, с начала войны — член Государственного Комитета Обороны и затем — заместитель Председателя Государственного Комитета Обороны, председатель «атомного» Специального Комитета при СМ СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б) и член Президиума ЦК КПСС…

Ближе к Сталину был только Молотов, но больше Берии сделал для мощи Советской России только Сталин.

За последние годы о Берии много написано и сказано, но интерес к нему постоянно возрастает, и это объяснимо. Так бывает всегда, когда о человеке долго и подло лгут, а потом вдруг выясняется, что он — не «монстр», не «кровавый палач» и не «моральный урод», а совсем наоборот — умница с вполне нормальными, живыми человеческими реакциями.

Сразу становится интересно — в чём дело? Почему человека так оболгали, кому он мешает и за гробом? Тем более что у Берии не было гроба и нет могилы, как до сих пор нет и точной даты его смерти.

Хотя где-то ведь она зафиксирована — в наиболее тайных, всё ещё не раскрытых архивах, сам факт существования которых — официально далеко не факт.

Берия был убит — подло убит своими, в 1953 году. То есть — в том же году, что и Сталин. Однако объединяет Берию со Сталиным не один и тот же год смерти — их объединяет общая огромная работа по созданию могучей и демократической (то есть, по-русски, народоправной) России.

Сталин был убит на семьдесят четвёртом году жизни, не успев сделать всего, что замышлял, в том числе — не успев провести демократизацию советского общества с параллельной чисткой зажравшейся части советской «элиты». Чисткой на этот раз не пулей в лоб, а пинком под зад — из тёплых насиженных кресел.

Берия погиб на пятьдесят пятом году жизни и тем более не успел сделать всего, что мог и хотел сделать.

Но сделал он много.

Причём всё, что делал Берия, не ослабляло державу, а

усиливало её. И усиливало не просто как могучее государство, а как государство, где сами народные массы оказывались творцами своего уверенного и благополучного будущего.

Так оно на самом деле и было.

В 1946 году — после разрушительной войны — люди кое-где ели крыс, и Сталин знал об этом. А уже через три года голод ушёл в прошлое, и в 1949 году Россия ликвидировала атомную монополию Америки, угрожавшей Советскому Союзу испепеляющей атомной бомбардировкой.

И во всех великих свершениях наших отцов, дедов и прадедов — ив том, что СССР в считаные годы после войны самостоятельно восстановил народное хозяйство, и в том, что СССР в считаные же годы обеспечил свою военную и экономическую безопасность, заслуга Берии велика.

Как уже было сказано, сегодня становится ясно, что больше Берии на благо народов СССР поработал в развитую эпоху Сталина лишь один человек — сам Сталин.

РУССКАЯ история богата на яркие судьбы исторических деятелей, которые создавали и создали великую Россию.

До Петра какие-то века были на крупные события и крупные фигуры богаче, какие-то — беднее… С петровских же времён каждый новый русский век давал нам свою славную когорту новых российских героев.

В начале «петровского» XVIII века блистали имена Петра, Меншикова, Шереметева, Апраксина, Никиты Антуфьева (Демидова), Беринга.

Середина этого же века выдвинула Румянцев а-Задунайского,

Потёмкина-Таврического, Ломоносова.

Конец XVIII века — это Суворов, Ушаков, Державин.

Русский XVIII век имел двух выдающихся национальных лидеров — Петра Первого Великого и Екатерину Вторую Великую. XIX век на великих государей оказался скуден — ни один из русских царей звания «Великий» от истории в этом веке не получил. Зато XIX век — это век героев Отечественной войны 1812 года и Крымской войны, век Мордвинова и Головнина, Крузенштерна и Фердинанда Врангеля, Кутузова и Багратиона, Лазарева и Нахимова, Невельского, Пржевальского, Менделеева.

Все они — и помянутые выше, и не помянутые были не только героями и детьми своего века, но и его творцами. Причём я имею в виду здесь только государственных деятелей-созидателей, и тех же Державина, Ломоносова, Менделеева помянул не как поэта и учёных, а как именно **государственные фигуры** , внесшие великий вклад не только в культуру и науку России, но и в её государственное строительство.

Поэт Феликс Чуев однажды написал хорошо: «И подумалось мне о богатстве России, у которой на всё достаёт запасных…»

Да. Россия была богата на крупных государственных людей даже в самые лихие и бесславные годы — даже время «бироновщины» отмечено не только бесславьем.

Но по-настоящему работалось крупным людям на Руси тогда, когда во главе её стояли крупные личности с государственным умом, вожди.

В новой нашей истории Пётр стал первым русским вождём, по-хорошему жадным до умных и деятельных соратников и сотрудников. В XX веке его назвали «первым большевиком на троне», и это сравнение не так уж неверно в том смысле, что после Петра только партия Ленина — Сталина сумела организовать всё деятельное и здоровое в России на совместную созидательную государственную и общественную работу.

После Петра это смог сделать Ленин, вместе с Лениным и после Ленина — Сталин.

Классическая сталинская «команда» была очень сильной. Молотов, Каганович, Маленков, Микоян, Жданов сделали бы честь любому правительству любой великой державы. Но даже на этом фоне Лаврентий Берия не только не терялся, а выдвинулся, в конце концов, как самый талантливый и успешный сотрудник Сталина.

Можно ли дать человеку более высокую историческую оценку?

ЛАВРЕНТИЙ Берия всегда шёл от одной высоты к ещё большей высоте, от победы к победе. Он не только не провалил ни одного дела, которое ему было поручено, но, напротив, не раз и не два вытаскивал из «прорыва» то, что проваливали другие. В считаные годы, а то и месяцы он резко улучшал положение в целых отраслях промышленности — не кнутом, не пряником, а верным подбором кадров и верой в возможности и способности этих кадров — от наркомов до директоров заводов.

Сегодня нам важно понять и то, что где бы герой этой книги ни работал, он работал, в конечном счёте, на благо Советского Союза, всей России.

Так, когда Берия очищал от контрреволюции и иностранной агентуры Закавказье, он не только обеспечивал спокойствие Грузии. Ведь без бакинских нефтепромыслов, безопасность которых хранил чекист Берия, были бы просто невозможны успехи всей страны в первых пятилетках!

А, скажем, чиатурский марганец? Возглавив Грузию как первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, Берия много сделал для развития его добычи, но нужен был этот марганец не самой

Грузии, а общесоюзной металлургии, общесоюзной экономике!

Сотни миллионов цитрусовых и тысячи тонн грузинского чая производились в Грузии, развиваемой Берией, тоже ведь для всего Союза. Абхазские мандарины знали и на Украине, и в Москве, и на Урале, и в Сибири…

И разве можно забывать о том, что Черноморское побережье Грузии усилиями Берии стало к концу 30-х годов всесоюзной здравницей, а во время войны — одним огромным госпиталем?

Всё, что Берия сделал, работая уже в Москве, имело, естественно, общесоюзный масштаб, было важно и нужно для всей России.

Но и то, что Берия сделал в Грузии и для Грузии, тоже было сделано для России, и это мы сегодня должны чётко понимать!

ДО ТОГО, как Берия возглавил Грузию, в грузинском руководстве были очень сильны националистические настроения. Яркий пример — «старый большевик» Буду Мдивани. По форме он был коммунистом, а по сути — удивительной смесью националиста и троцкиста (это только масло и уксус не смешиваются, а в политике нередко, пойдя налево, приходят направо).

В начале 20-х годов, как раз тогда, когда Берия был направлен в Грузию, Мдивани и его сторонники составляли в ЦК КП(б) Грузии большинство. ***Большинство!***

Фактически они тормозили хозяйственное и политическое объединение закавказских республик и добивались сохранения обособленности Грузии. Вначале группа Мдивани была вообще против образования СССР, а после того как в октябре 1922 года Пленум ЦК РКП(б) принял решение о создании СССР, группа Мдивани стала добиваться непосредственного вхождения Грузии в союзное государство, а не через Закавказскую Федерацию.

В комментариях к 54-му тому ленинского Полного собрания сочинений внятно сказано:

«Эта позиция Мдивани и его сторонников играла на руку буржуазным националистам, грузинским меньшевикам, и коммунисты Грузии на своих съездах, конференциях и собраниях партийного актива справедливо расценили её как уклон к национализму»…

Так что Мдивани объективно становился очень привлекательной фигурой для всех антисоветских и антирусских грузинских сил. Был он гож и для фанфарона Троцкого, уже тогда не терпевшего деловитого Сталина.

Через много лет после описываемых событий, когда в стране происходили уже другие, очень грустные события конца 80-х

годов, писатель Феликс Чуев в своей книге «Так говорил Каганович» привёл такой разговор с бывшим «железным наркомом» Сталина:

«Каганович: А что с Грузией происходит — кошмар!

Чуев: Грузинам нужна торговля напрямую с Западом. Конечно, простой народ от этого ничего иметь не будет.

Каганович: То, что Мдивани требовал при Ленине. И они хотят уйти от нас.

Чуев: Но абхазцы не хотят.

Каганович: Абхазцы не грузины».

Как видим, и на склоне лет Каганович не забыл Мдивани и его претензий.

Позднее, в своём месте, я остановлюсь более подробно на конфликте 1922 года между Серго Орджоникидзе и Буду Мдивани, членом Президиума ЦК КП(б) Грузии, а пока сообщу следующее.

Орджоникидзе возглавлял тогда Закавказский краевой комитет РКП(б), которому были подчинены национальные ЦК, в том числе — и грузинский ЦК. Серго был твёрдым сторонником единого Союза, но он был и горячим человеком и его конфликт с группой Мдивани приобретал тоже «горячий» характер. Причём партийная масса Грузии была на стороне Серго.

Дело дошло до знаменитой пощёчины Серго одному из оппонентов из группы Мдивани.

Конфликт тогда внешне уладили, а на самом деле лишь загнали внутрь. И в 1928 году Мдивани был исключён из партии за троцкистско-оппозиционную деятельность. В 1931 году он якобы покаялся и был восстановлен, но в 1937-м его — уже при Берии — арестовали и приговорили к расстрелу.

Расстрелял Берия Буду Мдивани за дело. Выслушав «расстрельный» приговор, Мдивани заявил: «Меня мало расстрелять, меня четвертовать надо! Ведь это я, я привёл сюда одиннадцатую армию, я предал свой народ и помог Сталину и Берии, этим выродкам, поработить Грузию и поставить на колени партию Ленина».

Народная Грузия расцветала, всё более украшая собой общесоюзный «букет» республик, но что было до того Мдивани. Злоба и зависть всегда слепы.

Вот с кем приходилось бороться Берии и во главе ЧК Закавказья, и во главе закавказской и грузинской партийных организаций. При этом Берия боролся в Грузии с врагами за мощь, целостность и будущее не только Грузии, но и всего Советского Союза.

Поэтому справедливое неприятие нынешней

«саакашвильной» Грузии, где усиленно культивируется вражда к России, не должно затуманивать для современного читателя тот несомненный факт, что для нас важен и кавказский период деятельности Берии.

Собственно, он сейчас даже особенно важен, потому что **всё, что создавал Берия в Грузии — от новых заводов до новых здравниц, тесно и неразрывно привязывало Грузию к России, делало Грузию частью большой страны.**

В этом смысле фигура Берии и сегодня устремляет нас в будущее, которое может быть у всех народов, слагавших Советский Союз, устойчивым лишь при новом их объединении.

Берия-победитель был многообразен, однако из многих побед Берии я выделил семь крупных блоков, а почему именно семь, скрывать не стану. Мне нравится цифра «семь» — звучная, традиционно связанная с удачей, с победой, с мощью.

Но дело не только в этом. Размышляя над жизнью Берии, взвешивая и оценивая его самые крупные дела и достижения, *я* убедился, что они вполне естественно укладываются в «магию семёрки»: чекист Закавказья, реформатор Грузии, реформатор НКВД, один из творцов Победы, куратор Атомной и Ракетной проблем, организатор послевоенного экономического и научно-технического развития, «отец» московских «высоток».

Заговор молчания вокруг фигуры Берии был так мощен и длился так долго, не уйдя в прошлое и по сей день, что даже сегодня наиболее известна лишь одна из крупных побед Берии, одержанных им для России, — решение всего за четыре года Урановой проблемы, то есть — создание советской атомной бомбы и ликвидация атомной монополии США. И практически неизвестно, например, то, что Берия многое сделал и для ракетных наших программ.

Сквозь зубы признают факт руководства Берией оборонными работами во время войны, но уже это — далеко не всегда. А ведь Берия был — как фигура общественная — многогранен. И в итоге его жизнь блистает как раз семью гранями, в ней было семь выдающихся свершений, семь выдающихся побед.

А при всём при этом — лишь одно поражение. И хотя оно стоило Лаврентию Павловичу не только карьеры, но и жизни, это поражение никак нельзя назвать бездарным. Ведь удар был нанесён даже не из-за угла, удар был в спину.

А в спину всегда бьют свои — предавая.

Вот Берия и был предан.

Но даже это единственное поражение Берии оборачивается сегодня победой — последней его победой, пусть и не вещественной, а только нравственной.

Хрущёв считал, что он не просто избавился от конкурента, но и навечно вычеркнул его из истории страны или, по крайней мере, обеспечил Берии лишь геростратову славу.

А что вышло на деле?

Как смотрит сегодня на Хрущёва всё большее число людей, желающих исторической правды?

И как всё большее число людей смотрит на Берию?

Сталин предвидел, что на его могилу нанесут много мусора и грязи, но ветер истории размечет всё наносное и останется голая, неприкрытая правда о тех днях, когда за три десятилетия Россия под руководством Сталина прошла путь от сохи до атомной бомбы.

Но ведь поднимающийся ныне очистительный ветер истории развеивает мусор не только на сталинской могиле. Этот ветер сметает на свалку истории и ложь о соратниках Сталина, о вождях народных побед.

Значит, ветром истории уносит и ложь о Лаврентии Берии. Он много и часто побеждал за счёт ума, энергии, веры в людей, и лишь раз был побеждён, а точнее — предан. Но в итоге всё равно победил — смертью смерть поправ!

Берия не летал на Канары, не ездил в круизы, не таскался по модным горнолыжным курортам.

И даже — хотя ему это раз за разом приписывают — не имел личных гаремов из «звёзд» и топ-моделей.

Но жизнь Лаврентий Берия прожил настоящую, деятельную, захватывающую.

По-настоящему — мужскую.

Вот об этом я в своей книге и расскажу.

Пролог

Молодой Берия и его автобиография

АРХИВНЫХ документов по Берии за последние годы в научном обороте хотя и прибавилось, но рассекречиваются они по сей день с особой неохотой. К тому же и уничтожались архивы Берии уже с хрущёвских времён с большим зверством, чем остальные архивы. Разве что сталинские архивы уничтожались ещё более зверски и изуверски.

Собственно, фальсификация смысла и сути деятельности Берии на благо России началась сразу после его ареста 26 июня 1953 года — на состоявшемся в начале июля 1953 года «антибериевском» Пленуме ЦК КПСС, который полностью был посвящён «разоблачениям» Берии.

В результате Берия даже сегодня «документирован» намного более скупо, чем, например, Каганович или Молотов.

Сегодня мы имеем изданную хотя бы частично переписку Молотова со Сталиным в 30-е годы, и практически полную переписку со Сталиным в 30-е годы Кагановича. Ничего подобного в случае Берии мы не имеем и, как я догадываюсь, иметь не будем. Документальная правда о Берии во многом превратилась давно в дым и пепел.

Утверждают, что рукописи не горят. Что ж, может быть, в отношении литературных рукописей это и так, но исторические архивы горят за милую душу. Горят в том числе и потому, что сжечь неудобные документы всегда находится больше желающих.

О МОЛОДЫХ годах Берии достоверного известно мало, и поэтому особую ценность представляет собой его автобиография, которую молодой Берия написал в 1923 году по поводу, суть которого проясняется в заключительных строках документа.

Литературный стиль автобиографии вполне неплох даже для природного русака, и тем более неплох он для молодого мингрела двадцати четырёх лет, всю жизнь прожившего до того на Кавказе.

Впрочем, русский язык Берия усвоил рано — в Сухумском высшем начальном училище, в котором Лаврентий учился восемь лет и которое окончил с отличием, русскому языку уделялось большое внимание — шесть часов в неделю. И учителя там были неплохие, если не сказать больше — как и его соученикам по Сухумскому училищу, Берии повезло, в училище преподавал в то время сам Дмитрий Гулиа. Народный поэт Абхазии, основоположник абхазской художественной литературы и абхазского литературного языка, в советское время награждённый орденом Ленина, Гулиа был гуманистом и влияние на своих

учеников оказывал, конечно же, лишь положительное.

Когда Берия начинал учёбу, Гулиа было тридцать три года — возраст Христа и первой зрелости. Можно лишь предполагать — выделял ли Гулиа юного Лаврентия из общей массы, но позднее он ему должное воздал. Так, том 13-й 2-го издания Большой Советской Энциклопедии, подписанный к печати ровно за год до ареста Берии — 27 июня 1952 года, в статье о Дм. Гулиа сообщает, что «вдохновенные стихи Г[улиа] посвятил великому Сталину и его соратнику — Л.П. Берия»…

Как ни странно, но эта информация не была удалена из такого авторитетного, нормативного в СССР, источника, как БСЭ, даже после падения Берии и спокойно скрывалась в толще 13-го тома все годы замалчивания Берии.

Надо сказать, что с вырезанием имени и заслуг Берии из советской истории история получилась занятная — почти комическая, если бы не трагизм судьбы Лаврентия Павловича.

После 1953 года хрущёвские аппаратчики выреза ли Берию из истории буквально, в прямом смысле слова — бритвенным лезвием! В 1953 году подписчики Большой Советской Энциклопедии получили по почте пакет, внутри которого находились несколько типографских листов формата 824108/16 и четвертушка листа, где типографским образом сообщалось следующее:

ПОДПИСЧИКУ БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия» рекомендует изъять из 5-го тома БСЭ 21, 22, 23 и 24 страницы, а также портрет, вклеенный между 22 и 23 страницами, взамен которых Вам высылаются страницы с новым текстом.

Ножницами или бритвенным лезвием следует отрезать указанные страницы, сохранив близ корешка поля, к которым приклеить новые страницы.

Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия»

Что практически все подписчики и сделали.

Но, как давно сказано, строгость российских законов умеряется неисправным их исполнением. Так вышло и здесь. Огромную статью о Берии на страницах с 21 по 24 хрущёвцы вырезать распорядились, как и его портрет. Но те или иные упоминания о Берии имелись ведь не в одном, и не в двух, а во многих томах 2-го издания БСЭ, и это-то из виду было выпущено.

Например, мастера вырезаний забыли заглянуть в самый первый том БСЭ, подписанный в печать 15 декабря 1949 года, в статью «Азербайджанская Советская Социалистическая

Республика». Так что и после 1953 года любой мог прочесть на странице 449-й 1-го тома 2-го издания БСЭ, что «непосредственными проводниками указаний Ленина и Сталина об освободительном движении в Закавказье были верные их ученики — Г.К. Орджоникидзе, С.М. Киров, А.И. Микоян, Л.П. Берия.»

Конечно, роль Берии в революции и близко не сопоставима даже с ролью Микояна, не говоря уже об Орджоникидзе и Кирове, так что имя Берии было здесь «подвёрстано» авторами БСЭ, что называется, задним числом, хотя.

Хотя «по интегралу» сказанное было не таким уж и неверным, потому что в итоге роль Берии в развитии советского Азербайджана оказалась более чем сопоставимой с ролью первых трёх упомянутых в БСЭ крупных большевиков. Поэтому имя Берии — в связи с его вполне реальными делами — упоминалось в статье об АзССР и на страницах 450, 452, 454, 455-й.

Да, непросто оказалось вымарать имя Берии отовсюду.

Вот почему, даже после того как тотальное шельмование Берии стало в постсталинском СССР хорошим политическим тоном, оказались возможны казусы типа того, который имел место быть в энциклопедической статье о Дм. Гулиа.

При этом юного Берию учил не один лишь он, среди сухумских учителей Лаврентия были и другие известные в Абхазии интеллигенты — Эшба, Чочуа, Джанания.

Преподавали в училище и русские, так что не приходится удивляться тому, что русский язык автобиографии молодого Берии — вполне грамотный и свободный.

Аутентичность текста автобиографии (то есть — принадлежность его Л.П. Берии) не подвергают сомнению даже самые грязные и недобросовестные клеветники на Лаврентия Павловича, и текст автобиографии я привожу по антибериевскому сборнику Политиздата 1991 года «Берия: конец карьеры» (стр. 320–325), где сообщается, что этот документ Л.П. Берии был «обнаружен. в его личном деле».

Забегая вперёд, сообщу, что на эту же автобиографию при первичном допросе арестованного Берии 8 июля 1953 года ссылался и видный хрущёвец, Генеральный прокурор СССР Руденко.

И ещё один момент — **всё**, **что написано Берией в его автобиографии**, **вне всяких сомнений**, **соответствует действительности**, **то есть**, **говоря попросту**, **— правдиво**. Ведь всё, что он писал, тогда было просто и легко проверить — те, кто читал строки, написанные молодым Лаврентием, сами были не только свидетелями событий, ноих участниками, творцами.

Автобиографию Берия писал явно с большой тщательностью и со старанием уже потому, что направлял её в ЦК КП(б) Грузии, и результат рассмотрения его заявления определял его дальнейшую судьбу. То есть мы имеем дело с не с маху написанным и не раз редактированным текстом.

Из автобиографии видно, что уже первые двадцать четыре года жизни Л.П. Берии были так активны, что даже в ту бурную эпоху многим такой биографии хватило бы на всю оставшуюся жизнь. А для Берии всё, сделанное им к осени 1923 года, нельзя рассматривать даже как «стартовую площадку».

Впереди у него были такие свершения, что по сравнению с ними бледнела и яркая, насыщенная его собственная биография по состоянию на конец октября

1923 года.

Вот она.

* * *

Родился я 17 марта 1899 г. в селе Мерхеули (в 15 верстах от города Сухума) в бедной крестьянской семье. Ввиду того, что мое обучение было в тягость родителям, будучи ещё учеником Сухумского городского училища, я готовил учеников младших классов, помогая таким образом семье, и это продолжалось с перерывами до 1915 г. В 1915 г. переехал в Баку; с этого момента и начинается моя самостоятельная жизнь. Уже с этих пор, учась в техническом училище, я имею на иждивении старуху мать, глухонемую сестру и племянницу 5 лет.

Учение мое, начатое в 1907 г. в городе Сухуме, по окончании курса высшего начального училища (в 1915 г.) с переездом моим в Баку продолжалось здесь и протекало следующим образом: приехав в Баку, я поступаю здесь в среднее механико-строительное училище, где обучаюсь 4 года. В 1919 г. я окончил курс в училище, а в 1920 г. с преобразованием технического училища в политехнический институт поступаю в последний. С этого момента регулярное обучение прекращается и занятия мои в институте продолжаются с перебоями до 1922 г. Однако за все это время я связи с институтом не теряю, и только в 1922 г. в связи с переводом меня Заккрайкомом РКП из Баку в Тифлис я прекращаю учение, числясь к тому времени студентом 3-го курса.

Так прерывается мое учение в Баку, начатое здесь в 1915 г., с перерывами продолжавшееся до 1922 г.

В том же 1915 г. начинается впервые и мое участие в партийной жизни, тогда ещё в зачаточной форме. В октябре этого

года нами — группой учащихся Бакинского технического училища — был организован нелегальный марксистский кружок, куда вошли учащиеся из других учебных заведений. Кружок просуществовал до февраля 1917 г. В этом кружке я состоял казначеем. Мотивами создания кружка были: организация учащихся, взаимно материальная поддержка и самообразование в марксистском духе (чтение рефератов), разбор книг, получаемых от рабочих организаций, и прочее. Одновременно был избран старостой своего класса (нелегально). В марте 1917 г. я совместно с тов. В. Егоровым, Пуховичем, Аванесовым и ещё одним товарищем (фамилию не помню) организовываем ячейку РСДРП (большевиков), где я состоял членом бюро.

В 1916 г. (летние каникулы) я служил в качестве практиканта в главной конторе Нобель в Балахнах, зарабатывая на пропитание семье и себе.

В ходе дальнейших событий, начиная с 1917 г., в Закавказье я вовлекаюсь в общее русло партийно-советской работы, которая перебрасывает меня с место на место, из условий легального существования партии (в 1918 г. в городе Баку) в нелегальное (1919–1920 гг.), и прерывается выездом моим в Грузию. В июне

1917 г. я в качестве техника-практиканта поступил в гидротехническую организацию армии румынского фронта и выезжаю с последней в Одессу, оттуда в Румынию, где работаю в лесном отряде села Негуляшты. Одновременно являюсь выборным от рабочих и солдат, председателем отрядного комитета и делегатом от отряда, часто бываю на районных съездах представителей районов в Пашкани (Румыния). На этой работе я остаюсь до конца 1917 г. ив начале

1918 г., по приезде в Баку, продолжаю усиленным темпом работу в техническом училище, быстро наверстывая пропущенное. В январе 1918 г. поступил в Бакинский Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов, работая здесь в секретариате Совета сотрудником, выполняя всю текущую работу, и этой работе отдаю немало энергии и сил. Здесь я остаюсь до сентября 1918 г., октябрь же этого года застает меня в ликвидации комиссии советслужащих, где я остаюсь до занятия города Баку турками. В первое время турецкой оккупации я работал в Белом городе на заводе «Каспийское товарищество» в качестве конторщика. В связи с началом усиленных занятий в техническом училище и необходимостью сдать некоторые переходные экзамены я принужден был бросить службу. С февраля 1919 г. по апрель 1920 г., будучи председателем коммунистической ячейки техников, под руководством старших товарищей выполнял отдельные поручения райкома, сам

занимаясь с другими ячейками в качестве инструктора. Осенью того же 1919 г. от партии Гуммет (мусульманская организация большевистской ориентации, созданная ещё до революции по инициативе Сталина и др. — *С.К.*) поступаю на службу в контрразведку, где работаю вместе с товарищем Муссеви. Приблизительно в марте 1920 г., после убийства товарища Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в Бакинской таможне.

С первых же дней после Апрельского переворота в Азербайджане краевым комитетом партии (большевиков) от регистрода (Регистрационный (разведывательный) отдел. — *С.К.*) Кавказского фронта при РВС 11-й армии командируюсь в Грузию для подпольной зарубежной работы в качестве уполномоченного. В Тифлисе связываюсь с краевым комитетом в лице тов. Амаяка Назаретяна, раскидываю сеть резидентов в Грузии и Армении, устанавливаю связь со штабами грузинской армии и гвардии, регулярно посылаю курьеров в регистрод города Баку. В Тифлисе меня арестовывают вместе с Центральным Комитетом Грузии, но согласно переговорам Г.Стуруа с Ноем Жордания освобождают всех с предложением в 3-дневный срок покинуть Грузию. Однако мне удаётся остаться, поступив под псевдонимом Лакербая на службу в представительство РСФСР к товарищу Кирову, к тому времени приехавшему в город Тифлис. В мае 1920 г. я выезжаю в Баку в регистрод за получением директив в связи с заключением мирного договора с Грузией, но на обратном пути в Тифлис меня арестовывают по телеграмме Ноя Рамишвили и доставляют в Тифлис, откуда, несмотря на хлопоты товарища Кирова, направляют в кутаисскую тюрьму. Июнь и июль месяцы 1920 г. я нахожусь в заключении, только после четырех с половиной дней голодовки, объявленной политзаключенными, меня этапным порядком высылают в Азербайджан. По прибытии (август 1920 г.) меня ЦК РКП затребовал из армии и назначил управляющим делами ЦК Азербайджана. На этой должности я оставался до октября 1920 г., после чего Центральным Комитетом назначен ответственным секретарем Чрезвычайной Комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих. Эту работу я и товарищ Саркис (председатель комиссии) проводили в ударном порядке вплоть до ликвидации Комиссии (февраль 1921 г.). С окончанием работы в Комиссии мне удаётся упросить Центральный Комитет дать возможность продолжать образование в институте, где к тому времени я числился студентом (со дня его открытия в 1920 г.). Согласно моим просьбам ЦК меня посылает в институт, дав стипендию через Бакинский Совет. Однако не проходит и двух недель, как ЦК посылает требование в

Кавказское бюро откомандировать меня на работу в Тифлис. В результате ЦК снимает меня с института, но вместо того чтобы послать в Тифлис, своим постановлением назначает меня в Азербайджанскую чека заместителем начальника секретно-оперативного отдела (апрель 1921 г.) и вскоре уже — начальником секретно-оперативного отдела — заместителем председателя Азербайджанской чека.

Не буду останавливаться на напряжённом и нервном характере работы в Азербайджанской чека. В результате такой вскоре сказались положительные результаты. Останавливаясь здесь на разгроме мусульманской организации «Иттихат», которая насчитывала десятки тысяч членов. Далее — разгром Закавказской организации правых эсеров, за что ГПУ (ВЧК) своим приказом от 6 февраля 1923 г. за № 45 объявляет мне благодарность с награждением оружием. Итоги той же работы отмечены Совнаркомом АССР в своём похвальном листе от 12 сентября 1922 г. ив местной прессе. Работая в Азербайджанской чека, одновременно состою председателем Азмежкома (Азербайджанская междуведомственная комиссия) с VII-1921 г. по XI-1922 г. Затем в комиссии ВЭС (Высшего экономического совета) и в комиссии по обследованию ревтрибунала. По партийной линии состою прикреплённым от БК АКП к рабочим ячейкам, а позже для удобства — к ячейке ЧК, где состою членом бюро, бывал избираем почти на все съезды и конференции АКП, состоял также членом Бакинского Совета. В ноябре 1922 г. Закавказским крайкомом отзываюсь из Азербайджанской чека в распоряжение ЦК КПГ, который назначил меня начальником секретно-оперативной части и заместителем председателя ЧК Грузии. Здесь, принимая во внимание всю серьёзность работы и большой объект, отдаю таковой все свои знания и время, в результате в сравнительно короткий срок удаётся достигнуть серьёзных результатов, которые сказываются во всех отраслях работы: такова ликвидация бандитизма, принявшего было грандиозные размеры в Грузии, и разгром меньшевистской организации и вообще антисоветской партии, несмотря на чрезвычайную законспирированность. Результаты достигнутой работы отмечены Центральным Комитетом и ЦИКом Грузии в виде награждения меня орденом Красного Знамени. В Грузии, работая в ЧК, также состою членом бюро коммунистической ячейки и членом Тифлисского Совета рабочих и солдатских депутатов.

За время своей партийной и советской работы, особенно в органах ЧК, я сильно отстал как в смысле общего развития, так равно не закончив свое специальное образование. Имея к этой

отрасли знаний призвание, потратив много времени и сил, просил бы ЦК предоставить мне возможность продолжения этого образования для быстрейшего его завершения. Законченное специальное образование даст мне возможность отдать свой опыт и знания в этой области советскому строительству, а партии — использовать меня так, как она найдёт нужным.

1923 г. 22/X (подпись)»

В УПОМЯНУТОМ выше антибериевском сборнике 1991 года публикаторы автобиографии Л.П. Берии, некто Б.С. Попов и В.Т. Оппоков, пишут: «.Показуха, самовосхваление, возвеличение мелочей до крупных масштабов — это, видимо, черта характера, получившая благодаря обстоятельствам угрожающее для других развитие.»

Читатель может сам решить, справедлива ли такая оценка.

Я же обращу его внимание на то, что было точно подмечено — очевидно, впервые, Юрием Мухиным, много сделавшим для очищения имени Берии.

Какое там самовосхваление! Особенно — с учётом того, о чём просит старших товарищей по партии автор автобиографии. Ведь, по меткому определению Мухина, Берия просился «из генералов в студенты».

Лишь искренняя и морально состоятельная личность способна, занимая весьма высокое положение в государственной иерархии, проситься вновь на студенческую скамью.

Вот так Берия начинал. А ранняя автобиография Л.П. Берии — безусловно, яркий и убедительный документ эпохи.

И она показывает её автора — как ни посмотри — с самой лучшей стороны.

Так оно шло и дальше, год за годом, три десятилетия — от одной победы к другой.

ПО МЕРЕ своего политического и человеческого взросления Берия играл в новой стране с названием «Союз Советских Социалистических Республик» всё более значительные роли и значение его деятельности приобретало всё больший размах в пределах всей Большой Страны…

До начала 30-х годов Берия был «чистым» чекистом, а люди таких занятий себя не только не рекламируют, но, напротив, стараются не быть на виду. И главная победа Берии тех лет: спокойствие внутри Закавказья, важнейшего стратегического региона СССР, и безопасность бакинской нефти, осталась вне общественного внимания и признания. А ведь даже перед войной бакинские нефтепромыслы давали до 75 процентов общесоюзной добычи нефти, и это — не считая нефтеперерабатывающих заводов Закавказья!..

Поэтому чекистскую деятельность Берии в Закавказье, чекистом № 1 которого он, несомненно, был, можно определить, по большому счёту, как борьбу за нефть для социализма.

Борьба эта в разное время принимала разный вид — порой нефть отступала на второй и даже третий план, но она всегда присутствовала среди решаемых чекистом Берией проблем уже потому, что ведь и противная сторона — спецслужбы Запада, белая и националистическая эмиграция, западные политиканы и бизнесмены — тоже рассматривала проблему кавказской нефти как важнейшую и главнейшую.

Вот с Баку мы и начнём.

Глава 1. 1921–1931. Чекист Закавказья № 1: борьба за нефть для социализма

НА ПЕРВЫЙ взгляд, кавказский период жизни и деятельности Берии сегодня для нас представляет меньший интерес, чем, например, его работа в советском Атомном проекте. Там он самым очевидным образом работал на весь Союз, и результат его «атомных» усилий хранит Россию по сей день.

А Кавказ? Ну, ловил он там бандитов, ну боролся с агентами грузинской эмиграции. А нам-то что с того?

Но это, конечно, не так! *Я* уже говорил об этом, но кое-что повторю.

Во-первых, Кавказ всегда был важнейшим для России регионом, и работа Берии на Кавказе имела значение для всей страны. Как уже сказано, чекистскую деятельность Берии в Закавказье можно определить в некотором смысле как борьбу за нефть для России.

Во-вторых, можно ли понять человека, не зная того, как он начинал, как и на каком деле он формировался? Истоки настоящего и будущего уходят в прошлое. Каким бы банальным ни казалось это утверждение, оно верно.

До революции и в первые годы Советской власти значение Кавказа было прежде всего геополитическим, но в экономическом отношении для всей России важна была тогда только нефть — нефть Баку.

Пропахший нефтью, интернациональный Баку стал для грузинского мингрела Берии, родившегося и росшего в Абхазии, особой частью его биографии. В Баку Лаврентий получил неплохое профессиональное образование, в Баку прошла его самая первая, хотя и бедная, но по-юному безмятежная молодость.

В Баку он пришёл в революцию, там работал в подполье и там же стал чекистом. И его чекистская деятельность в Закавказье стала первой крупной, не только лично, но и общественно значимой победой Берии.

Он начинал как разведчик и чекист ещё до советизации Кавказа, но тянуло его к другому — об этом уже было сказано. Было сказано и то, что Берия рвался из «чекистских генералов» в студенты.

И вот тут необходимо уточнение.

Даже председатель ГрузЧК в начале 20-х годов был во всех отношениях не тем, чем были председатель КГБ Грузинской ССР в брежневские, например, годы, или министр внутренних дел Грузинской ССР, пост которого в те же годы занимал ренегат Шеварднадзе.

В 20-е годы жили скромно, и чекисты — даже руководящие, в том числе.

Скромно жил и Берия. Так что не очень сытными и доходными были тогда советские «жандармские хлеба». Но ведь и студенты жили не сытнее, а у Берии ещё и семья была.

Маленькая пока — он и жена Нино, однако семья.

Студенты перебивались с кваса на воду, зато инженеры — в силу дефицита обеспечены были сравнительно неплохо.

Я это к тому, что не так уж и соблазнительно — с чисто житейской точки зрения — было тогда быть чекистским «генералом». С другой стороны, было соблазнительно получить, что называется, крепкую профессию, дающую надёжный кусок хлеба.

Чекист Берия достиг к 24 годам вполне устойчивой перспективы роста, но был готов рискнуть достигнутым успехом ради неопределённой судьбы. Студент-политехник, став инженером-строителем, мог в том бурном времени обрести яркую судьбу и на новом поприще, но мог ведь и затеряться.

Так почему Берия просил отпустить его на учёбу?

Для морально кондиционного человека ответ очевиден: да потому, что Берия был по натуре строителем, созидателем и хотел стать им — строителем и созидателем по профессии.

Сам по себе такой склад мыслей, стремлений и чувствований опровергает все инсинуации относительно якобы садистских наклонностей Берии. Спецслужба в любом обществе даёт для подобных наклонностей намного более широкое поле развития, чем строительная площадка.

А кроме того, устремления молодого Берии показывают и доказывают, что и все обвинения его якобы в карьеризме — тоже чепуха! Был бы он карьеристом — зубами бы держался за своё, пусть пока и жёсткое, но «руководящее» кресло в ЧК.

А он за него, как видим, не держался.

Устремления молодого Берии обнаруживают и его несомненную уверенность в своих силах. Он не боится круто развернуть судьбу — сменить надёжную работу и уйти на неизвестный виток судьбы.

Однако выбирать свою судьбу в новой России самому Лаврентию не пришлось — ни тогда, ни позднее. При всей силе характера, вся сознательная жизнь Берии прошла под знаком

выбора пути не им самим, а под знаком исполнения поручений партии, державы, а позднее — ещё и лично Сталина.

ВПРОЧЕМ, в 20-е годы путь Берии в личную сталинскую «команду» лишь начинался, и никто, в том числе и сам Лаврентий, не знал, что путь, прокладываемый не личными пристрастиями, а партийным долгом, приведёт молодого кавказца в Кремль, в державный сталинский кабинет, и приведёт не редким гостем, а непременным участником всех серьёзных совещаний и дискуссий в этом высоком кабинете.

В Азербайджане Берия проработал недолго, но сделал много. Причём как раз в Баку он мог пройти и прошёл хорошую школу и как контрразведчик, заодно знакомясь и с ремеслом разведки. В Баку были к тому все возможности. Вряд ли в СССР был другой такой узел разнообразных тайных интересов — и политических интересов разных держав, и специфических интересов их спецслужб.

И интересы замыкались, в конечном счёте — на нефти. Бакинской нефтью владели до революции Нобели, владел знаменитый Детердинг, основатель нефтяной империи «Шелл».

К бакинской нефти тянулись «Стандарт ойл оф Нью-Джерси» и «Стандарт ойл оф Нью-Йорк», «Галф» и «Компани франсэз».

Имели свою «бочку нефти» в Баку местные магнаты Манташевы и армянско-турецкий нефтяной «король» Калуст Саркис Гюльбенкян.

И вся эта могущественная свора не была склонна отдавать нефть Баку новой, Советской России. Причём действовать на Кавказе удобнее всего было через националистов. У тех были руки, связи, знание местных условий, у нефтяных магнатов — деньги. Поэтому если даже кавказские чекисты вскрывали внешне чисто националистические заговоры, то, в конечном счёте, в масштабах большой страны это всё равно было битвой за нефть.

Ведь в случае прихода к власти в результате успешного антисоветского переворота расплачиваться националистам со своими «спонсорами» кроме как нефтью было бы нечем.

Не стану много останавливаться на бакинском и вообще закавказском клубке политических гадюк, но скажу, что клубок был, и клубок солидный, опытный, заслуженный.

Причём в Баку сплетались проблемы всего Прикаспийского региона, всего побережья Каспийского моря. По обе стороны Каспия потенциальных «клиентов» чекистов хватало! Один правый эсер Фунтиков чего стоил!

Он и его «коллеги» — как эсеры, так и меньшевики — в период гражданской войны стали профессиональными заговорщиками. В июле 1918 года Фунтиков вместе с кадетами

(граф Доррер), туркменскими националистами, офицерами текинских конных частей и прочими поднял Асхабадский мятеж. В результате было организовано Закаспийское временное правительство во главе с Фунтиковым.

О 26 бакинских комиссарах, расстрелянных в сентябре 1918 года на 27-й версте Закаспийской железной дороги между станциями Перевал и Ахча-Куйма, знают все. «Техническую» сторону этого убийства, подготовленного в Баку эсерами и английскими интервентами, приняло на себя Закаспийское временное правительство, в чём Фунтиков позднее письменно признавался бывшему члену ЦК партии эсеров Чайкину.

Но почти забыт расстрел 9 асхабадских (ашхабадских) комиссаров, которые были расстреляны в ночь на 23 июля 1918 года между станциями Аннау и Гяуре, в 18 километрах от Ашхабада.

«Почерк» у обоих преступлений был одинаковым, да оно и понятно — оба расстрела были организованы одними и теми же силами.

Падение Бакинской коммуны в 1918 году подготавливали тоже правые эсеры совместно с меньшевиками, при этом они самым тёплым образом спелись сразу и с мусаватистами, и с англичанами, которых представлял генерал-майор Денстервиль. Воспоминания генерала были изданы в 1925 году в Тифлисе, и он там писал, как завербовал полковника Терского казачьего войска Лазаря Бичерахова, командовавшего отрядом терских казаков в полторы тысячи сабель. Денстервиль писал:

«Бичерахов решил сделаться большевиком. Об этом он телеграфировал комитету большевиков, признаваясь чистосердечно, что только Советская власть. может спасти Россию».

Отряду Бичерахова была поручена оборона Баку от турецких войск на одном из участков фронта. 29 июля 1918 года «чистосердечный» полковник открыл туркам фронт и ушёл в Дагестан.

31 июля Советская власть в Баку пала, 4 августа правые эсеры, меньшевики и армянские дашнаки, в Баку сильные, образовали так называемую Диктатуру Центрокаспия, и 4-го же августа в Баку вошла небольшая группа англичан. 17 августа заявился и сам генерал Денстервиль с основными силами.

После захвата Баку Бичерахов был награждён двумя высокими британскими орденами и получил чин генерала английской армии — в Англию он позднее и сбежал.

А вот ещё один закавказский персонаж — брат полковника Бичерахова Георгий Бичерахов, инженер, меньшевик, организатор

антисоветского мятежа зажиточного терского казачества и горской верхушки летом — осенью 1918 года.

Этот опасный мятеж известен в истории под названием «Бичераховщина». Причём он был вдохновлён английской миссией во Владикавказе, связанной с Деникиным.

Одно, что называется, к одному!

Покровитель и резидент Лазаря Бичерахова, генерал Денстервиль руководил подготовкой свержения Бакинской коммуны из Персии и в своих воспоминаниях не скрывал, что:

«Связь с Баку. была налажена при посредстве почти ежедневных курьеров; наши друзья, социал-революционеры, были в состоянии. установить новую форму правления в Баку и пригласить на помощь англичан. *Я* неоднократно вёл переговоры с представителями партии с.-р., программа которых гораздо более соответствует нашим целям.»

Целям англичан соответствовала, впрочем, программа не только эсеров. Мусаватисты, дашнаки, панисламисты из «Иттихади-ислам», радикальные горские националисты, политические бандиты и просто бандиты — все они вполне устраивали не только англичан, но и турок, немцев, поляков, американцев уже потому, что эта пёстрая шваль была враждебна большевикам. При всех взаимных сварах и разногласиях они были схожи в двух основных пунктах: в ненависти к Советам и в готовности продаваться кому угодно при условии оплаты твёрдой валютой.

После восстановления в Азербайджане Советской власти руководящие мастера заговоров и мятежей ушли в эмиграцию, но своей подрывной работы не прекращали, и велась она местными, ушедшими в подполье, «кадрами». Кто-то легализовался, якобы раскаявшись, но нередко «чистосердечность» признания Советской власти была, увы, «бичераховского» типа.

С подобной «публикой» Берии, который с апреля 1921 года стал заместителем начальника секретно-оперативного отдела Азербайджанской ЧК, и пришлось иметь дело. А через месяц он «пошёл на повышение», назначенный начальником секретно-оперативной части и заместителем председателя Азербайджанской ЧК.

ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ АзЧК в то время был Мир Джафар Багиров (1896–1956). Расстрелянный в Баку через три года после убийства Берии, Багиров память о себе оставил в истории неоднозначную. Но никто не может отрицать, что для развития советского Азербайджана Мир Джафар, возглавляя республиканскую партийную организацию с 1933 по 1953 год, сделал немало полезного и толкового.

В то же время коварного восточного колорита эта фигура лишена не была. Так, будучи на протяжении многих лет с Берией очень близок, на антибериевском Пленуме ЦК КПСС в июле 1953 года Багиров отрёкся от него в самых энергичных выражениях.

Я это к тому, что обычно считается, что вначале Багиров якобы покровительствовал Берии, а уж потом, когда Берия сильно «вырос», Багиров стал «человеком Берии».

Примитивно выглядят такие заявления…

Багиров руководил АзЧК (ГПУ) до 1927 года, потом был два года председателем правления Закавказского сельского союза и в 1929 году вновь стал председателем Азербайджанского ГПУ. Берия в это время работал в Тифлисе председателем ГПУ Грузинской ССР и вряд ли мог повлиять на назначение Багирова.

Да и на перевод Багирова в 1932 году Председателем Совнаркома АзССР, и на назначение его в 1933 году 1-м секретарём ЦК КП(б) Азербайджана — тоже.

Конечно, с октября 1932 года Берия стал 1-м секретарём Закавказского крайкома ВКП(б), то есть — лидером всего Закавказья, но окончательные решения по кавказским делам принимал Сталин, а влияние здесь имели тогда, как я понимаю, прежде всего Орджоникидзе и Киров.

Другое дело, что работали Берия и Багиров вместе издавна и тесно. Не исключено, что и в АзЧК Берия попал благодаря Багирову, который в ходе борьбы за Закавказье был в 1920 году заместителем председателя Военного трибунала 11-й армии Кавказского фронта, а Берия работал в Регистрационном, то есть — разведывательном, отделе РВС 11-й армии.

Но имеется здесь, пожалуй, некий тонкий момент.

Даже если Берию «рекрутировал» в чекисты не Багиров, всё равно, с самого начала работы в АзЧК, да ещё и на ответственной должности, Берия не мог не попасть в поле зрения Багирова как председателя АзЧК. И, конечно же, Берия не мог не понравиться Багирову, о чём свидетельствует и скорое повышение.

А как было дальше? Почему такого толкового работника предАзЧК Багиров так легко уступил ГрузЧК?

Не потому ли Берия был переведён из Баку в Тифлис, что склонный к интриге Багиров быстро усмотрел в Берии пусть и невольного, но опасного соперника, способного обойти начальника?

Так или иначе, через полтора года, с ноября 1922 года, начальника Секретно-оперативной части и зампреда АзЧК Л.П. Берию переводят на ту же должность в ГрузЧК.

Впрочем, возможно, всё объясняется объективно, хотя и в таком случае в основе мотивации перевода лежит всё та же

активность и толковость Берии. Чекистская оперативная обстановка в Азербайджане была не из лёгких, но в Грузии она была вообще из рук вон плоха. Достаточно сказать, что даже когда по всему СССР органы ВЧК были преобразованы в органы ГПУ, в Грузии всё ещё продолжала работу именно *Чрезвычайная* комиссия по борьбе с контрреволюцией — вот какой сложной была там оперативная обстановка.

БЕРИЯ уезжал из Баку навсегда, и то, как он поработал в Азербайджане, можно понять из двух документов.

Вот первый:

«Азербайджанская Социалистическая Советская Республика Азербайджанский Совет Народных Комиссаров

Азербайджанский Совет Народных Комиссаров в ознаменование исполнения начальником секретно-оперативного отделения Азербайджанской Чрезвычайной комиссии тов. Берией Лаврентием Павловичем своего долга перед пролетарской революцией, выразившегося в умелом руководстве блестяще выполненного в государственном масштабе дела по ликвидации Закавказской организации п. с.-р., награждает его золотыми часами с монограммой.

Председатель Совет Народных Комиссаров Г. Мусабегов»

Вот второй:

«Выписка из приказа ГПУ от 1923 года за № 45 За энергичное и умелое проведение ликвидации Закавказской организации п. с.-р. нач. с.о.ч. Бакинского губотдела тов. Берия и нач. секретного отделения тов. Иоссем награждаются оружием — револьверами системы «Браунинг» с надписями, о чем занести в их послужные списки.

Зампред ГПУ (Уншлихт)»

Положительно характеризующие Берию документальные свидетельства давно превратились в архивную диковинку. Но кое-что и осталось.

Сохранилось, например, «Удостоверение.», подписанное секретарём ЦК

Азербайджанской Компартии Ахундовым, где говорилось:

«Дано сие ответственному партийному работнику тов. Берия Л.П. в том, что он [обладает] выдающимися способностями, проявленными в разных аппаратах государственного механизма. Работая Управделами ЦК Аз. компартии, чрезвычайным уполномоченным регистрода Кавфронта при реввоенсовете 11-й армии и ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих, он с присущей ему энергией, настойчивостью выполнил все задания, возложенные партией, дав блестящие результаты своей

разносторонней работой, что следует отметить как лучшего, ценного, неутомимого работника, столь необходимого в настоящий момент в советском строительстве.»

Удостоверение было дано в 1923 году, когда Берия уже работал в Грузии. Сейчас невозможно сказать точно — почему понадобилась Берии, работающему в Грузии, характеристика из Азербайджана?

Возможно, Берия, стремясь уйти из ЧК на учёбу, нуждался в подтверждении того, что он вполне пригодится на партийной или советской работе, почему в аттестации Ахундова нет и слова о Берии-чекисте.

Впрочем, мы имеем и оценку Берии Кировым, бывшим тогда в Баку секретарём ЦК: «.тов. Берия хороший и энергичный чекист, проявил себя на чекистской работе с хорошей стороны».

ИТАК, проводили Берию на новую работу с почётом. Накануне перевода он был отмечен похвальным листом Совнаркомом АССР, о нём написали местные газеты. Но это в Баку, где молодой Берия успел стать чекистом № 2 Азербайджана.

В Тифлисе, где ему предстояло стать со временем чекистом № 1 всего Закавказья, его ожидала ещё более напряжённая и нервная работа.

Вскользь уже было сказано, что Грузия была, пожалуй, самой трудной для чекистов республикой Закавказья, а если вдуматься — то и всего СССР. Начать с того, что Советская власть окончательно установилась в Грузии в самую последнюю очередь. Азербайджанская ССР была образована 28 апреля 1920 года, Армянская ССР — 29 ноября 1920 года, а Грузинская ССР — лишь 25 февраля 1921 года.

При этом в Грузии традиционно были сильны меньшевики — до революции и в годы гражданской войны их было в республике намного больше, чем большевиков, и это тоже было грузинской особенностью.

Скажем, азербайджанская националистическая партия «Мусават» (Равенство») возникла в Баку в 1911 году и её активность ограничивалась, естественно, Кавказом.

Армянский «Дашнакцутюн» («Союз») образовался ещё раньше — в 1890 году, между прочим — в Тифлисе. К слову, в Тифлисе и в начале XX века армян жило больше, чем грузин. Но дашнаки тоже ограничивали свою деятельность в основном кавказским регионом.

То есть в Твери и Жмеринке ни мусаватистов, ни дашнаков не имелось, а вот меньшевики были общероссийской партией. И лидеры грузинских меньшевиков Ной Жордания, Акакий

Церетели были также одними из лидеров общероссийского меньшевистского крыла РСДРП. Большевик Сталин в 1907 году назвал их «наши кавказские клоуны», чего тот же Жордания («товарищ Ан») простить ему, конечно, не мог.

С 1918 по 1921 год Жордания возглавлял меньшевистское правительство Грузии, а теперь был в эмиграции и желал Советской Грузии одного — смерти, как и его сторонники в самой Грузии. Смерть они и несли: при эвакуации в Турцию якобы «национальное» правительство Жордании вывезло из Грузии весь запас хинина — незаменимого тогда средства против малярии. А малярия была тогда бичом грузин — достаточно вспомнить «Колхиду» Константина Паустовского.

Эмигрантские связи грузинских меньшевиков — как партии с общероссийским потенциалом были, естественно, весомыми и разветвлёнными. Дашнаки в Закавказье были сильны тем, что в мире имелась сильная и влиятельная армянская диаспора. Тот же интернациональный нефтяной «король» Гюльбенкян был, напоминаю, армянином.

То есть сложность ситуации в Грузии и значение Грузии, как и Азербайджана, заключались, не в последнюю очередь, тоже в проблеме нефти.

Так что и в Грузии дела чекисту Берии хватало.

ОДНИ готовили заговоры за кордоном, другие пытались закордонные директивы реализовать в мятежах и восстаниях, не пренебрегая ни саботажем, ни диверсиями, ни вульгарным шпионажем в пользу Запада.

Был развит бандитизм всех сортов. Берия сразу активно включился в борьбу с бандитизмом, и в 1923 году — первом году работы Лаврентия в ГрузЧК, из 31 банды, установленной чекистами на территории Грузии, 21 была уничтожена. В ходе боёв 123 бандита были убиты, 377 захвачены живыми.

Отдельной заботой оказались дашнаки, перебравшиеся в своё время из уже советской Армении в ещё меньшевистскую Грузию. Эту публику Берия хорошо знал по Баку и действовал против них со знанием её слабостей.

В начале 1923 года основной костяк дашнакского актива в Грузии, включая весь состав Тифлисского комитета, удалось арестовать. Из тайного склада в Ахалцихе были изъяты 11 пулемётов, 33 ящика гранат, 70 винтовок, 30 мешков артиллерийского пороха, 70 плит динамита, 500 пудов патронов.

Но основную боль составляли, конечно, грузинские контрреволюционеры. Массовая их база была быстро подорвана действиями Советской власти в пользу трудящегося большинства. С 25 по 30 августа 1923 года в Тбилиси вполне легально

состоялся съезд грузинских меньшевиков, делегаты которого представляли 11 235 членов партии. Съезд объявил о ликвидации партии, но ещё до этого из неё вышло около 17 тысяч рабочих и крестьян.

В обращении съезда было сказано:

«Сопоставив поведение меньшевистского правительства в Грузии с поведением сменившего его Советского правительства, мы убедились, что первое загоняло пролетариат под ярмо буржуазии, а второе выводит его на широкую дорогу к социализму. Поэтому и только поэтому мы решили покинуть ряды меньшевистской партии».

На стороне бывшего ЦК меньшевиков осталось примерно 2 тысячи человек, главным образом выходцев из дворянских и буржуазных кругов. А за границей было образовано «грузинское правительство в изгнании» во главе с Ноем Жордания, Ноем Рамишвили и Ираклием Церетели.

В Грузии представители пяти ушедших в подполье партий — социал-демократов (меньшевиков), национал-демократов, социалистов-федералистов, независимых социал-демократов и эсеров — заключили соглашение об учреждении «Комитета независимости» - «паритетного». Руководил «паритетчиками» прибывший для этого из-за кордона член ЦК партии грузинских меньшевиков, бывший министр земледелия Ной Хомерики. В Грузии готовилось восстание.

И вот тут Берия провёл блестящую операцию, ставшую известной как «дело паритетчиков».

В лице «Комитета независимости» Лаврентий имел серьёзного противника, но и комитетчики в лице Берии имели перед собой тоже далеко не ротозея. В 1924 году был арестован Хомерики, члены меньшевистского ЦК Чхикишвили, Нодия.

У Чхикишвили обнаружили письмо Ноя Жордания, который наставлял «борцов» так:

«Русские цари только с Дагестаном вели борьбу более 30 лет. А сколько лет понадобится большевикам, чтобы вести борьбу не с одним Дагестаном, а с целым Закавказьем, легко представить. Перенос военной базы на Кавказский хребет и укрепление там всеми нашими вооружёнными силами — залог нашей победы. Только в этом случае Европа обратит на нас серьёзное внимание и окажет помощь».

6 августа 1924 года ГрузЧК арестовала эмиссара Жордания — Валико

Джугели, который должен был руководить непосредственной подготовкой восстания.

К тому времени грузинские чекисты имели подробные

данные о деятельности «Комитета независимости».

Как поступил бы карьерист, если большинство нитей заговора у него в руках? Лучший способ выслужиться для карьериста — приступать к арестам, не считаясь с масштабами потерь, и чужих, и своих. И чем потери будут большими, тем больший вес можно придать победе.

Берия повёл себя прямо противоположно. Он дал Джугели убедиться, что ЧК известно всё и без его признаний. А потом Джугели было предложено обратиться из заключения к лидерам готовящегося выступления с рекомендацией отказаться от — как он убедился — авантюры.

Джугели так и поступил — он не хотел напрасной крови.

Но и Берия её не хотел!

Письмо Джугели было опубликовано в советских грузинских газетах, и вот что он, кроме прочего, писал:

«Я испытал на себе… влияние воздуха Чека, и я понял, что вся сила этого воздуха состоит в том, что именно здесь ближе знакомишься с обратной стороной нашей работы, со всеми её теневыми сторонами».

Джугели заявлял, что не малодушие и трусость привели его к отказу от борьбы, а безнадёжность задуманного предприятия.

Но ведь надо было суметь это Джугели доказать, убедить его. Берия это сумел, и именно это было в его стиле — постараться воздействовать даже на врага силой убеждения и логики.

И только если враг не ломался, его приходилось уничтожать.

Широкое восстание было сорвано, но 28 августа 1924 года группа князя Георгия Церетели захватила Чиатуру и образовала «Временное правительство Грузии». Были незначительные выступления в Сенакском, Себеринском, Зугдидском, Душетском уездах, в Гурии.

К 31 августа 1924 года всё было закончено при поддержке — в большинстве мест — самого населения. В Аджаристане на усиление охраны границы с Турцией пришло полторы тысячи крестьян.

4 сентября 1924 года работники ГрузЧК выследили и арестовали основной состав «Паритетного комитета» во главе с князем Коте Андроникашвили.

Организаторы восстания, среди которых было 17 князей, были расстреляны, но, как чаще всего и бывает, ликвидация «головки» заговора не ликвидировала всех его участников.

Борьба не прекращалась, она всего лишь видоизменялась. И её, как правило, скрытый теперь от постороннего взгляда характер лишь осложнял ситуацию.

УСТАНОВЛЕНИЕ Советской власти на Кавказе проходило,

несмотря на окончание гражданской войны, непросто. 12 марта 1922 года на полномочной конференции представителей Центральных Исполнительных комитетов Грузии, Азербайджана и Армении была учреждена Закавказская Федерация — федеративный союз трёх советских республик Закавказья.

Идея Федерации была единственно разумной, и 13 декабря того же 1922 года на 1-м Закавказском Съезде Советов в Баку Федерация была преобразована в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику, а 30 декабря 1922 года ЗСФСР объединилась с РСФСР, УССР и БССР в единое союзное государство — Союз Советских Социалистических Республик.

В Закавказье началось восстановление разрушенного и строительство нового. Это хозяйственное строительство надо было охранять от диверсий и саботажа извне и внутри страны, но чем спокойнее становилось в Закавказье, тем сложнее была работа по обеспечению этого спокойствия.

К тому же начинал образовываться ещё один «невидимый фронт» — в среде самих кавказских большевиков. Идее Федерации противились не только буржуазные националисты, но и немало национальных большевистских лидеров. Мдивани, Думбадзе, Кавтарадзе, Окуджава, Цинцадзе в Грузии, Ахундов, Гусейнов, Ханбудагов в Азербайджане считали, что каждая республика должна сохранить свою армию, иметь свою валюту, пользоваться свободой внешней торговли и обладать партийной автономией от ЦК РКП(б) и Кавказского бюро ЦК.

В октябре 1922 года группа Мдивани по прямому проводу обратилась в Москву с жалобой на Серго Орджоникидзе, который тогда был секретарём Закавказского краевого комитета РКП(б). Одновременно члены грузинского ЦК из группы Мдивани «в знак протеста» подали в отставку. Возник так называемый «грузинский вопрос».

Ленин 21 октября направил в Тифлис шифровку, где было сказано:

«Удивлен неприличным тоном записки по прямому проводу за подписью Цинцадзе и других, переданной мне почему-то Бухариным (Н-да! — *С.К.*), а не одним из секретарей Цека… Решительно осуждаю брань против Орджоникидзе и настаиваю на передаче вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на разрешение Секретариата ЦК РКП.».

25 ноября Политбюро приняло решение направить в Грузию комиссию из Дзержинского и Сталина во главе с Дзержинским для срочной выработки мер, «необходимых для установления прочного мира в Компартии Грузии».

Дзержинский и Сталин работали в Тифлисе примерно две недели (12 декабря Феликс Эдмундович доложил Ленину о результатах поездки), и работа проходила бурно. Напомню, что Орджоникидзе закатил одному из сторонников Мдивани пощёчину. Сталин и Дзержинский отнеслись к этому спокойно, а Ленин очень возмущался. Но возмущался он всё же зря — эта компания ничего другого не заслуживала!

И как раз в ноябре 1922 года Берия приезжает в Тифлис! Приезжает в разгар драки (как видим — даже в прямом смысле слова) между ленинцами настоящими и «ленинцами» в кавычках. И сразу же становится на сторону Сталина и Орджоникидзе.

Можно представить себе, сколько на одном этом Лаврентий Берия сразу же заработал себе не то что недругов, а смертельных врагов!

Да что там! Поминаемый в шифровке Ленина Цинцадзе был тоже старым, с 1904 года, большевиком, при царе работал с Мдивани в Кутаисе, Батуме, Тифлисе, Баку. А после установления в Грузии Советской власти стал. членом ЦК Компартии Грузии, членом ЦИК Грузии и. председателем ЧК Грузинской ССР.

То есть троцкист Цинцадзе (в 1927 году его исключили из партии именно за это) какое-то время был прямым начальником Берии!

Не завидую я Берии — с его-то принципиальностью!

Почти все из вышеперечисленных «большевиков» были в 1938 году репрессированы, а тогда, в 20-е годы, их политическая деградация лишь начиналась. Тем не менее для чекиста Берии это стало ещё одной, и весьма деликатной, заботой. Ведь удара можно ожидать теперь не только «справа», но и слева, не только снизу — из подполья, но и «сверху» — из руководства.

Яркая натура, Берия всегда умел и работать эффективно, а такие люди наживают врагов автоматически, независимо от того, хотят они их иметь или нет.

Постепенно наживал врагов и Берия, и они попортили ему много крови живому, а после смерти вовсю постарались его оклеветать, пользуясь классическими приёмами клеветников: «помнится мне.», «со слов имярека мне стало известно.», и т. п. Но документов, подтверждающих ложь и клевету, привести не могут — ведь документально можно подтвердить только правду!

Документы же — подлинные, конечно, а не фальсификаты — всегда и во всём — за Берию.

Скажем, погибший в 1925 году в авиакатастрофе 1-й секретарь Закавказского крайкома Мясников (Мясникян) — весьма толковый управленец успел оставить следующую характеристику:

«Берия — интеллигент. Заявил о себе в Баку как способный чекист на посту заместителя председателя ЧК Азербайджана и начальника секретно-оперативной части. Ныне нач. СОЧ Грузинской ЧК».

Тогда стандартно гладкие характеристики («.истинный партиец, в связях, порочащих его, не замечен.» и т. д.) в моде не были. Тогда писали то, что было.

Так что с позиций того времени оценка Мясникова дорогого стоит.

Есть в нашем распоряжении и много более поздняя характеристика, данная Берии его бывшим начальником Павлуновским, членом партии с 1905 года. Но вначале — небольшое пояснение.

Иван Павлуновский (1888–1937) имел судьбу неровную и кончил плохо — будучи одним из ближайших сотрудников Орджоникидзе по Наркомату тяжёлой промышленности, связался с троцкистами и в октябре 1937 года был расстрелян. Он был виновен, но доказывать это здесь не место. Просто сообщу, что ещё в октябре 1933 года Сталин писал Кагановичу: «Очень плохо обстоит дело с артиллерией. Павлуновский запутал и губит дело артиллерии. Серго (Орджоникидзе. — *С.К.*) надо вздуть за то, что он, доверив большое дело двум-трем любимчикам, готов отдать в жертву этим дуракам интересы государства.» Тем не менее, Павлуновский отделался тогда нагоняем, а в 1934 году его даже избрали кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

7 сентября 1926 года приказом ОГПУ № 190 Павлуновский был утверждён Председателем Закавказского ГПУ при СНК ЗСФСР. А 25 июня 1937 года он — судя по всему, по запросу Сталина написал следующее письмо: (орфография и синтаксис сохранены):

«Секретарю ЦК ВКП(б) т. Сталину

О т. Берия

В 1926 (в оригинале описка «В 1936». — *С.К.*) году я был назначен в Закавказье Председателем Зак ГПУ.

Перед отъездом в Тифлис меня вызвал к себе Пред ОГПУ т. Дзержинский и подробно ознакомил меня с обстановкой в Закавказье.

Тут же т. Дзержинский сообщил мне, что один из моих помощников по Закавказью т. Берия при муссоватистах работал в муссоватской контр-разведке. Пусть это обстоятельство меня ни в коей мере не смущает и не настораживает против т. Берия, т. как т. Берия работал в контр-разведке с ведома ответственных тт. закавказцев и что об этом знает он, т. Дзержинский и т. Серго Орджоникидзе.

По приезде в Тифлис.я. зашел к т. Серго (тогда — первому секретарю Закавказского крайкома. — *С.К.*). Т. Серго Орджоникидзе сообщил мне, что действительно т. Берия. эту работу вел по поручению работников партии и что об этом хорошо известно ему, т. Орджоникидзе, т. Кирову, т. Микояну и т. Назаретяну. Поэтому я должен относиться к т. Берия с полным доверием, и что он. полностью т. Берия доверяет.

В течение двух лет работы в Закавказье т. Орджоникидзе несколько раз говорил мне, что он очень высоко ценит т. Берия, как растущего работника, что из т. Берия выработается крупный работник и что такую характеристику т. Берия он, Серго, сообщил и т. Сталину.

<.>

Года два назад т. Серго как-то в разговоре сказал мне, а знаешь, что правые уклонисты и прочая шушера пытается использовать в борьбе с т. Берия тот факт, что он работал в муссоватской контр-разведке но из этого у них ничего не выйдет.

Я спросил у т. Серго, а известно ли об этом т. Сталину. Т. Серго Орджоникидзе ответил, что об этом т. Сталину известно и что об этом и он т. Сталину говорил.

Кандидат ЦК ВКП(б) Павлуновский

25 июня 1937 г.»

Впрочем, шушера — и правая, и контрреволюционная действовала против Берии не только словом. Осенью 1925 года Берия с группой чекистов на двух автомобилях возвращался по Военно-Грузинской дороге в Тифлис. На горном перевале их ждала засада.

Берия ехал на первом автомобиле. Один чекист погиб, два были ранены. Но Берия — это не моя оценка — «не потерял присутствия духа» и, отстреливаясь, прикрыл остальных.

К чему здесь, казалось бы, придраться? Герой, раненых товарищей не бросил, прикрывал огнём. Но клеветник всегда найдёт, где укусить. И известный поноситель Сталина и Берии Антонов-Овсеенко-младший по этому поводу позднее вопрошал: «Каким образом уцелел Берия, если ехал на первой машине, да ещё отстреливался?»

Это «ещё отстреливался» просто великолепно! По Овсеенко, получается, что если бы Берия не отстреливался, то шансов уцелеть у него было бы больше!..

С ДЕКАБРЯ 1926 года деятельность чекиста Берии начинает охватывать всё Закавказье — 2 декабря 1926 года он назначается заместителем полномочного представителя ОГПУ в Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республике и заместителем председателя Закавказского ГПУ, оставаясь также

начальником Секретно-оперативного отдела (СОУ) Полпредства ОГПУ в ЗСФСР.

В ноябре 1928 года пост председателя Закавказского ГПУ занял Станислав Реденс (1892–1940), член партии с 1914 года. Он сменил Павлуновского.

Реденс был женат на Анне Аллилуевой — сестре жены Сталина, то есть был свояком Сталина, но далеко идущих выводов делать здесь не советую. Кумовством Сталин никогда не занимался и даже собственных сыновей и дочь на тёплые места не пристраивал.

Новый председатель Закавказского ГПУ был опытным чекистом, но кавказской специфики не знал, поскольку работал до этого на Украине, в Крыму, в Москве. То есть при формальном первенстве и Реденса «рабочей лошадью» Закавказского ГПУ оставался Берия. И ещё вопрос — кто кем тогда чаще руководил!

На рубеже 20-30-х годов у чекистов было две постоянные головные боли: вредительство в промышленности и экономическая контрреволюция, а также проблемы коллективизации.

Здесь не место много доказывать, что сознательное вредительство и саботаж были реальными и очень существенными чертами хозяйственной жизни в СССР в 20-30-е годы. С этой язвой удалось (более-менее!) покончить только к началу войны, хотя она вновь начала поражать наш хозяйственный организм после захвата власти хрущёвцами, которыми всё более манипулировали скрытые агенты влияния.

Впрочем, последнее сказано так — к слову.

Имея же в виду ситуацию первых пятилеток и зная опубликованные ныне архивные документы, отрицать явление вредительства, причём -

многофакторного, могут лишь отъявленные фальсификаторы истории.

Новой жизни пытались вредить и вредили часть старых «спецов» и просто «бывшие», агенты спецслужб Запада и злобствующие дураки, ушедшие в подполье троцкисты и «правые», которых в руководстве экономикой тогда хватало.

В 1928 году было раскрыто «Шахтинское дело» — отнюдь не выдуманное ОГПУ, как и дело «Промпартии» в 1930 году. В 1929 году выявились крупнейшие должностные преступления налоговых работников в Астрахани — убытки государства исчислялись в 10 миллионов рублей. Хватало и других дел, в том числе и в Закавказье, но «гвоздём программы» здесь было, конечно же, вредительство в нефтяной промышленности. И борьба с ним заняла в чекистской деятельности Берии в

Закавказье немалое место.

Закавказье — это Грузия, Армения и.

И Азербайджан. А что такое был тогда Азербайджан — прежде всего — в масштабах СССР?

Азербайджан, как уже не раз говорилось выше, — это нефть Баку.

Вот по нефти враг и бил.

В 1929 году Берия начинает следствие по делу вредительства и саботажа в тресте «Азнефть».

Трест «Азнефть» — это Государственное объединение Азербайджанской нефтяной промышленности, учреждённое на основе декрета ЦИК и СНК СССР от 10 апреля 1924 года и подчинённое непосредственно Высшему Совету Народного Хозяйства (ВСНХ) СССР.

В состав «Азнефти» входили шесть промысловых площадей, три группы нефтеперерабатывающих заводов, две электростанции, ряд вспомогательных предприятий, собственные железнодорожные пути, железнодорожный, авто- и морской транспорт.

До революции всё это было распылено между почти двумястами владельцами, а 28 мая 1920 года — национализировано. Так что желающих или опять «приватизировать» огромные материальные ценности, или — если не удаётся, хотя бы напакостить «этим большевикам», в Закавказье и вне его хватало.

Максимальный уровень добычи, достигнутый в районе Баку до революции, составлял примерно 10 миллионов тонн в год. К концу 20-х годов «Азнефть» вновь выходила на этот уровень, но медленно и, так сказать, неохотно. Причины же были не столько техническими, сколько политическими. Работая по делу «Азнефти», Берия 1 сентября 1929 года писал Орджоникидзе в Москву:

«.тов. Реденс на днях вернулся из отпуска, но я решил пока в отпуск не ездить, а поехать в Баку. Нужно нажать как следует на это нефтяное дело и не дать ему принять затяжной характер, как это наблюдалось в отношении «шахтинского дела» и др. Тем паче, что тов. Сосо (Сталин. — *С.К.*) в разговоре с тов. Реденсом. высказал сомнение, сможем ли мы сами справиться… Пробуду там месяц, а если надо, и больше, но дело закончу, и все нити вредительства раскрою. Инициативу дела из рук не выпускаем и не выпустим.»

Кто-то может подумать, что Берия ехал в Баку кости подследственным ломать, но он ехал туда энергично работать. Причём всё оказалось сложнее и запутаннее, чем он думал.

Прошёл не месяц, и не три, а восемь месяцев, однако даже 13 мая 1930 года в письме Серго Орджоникидзе Берия сообщал: «Следствие по вредительству в «Азнефти» продвигается форсированным темпом.».

Саботажники из «Азнефти» получили своё, и в ходе третьей пятилетки нефтедобыча в районе Баку выросла по сравнению с дореволюционной втрое. Но во всех этих «нефтяных» и других подобных делах имелся и ещё один момент, о котором обычно забывают, а зря.

Берия сумел так «вычистить» Закавказье, что во время войны в Баку не было проблем не только с добычей нефти и производством нефтепродуктов. Там не было ни серьёзных диверсий, ни серьёзного вредительства. А ведь без стабильного снабжения страны бакинской нефтью не было бы ни контрнаступления под Москвой, ни Сталинграда, ни победы на Курской дуге.

За одно это — за битву за военную нефть задолго до войны Берия заслужил от России если и не золотой, то уж бронзовый памятник — точно!

ЕЩЁ ОДНОЙ больной проблемой была реакция кавказского крестьянства на перегибы в сельском хозяйстве.

Если заглянуть в будущее — когда сельское хозяйство Грузии приобрело очевидное всесоюзное значение после переориентации на цитрусовые, чай, ценные технические культуры, то становится понятным, что настроения грузинских крестьян имели значение не только непосредственно для региона.

Лояльное, доверяющее Советской власти, осознавшее благотворность для него самого колхозного строя, крестьянство Грузии в перспективе имело большое общесоюзное значение.

Но пока что до этого было далеко. 17 августа 1931 года Сталин в письме Кагановичу писал:

«Теперь мне ясно, что Картвелишвили (секретарь Заккрайкома. — *С.К.*) и секретариат Грузцека своей безрассудной «политикой хлебозаготовок» довели ряд районов Западной Грузии до голода… Арестовывают людей сотнями, в том числе членов партии, явно сочувствующих недовольным и не сочувствующих «политике» грузинского ЦК. Но на арестах далеко не уедешь.»

Итак, массовые волнения программировала «политика» грузинских «политиков», а отдуваться приходилось чекистам. Вот часть записки председателя Закавказского ГПУ С.Ф. Реденса и начальника секретно-оперативного отдела Л.П. Берии, направленной 11 марта 1930 года первому заместителю Председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде по прямому проводу:

«Сов. секретно

Москва, ОГПУ — тов. ЯГОДА

В результате недостаточного охвата огромного числа вновь созданных колхозов, допущенных перегибов, внутриколхозных недочетов и общей активизации антисоветских и кулацких сил усилились массовые антиколхозные выступления, принимающие политическую окраску, брожением охвачен ряд районов. Идет стремительный распад колхозов, сопровождающийся в ряде случаев разгромом Сельсоветов, избиением и изгнанием парткомсомольцев и совактива. Имевшие место выступления до сих пор ликвидировались мирными средствами и уговорами и лишь в редких случаях демонстрацией и незначительной войсковой силой, инициаторов и непосредственных участников разгромов и насилий за небольшим исключением не арестовывали., все это истолковывалось населением как признак слабости власти и способствовало ещё большему обнаглению выступавших под влиянием антисоветских сил.»

В горной Грузии вновь образовывались банды. И Реденс с Берией запрашивали санкции Центра на более энергичные действия — когда пожар возник, его приходится тушить.

Но разжигало пожар тогдашнее политическое руководство Грузии. При этом оно и внутреннюю склоку разводило — о чём чуть позже. Берии всё это надоело хуже горькой редьки — клеить не им разбитые горшки. И в том же письме Орджоникидзе от 13 мая 1930 года он пишет:

«Дорогой Серго, не один раз *я* ставил перед Вами вопрос о моей

учебе. Время проходит, кругом люди растут, развиваются, и те, которые ещё вчера были далеко от меня, сегодня ушли вперед. Известно, что безбожно отстаю. Ведь при нашей чекистской работе не успеваем зачастую даже газету прочесть, не то что самообразованием заняться…

Дорогой Серго! *Я* знаю, Вы скажете, что теперь не время поднимать вопрос об учебе. Но что делать. Чувствую, что я больше не могу.»

Возможно, когда он писал эти строки, Берия думал и о блондинке с голубыми глазами — жене Нино, которая закончила экономический факультет университета, готовила диссертацию. От него это всё было в 1930 году далеко так же, как в 1922, в 1923-м.

Берии тогда пошёл тридцать второй год, он был председателем ГПУ Грузии и заместителем председателя ГПУ Закавказской СФСР. И, даже занимая такие посты, хотел учиться.

Хотя не исключено, что теперь он, если бы получил

возможность выбора профиля образования, выбрал бы не архитектурный факультет, а, скажем, Промышленную академию, готовящую кадры хозяйственных руководителей.

Берия ведь всегда имел задатки блестящего руководителя и крупного организатора. И до своего приезда в Грузию, и после отъезда в Москву он на всех занимаемых им постах обнаруживал очевидную компетентность и даже — сверхкомпетентность.

Были в майском письме и такие строки:

«Я все строго обдумал. Мой уход на работе не отразится. Аппарат Груз.[инского] ГПУ налажен и работает настолько четко, что любой товарищ, который его возглавит после меня, справится с положением.

Аппарат Аз. [ербайджанского] ГПУ в центре также налажен. Укрепляется теперь и аппарат Арм. [янского] ГПУ. Тов. Реденс уже в достаточной мере ориентируется в нашей обстановке и свободно справляется с работой.»

А вот ещё одно место из того длинного майского письма:

«Я думаю, что мой уход из Закавказья даже послужит к лучшему.

Ведь за десять лет работы в органах ГПУ в условиях Закавказья я достаточно намозолил глаза не только всяким антисоветским и контрреволюционным элементам, но и кое-кому из наших товарищей. Сколько людей будут прямо-таки приветствовать мой уход, настолько я им приелся своим постоянным будированием и вскрыванием имеющихся недочетов. Им хотелось, чтобы все было шито-крыто, а тут, извольте радоваться, кругом недочеты и ляпсусы.

Чувствую, что определенно всем надоел. Уже начинают прорабатывать, а что будет дальше — не знаю. Со мной начинают связывать все истории, которые когда-либо были в Грузии и вообще в Закавказье. В умах многих товарищей я являюсь первопричиной всех тех неприятностей, которые постигли товарищей за последнее время, и фигурирую чуть ли не как доносчик.

Можно ли в таких условиях работать и будет ли какая-никакая польза от этой работы? *Я* думаю, что нет.»

Что ж, всесторонняя оценка ситуации и руководства «на местах» входила в прямые служебные обязанности Полпреда ОГПУ Закавказья. Чекисты весьма быстро стали играть в системе Советской власти роль объективного «государева ока». А Лаврентий Берия своими обязанностями не пренебрегал никогда.

Да и другим этого не позволял.

Таких не любят ни в «курилках», ни уж тем более в большинстве начальственных кабинетов. Иначе бывает лишь

тогда, когда сам хозяин кабинета являет собой деятельного лидера, главное «хобби» которого — его дело, занимающее двадцать четыре часа в сутки, а не положенные «присутственные» часы.

Сильный руководитель и команду подбирает по себе — сильную. Сталин был феноменально силён, так мог ли он — рано или поздно — не взять в свою личную команду работящего умницу Берию?

Имея же в виду письмо от 13 мая 1930 года, обращу внимание читателя на одну характерную его особенность: Берия никого конкретно не пытается обвинить, хотя объективно оснований к тому хватало, и переход Берии в наступление поддержку Москвы получил бы.

Ан, нет, Берия лишь «настоятельно» просит взять его из Закавказья, и «если уж никак нельзя послать на учебу, то хотя бы перебросить на другую работу в каком-нибудь из районов СССР».

Это тоже ведь характеризует человека.

И характеризует, как на мой взгляд, достойно.

В МАЕ 1931 года Реденса перевели в Белоруссию — председателем ГПУ БССР, и полномочным представителем ОГПУ СССР в ЗСФСР — председателем Закавказского ГПУ был назначен тридцатидвухлетний Лаврентий Берия.

С апреля 1931 года по декабрь 1931 года Берия занимал пост полпреда. 5 августа 1931 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило его членом коллегии ОГПУ. Ещё до этого — 30 марта 1931 года был издан приказ Председателя ОГПУ Менжинского № 154/93:

«30 марта 1931 г.

Секретно

Гор. Москва

21 марта исполнилось 10 лет существования и героической борьбы органов ГПУ Грузии…

Трудная была работа ГПУ Грузии, много славных бойцов выбыло из строя, но и достижения огромны: разгромлена меньшевистская партия Грузии, одна из наиболее мощных и организованных антисоветских партий в СССР, изъяты десятки составов её ЦК, сотни местных комитетов, тысячи членов актива; разгромлены линии связи и в результате 80-тысячная партия меньшевиков, имевшая поддержку интервентов и всего 2-го Интернационала, сведена до положения жалкой группы контрреволюционеров, разоблаченных перед трудящимися массами.

Также разгромлены и сведены на нет крупные в свое время антисоветские буржуазные партии национал-демократов и социалистов-федералистов.

Разгромлен бандитизм.»

Но кто, *бессменно* работая в Грузии и Закавказье, обеспечил это в первую голову? Что ж, на этот счёт приказ выражался вполне определённо:

«Коллегия ОГПУ с особым удовлетворением отмечает, что вся эта огромная напряжённая работа в основном проделана своими национальными кадрами, выращенными, воспитанными и закаленными в огне боевой работы, под бессменным руководством тов. Берия — сумевшего с исключительным чутьем, всегда отчетливо ориентироваться и, в сложнейшей обстановке, политически правильно разрешая поставленные задачи. в то же время личным примером заражать сотрудников и, передавая им свой организационный и оперативный навыки, воспитывать их в безоговорочной преданности Коммунистической партии и её Центральному Комитету.

Председатель ОГПУ В. Менжинский»

Конечно, это было признание. Чёткое, зафиксированное в строках официального документа, признание первой крупной победы Берии, признание его чекистом Закавказья № 1.

Ни один из крупных чекистов, работавших в Закавказье, — и репрессированных позднее, и продолжавших работать после 1938 года, ни потенциалом Берии не обладал, ни «по факту» не сделал так много, как Берия, во всех сферах чекистской работы.

При этом Берия, работая не в Центре, а в регионе, смог подготовить у себя на Кавказе кадры такого уровня, что после назначения наркомом внутренних дел СССР смог без колебаний взять с собой не один десяток человек не просто для собственного удобства, но потому, что они вполне соответствовали требованиям центрального аппарата.

Вместе с Берией они блестяще провели реформу НКВД, но об этом будет сказано в своё время и в своём месте. А в начале 30-х годов чекистская деятельность Берии скоро должна была закончиться.

И вышло это так.

ЛЕТОМ 1931 года Сталин ушёл в отпуск. Фактически это означало просто щадящий режим работы в комфортных климатических условиях — не более того. Но теперь он был ближе к грузинским проблемам, ими он, кроме прочего, и занялся вплотную.

И сразу же обнаружил самый настоящий политический хлев, авгиевы конюшни. Выше я цитировал письмо Сталина Кагановичу от 17 августа 1931 года, где Сталин возмущался «политикой» грузинских «политиков», лишающих Грузию хлеба, и требовал обязать Микояна «усилить подвоз хлеба в Западную Грузию». Но

всё упиралось в отсутствие необходимых для хранения зерна складов, которые должны были быть построены, но построены не были.

19 августа Сталин направил Кагановичу ещё одну большую шифровку. Заканчивалась она следующим:

«Четвертое. Предлагаю все дело строительства новых складов зерна для чаеводов, табаководов на западе Грузии поставить под контроль РКИ (Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции. — *С.К.*), послать людей на места, привлечь к работе Закчека (Закавказское ГПУ. — *С.К.*), в частности Берия, и добиться того, чтобы все новые склады были выстроены и сданы в эксплуатацию не позднее начала ноября».

20 августа Политбюро рассмотрело телеграмму Сталина и поручило председателю Закавказского ГПУ Л.П. Берии «организовать максимальную помощь делу строительства новых складов с тем, чтобы все новые склады были выстроены и сданы в эксплуатацию не позднее 5 ноября».

Работа началась, но грузинские «политики» во главе с тогдашним 1-м секретарём Закавказского крайкома Лаврентием Картвелишвили (1890–1938), членом партии с 1910 года, встревожились и потянулись к Сталину — коль уж Сталин приехал, то пусть он нас и рассудит.

Сталин и рассудил. 26 августа 1931 года он написал Кагановичу:

«Здравствуйте, т. Каганович!

Пишу о Закавказских делах. На днях побывали у меня члены Заккрайкома, секретари ЦК Грузии, некоторые работники Азербайджана (в том числе Полонский). Склока у них невероятная, и она у них, видимо, не скоро кончится.

Я их помирил кое-как, и дело пока что уладилось, но не надолго.

Лгут и хитрят почти все, начиная с Картвелишвили. Не лгут Берия, Полонский (1-й секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. — *С.К.*), Орахелашвили (тогда — Председатель СНК ЗСФСР. — *С.К.*). Но зато Полонский допускает ряд бестактностей, ошибок. Самое неприятное впечатление производит Мамулия (секретарь ЦК Грузии). Комическое впечатление производит предСНК Грузии Сухишвили — безнадежный балбес.

Если не вмешаться в дело, эти люди могут по глупости загубить дело. Они уже испортили дело с крестьянством в Грузии, в Азербайджане. Без серьёзного вмешательства ЦК ВКП Картвелишвили и вообще Заккрайком бессильны улучшить дело, если считать, что они захотят улучшить дело.

Как быть?»

Вопрос «Как быть?» был, впрочем, риторическим, то есть — ответа не требующим, потому что далее Сталин сам же на него и отвечал:

«Надо:

1) Назначить. на конец сентября (к моему приезду) доклад в Оргбюро Заккрайкома, Грузцека и АзЦК о положении дел;

2) Прочистить их хорошенько на заседании Оргбюро и снять ряд лиц типа Мамулия;

3) Назначить третьего секретаря Заккрайкома (предлагаю Меерзона, дав ему соответствующий наказ.)

4) И т. д. в этом роде.

Без таких мер дело в Закавказье будет гнить.

И. Сталин.

26/VIII-31»

Берия тогда уже находился в поле зрения Сталина, и Сталин его уже ценил — иначе не поручил бы чекисту Берии строить хлебные склады. Но, как видим, ещё летом 1931 года Сталин не видел необходимости в переводе Берии на партийную работу.

В сентябре 1931 года основное изменение в Закавказье выразилось в замене Мамулии на посту 1-го секретаря ЦК КП(б) Грузии) Лаврентием Картвелишвили, который остался пока и 1-м секретарём Заккрайкома.

Но в октябре Сталин вернулся в Москву и занялся кавказскими делами уже там. 19 октября состоялось заседание Оргбюро с заслушиванием «кавказцев», а 31 октября Политбюро приняло ряд кадровых решений по Закавказью.

Первым секретарём Закавказского крайкома стал председатель Совнаркома Закавказья М.П. Орахелашвили (он уже был им в 1926–1929 годах), третьим секретарём — В.И. Полонский.

А вот вторым секретарём был назначен Председатель ГПУ Закавказья Л.П. Берия. Он же стал по совместительству и первым секретарём ЦК КП(б) Грузии.

НЕ БУДЕМ гадать — почему Сталин, за два неполных месяца до этого не рассматривавший Берию даже как вариант — как заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) Меерзона, например, в октябре вдруг остановился на Берии?

Да ещё и с таким резким повышением!

Надо полагать, основания для такого выбора у Сталина имелись, и веские. Над ситуацией на Кавказе он раздумывал много, после отправки письма от 26 августа пробыл там ещё более месяца. То есть время для уточнений и корректировки своего мнения у Сталина было.

Вот он и скорректировал его.

На следующий год Сталин уехал в отпуск неожиданно рано — 1 июня и отсутствовал в Москве почти три месяца — до 27 августа 1932 года. Не исключено, что причиной раннего отъезда на юг была некая болезнь, прихватившая Сталина весной. Тогда поползли слухи, в том числе за границей, что Сталин-де плох.

25 марта 1932 года представитель телеграфного агентства «Ассошиэйтед Пресс» обратился к Сталину с вопросом — достоверны ли слухи, распространявшиеся в иностранной прессе, что в Москву для лечения Сталина приглашается известный берлинский врач Цондек.

3 апреля «Правда» опубликовала ответ Сталина:

«Г-ну Ричардсону.

Ложные слухи о моей болезни распространяются в буржуазной печати не впервые. Есть, очевидно, люди, заинтересованные в том, чтобы я заболел всерьёз и надолго, если не хуже. Может быть, это и не совсем деликатно, но у меня нет, к сожалению, данных, могущих порадовать этих господ. Как это ни печально, а против фактов ничего не поделаешь: я вполне здоров. Что касается г. Цондека, он может заняться здоровьем других товарищей, для чего он и приглашен в СССР.

И. Сталин»

Но что-то, возможно, и было — возможно даже, попытка отравления. С начала 1932 года Сталин работал в Кремле почти ежедневно, иногда делая пропуски в приёме на два-три дня, нос 19 марта он не принимал в Кремле никого до 25 марта — перерыв составил целых пять дней! Да и 25-го он принял на 25 минут одного Примакова, замкомвойсками Северо-Западного военного округа, и 26-го всего на 12 минут — секретаря ЦИК СССР Енукидзе.

И как раз 25 марта к Сталину обратился с вопросом Ричардсон. То есть нечто тёмное в этом эпизоде есть… Ведь были, были люди и на Западе, и в СССР, заинтересованные в том, чтобы Сталин заболел «всерьёз и надолго, если не хуже».

Но «фокус» не удался, отчего, возможно, в сталинском ответе и сквозила весёлая злость — врёшь, мол, не возьмёшь!

Так или иначе, уже в июне Сталин уехал на Кавказ, хотя с первого же дня «отпуска» работал каждый день — это доказывает его почти ежедневная переписка с Москвой. Причём первое же письмо Кагановичу он закончил так: *«Ну, пока все. Я здоров. Привет! И. Сталин»*.

Коль уж горный орёл Кавказа вновь оказался на Кавказе, от кавказских дел не уйти и не улететь. И 20 июня 1932 года Сталин пишет Кагановичу, Постышеву и Орджоникидзе:

«Ну, дорогие друзья, опять склока. *Я* говорю о Берии и Орахелашвили, прилагая при сём два письма Орахелашвили: одно на моё имя, другое на имя Орджоникидзе.

Мое мнение: при всей угловатости в «действиях» Берии — не прав в этом деле все же Орахелашвили. В просьбе Орахелашвили надо отказать. он может апеллировать в Заккрайком, наконец — в ЦК ВКП.

А уходить ему незачем. Боюсь, что у Орахелашвили на первом плане самолюбие (расклевали «его» людей), а не интересы дела и положительной работы…».

Пока ещё Сталин не склонен к замене Орахелашвили и письмо от 20 июня заканчивает словами:

« Все говорят, что положительная работа идет в Грузии хорошо, настроение крестьян стало хорошее. А *это главное* в работе.

Привет. И. Сталин».

Кто же был прав в возникшем конфликте — старый (с 1903 года) большевик Орахелашвили, пятидесятилетний партийный интеллигент, закончивший в 1908 году Военно-медицинскую академию, в 1921 году — председатель Ревкома Грузии, или «этот» Берия с его партийным стажем «всего»-то с 1917 года?

Что ж, давайте подумаем.

Сталин ведь недаром отметил, что верная линия для большевика — выяснять деловой конфликт (если он действительно деловой) в партийном комитете, коллегиально. А Орахелашвили бросился жаловаться Серго и Кобе.

«Конфликт» же был более чем сомнительным! Жена Орахелашвили, 45-летняя красавица Мария Орахелашвили — тоже старая (с 1903 года) большевичка, после «ренессанса» мужа, ставшего первым человеком Закавказья во второй раз, была назначена наркомом просвещения Грузии. А 10 июня 1932 года на Бюро ЦК Компартии Грузии получила выговор и была освобождена от занимаемой должности.

За что?

А за «распространение ложных слухов и попытку противопоставить ЦК Грузии Заккрайкому и дискредитировать отдельных руководителей ЦК и Тифлисского комитета (в частности, тов. Берия)».

Да, новая ипостась Берии — партийный руководитель понравилась многим в Грузии ещё меньше, чем его прежняя ипостась чекиста. В Грузии привыкли работать ни шатко ни валко, а тут — на тебе, во главе Грузии — сгусток энергии.

Берии возня вокруг него надоела давно, и он апеллировал к ЦК — в партийном порядке.

А супруги Орахелашвили тайно побежали к старым руководящим товарищам по партии — в порядке личном и склочном.

Так кто был тут прав?

Каганович, ознакомившись в Москве с сутью претензий и жалоб четы Орахелашвили, сообщил своё мнение Сталину в обширном, касающемся многих вопросов, письме от 23 июня 1932 года:

«.11) В Закавказье действительно загорается новая склока. Вы безусловно правы, что здоровое начало, особенно в деловом отношении, на стороне Берии, Орахелашвили отражает ноющие, не деловые круги актива.».

«НОЮЩИЕ» руководящие круги были против Берии. Деловые же круги были уже всецело за Берию.

Нормальным-то людям не склочничать хочется и не умничать, не нос драть, не баклуши бить.

Им хочется работать!

С нормальной работой в Грузии не ладилось долгими годами, а тут встал во главе дела толковый человек, и оказалось, что не так уж и плохи дела солнечной республики!

Впрочем, актив — активом, а старые большевики — старыми большевиками. У актива — энергия, зато у патриархов — заслуги.

А у Марии Платоновны Орахелашвили — ещё и «редкостная красота».

Для обоих Орахелашвили были важны амбиции и антипатии, для Берии — как это точно уловил Каганович — деловая сторона. В конечном счёте это был конфликт между нарастающей компетентностью Берии и убывающей компетентностью Орахелашвили.

А если уж совсем точно — между молодыми и старыми партийцами Грузии.

Распираемые самомнением и амбициями, Мдивани, Орахелашвили, Элиава с братьями Окуджавами заваривали конфликты, а Берии приходилось предпринимать «оперативные» действия по их ликвидации.

Буду Мдивани, Мамия и Мария Орахелашвили и прочие им подобные всё не унимались, склочничали, разводили семейственность и круговую поруку, «капали» на мозги, зудели. А Берия был твёрдым большевиком-сталинцем. И уже в двадцатые годы не устраивал многих даже в якобы большевистском кавказском лагере.

В одном из двух, написанных в 1910 году, «Письмах с Кавказа» — письме «Тифлис» Сталин отмечал «особую склонность» тифлисских большевиков к дискуссиям. Он объяснял

это тем, что им в Тифлисе надо особенно упорно вести идейную борьбу с меньшевиками. Однако недаром же говорят, что посеешь привычку, пожнешь характер, а посеешь характер — пожнешь судьбу.

Привычка к словесным баталиям до революции обусловила склонность грузинского партийного, государственного и хозяйственного руководства 20-х годов к излишней болтовне вместо конкретных дел. То есть как раз к тому, чего не умел и не терпел Берия.

13 июля 1932 года Берия сообщал Кагановичу: «Был два раза у т. Коба и имел возможность подробно информировать его о наших делах».

А 12 августа Кагановичу написал Сталин:

«.Берия производит хорошее впечатление. Хороший организатор, деловой, способный работник. Присматриваясь к закавказским делам, все больше убеждаюсь, что в деле подбора людей Серго (Орджоникидзе. — *С.К.*) — неисправимый головотяп. Серго отстаивал кандидатуру Мамулия на посту секретаря ЦК Грузии, но теперь очевидно (даже для слепых), что Мамулия не стоит левой ноги Берия».

Сама логика ситуации подталкивала Сталина к необходимости освобождения Орахелашвили от должности первого секретаря Заккрайкома.

А кем его заменить?

Сталин размышляет и продолжает:

«Хотя Берия не член (и даже не кандидат) ЦК (имелся в виду союзный ЦК ВКП(б). — *С.К.*), придется все же его выдвинуть на пост первого секретаря Заккрайкома, Полонский (его кандидатура) не подходит, так как он не владеет ни одним из местных языков»…

В середине августа 1932 года Берия приехал в Москву. Он поставил перед Политбюро несколько вопросов, и их должны были обсудить на очередном заседании 16 августа.

Заседание состоялось, и в тот же день Каганович уведомил Сталина:

« Берия был у меня. Действительно, он производит очень хорошее впечатление крупного работника. Ряд его вопросов мы сегодня же на ПБ обсудили. Автобусы мы им дадим за счёт Москвы. *».*

Итак, «холодный интриган» Берия приехал в Москву не склочничать — как приезжала туда Мария Орахелашвили, а ходатайствовать за республику. Причём все просьбы он обосновывал — иначе их никто не удовлетворил бы.

Берия сумел, как видим, даже у Москвы кое-что «оттяпать» и

получил 10 автобусов, 10 легковых «Фордов» и 8 грузовиков, ранее выделявшихся столице.

Формально во главе Закавказья был ещё Орахелашвили, но фактически люди шли к Берии, и на него, кроме проблем Грузии, валились уже и проблемы всего Закавказья.

А он их решал.

И это всё более были проблемы, интегрированные в проблемы и планы большой, огромной страны — Союза Советских Социалистических Республик.

Глава 2. 1932–1938. Творец новой Грузии: интеграция с большой страной

БЕРИЮ действительно — без преувеличений — можно назвать творцом новой Грузии. Однако новизна заключалась здесь не только в том, что при Берии Грузия быстро преобразилась. Важным было и то, что новая Грузия из задворка империи стала стратегическим регионом, вошла в общесоюзную экономику и жизнь ярким и необходимым элементом — я уже об этом немного сказал ранее.

Блестящая работа по социалистической реконструкции Закавказья и Грузии, по созданию новой Грузии как важнейшей части СССР, стала второй крупнейшей победой Лаврентия Берии.

Сегодня это забыто, а точнее — замалчивается, но Грузия начала 30-х годов была совсем не той Грузией, которой она стала уже к концу 30-х годов.

В 1934 году прекрасный русский писатель Константин Паустовский написал повесть «Колхида», где один из её персонажей, старик Пахомов, говорит:

«В Колхиде климат Южной Японии и Суматры, обилие тепла, а между тем это малярийная пустыня в полном смысле слова. Нечто вроде тропической каторги…Если бы не болота, то мы перекрыли бы Яву и Цейлон с их пышностью и богатствами».

Сюжет книги Паустовского выстроен вокруг борьбы за осушение болот в бассейне реки Риони, текущей к морю по Колхидской низменности. В конце инженер Кахиани произносит речь. В ответ на его вопрос — кто болел малярией? не поднял руку лишь маленький мальчик с красным галстуком. Поэтому у Кахиани были все основания заявить:

«Но не только в том ценность нашей работы, что мы осушаем болота и создаём новую землю, что мы в корне уничтожаем старую болотную растительность. и насаждаем новую. Не только в этом смысл нашей работы, товарищи. Он ещё и в том, что мы создаём молодое, здоровое поколение».

Именно в этом — в уничтожении гнилого старого и насаждении здорового нового во всех сферах жизни Закавказья и заключалась суть деятельности Лаврентия Берии и подобранной им «команды».

В этом была и суть всего того, что происходило по всей России с начала 20-х годов, после окончания гражданской войны.

Материальная сторона жизни была тогда полуразрушена, страна, и до этого в массе своей не богатая, вообще обеднела.

Но моральная сторона жизни с каждым годом становилась всё более богатой, насыщенной, оптимистичной и деятельной. Вовсю формировалось новое отношение к жизни — не пассивное, покорное, а активное, новаторское, преобразующее.

Зачем буржуазному либералу-западнику Ною Жордания были грузинские лимоны, мандарины, грузинский чай? Он мог спокойно выписать лимоны из Италии, мандарины — из Марокко, а чай — из Индии.

Представить себе Тифлис крупным математическим, например, центром Жордания и другие грузинские меньшевики не смогли бы даже в самых смелых своих мечтаниях.

Да и были ли они у них — мечтания? Не досужие и пустопорожние мечтания, а реалистические, выражающие реальную общественную перспективу!

Конечно же, ничего этого у разного рода жорданий и церетели не было.

Да и погрязшие в амбициях и склоках «старые партийцы» уже не были способны на деловую, так сказать, романтику.

А Берия был способен сам и мог оценить и направить в деловое русло мечтания и порывы других.

В 1934 году вышел специальный выпуск журнала «Огонёк» под названием «Советские субтропики». В нём много говорилось о создании «советской Флориды», были призывы догнать и перегнать Калифорнию.

Было там и крупное фото Лаврентия Берии — в очерке Ефима Зозули «Субтропические люди». И вот что Зозуля написал о Берии:

«У него твёрдые, военные навыки в работе. Огромный опыт. В лице его обращает на себя внимание выражение воли, соединённой с особой острой вдумчивостью. Он говорит нам о субтропиках. Говорит с большим воодушевлением: «Да, этот край будет одним из лучших в стране!».

Характерно и показательно, что в этих словах — весь Берия. Ведь, говоря о грузинских субтропиках как о крае, который будет лучшим в стране, под «страной» Берия подразумевал именно большую страну — весь СССР! Он работал, создавая не «грузинскую Флориду», *а «советскую* Флориду».

В том же духе он воспитывал других, преодолевая местничество, национальные предубеждения и предрассудки. Он день за днём, то одним, то другим своим свершением интегрировал Грузию в поток общесоюзной работы.

Так оно и происходило — в новой Грузии, в которой Берия

стал подлинным и самым крупным реформатором за всю, если вдуматься, историю Грузии. И уж, во всяком случае, он стал самым успешным её реформатором.

Успешным, ибо Берия — как большевик и соратник Сталина базой всех успехов сделал кадры, новых людей, работающих на общество прежде всего потому, что делать это — чертовски интересно!

Когда Берия встал во главе Закавказья, ещё не был написан подлинный гимн социализма — «Марш энтузиастов» Д'Актиля и Дунаевского, но уже вырастали те, кто скоро будет петь вот это:

В буднях великих строек,
В весёлом грохоте, в огнях и звонах,
Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна учёных!..
И это:
Нам ли стоять на месте?
В своих дерзаниях всегда мы правы.
И это:
Создан наш мир на славу.
За годы сделаны дела столетий.
Счастье берём по праву,
И жарко любим, и поём как дети.
И звёзды наши алые
Сверкают небывалые
Над всеми странами,
Над океанами осуществлённою мечтой.
Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака,
Пламя души своей,
Знамя страны своей
Мы пронесём через миры и века!

Выспренность, напыщенность, фальшивый пафос — это был не стиль Берии. Он был реалистом.

Порой — в зрелые уже годы, — ироничным реалистом.

Однако цену романтике и высокому чувству — как факторам обеспечения успеха *дела* Лаврентий Павлович знал.

Простого грузинского крестьянина с заскорузлыми руками он убеждал прежде всего практическим расчётом выгодности, высокой доходности, например, цитрусоводства или чаеводства, вместо выращивания кукурузы.

Но сына этого крестьянина он нацеливал уже не на выгоду, а на *мечту* — как на главный стимул и нерв жизни. И подводил под эту мечту реальную базу — прежде всего в виде всё более мощного высшего образования в Грузии.

Я об этом ещё скажу!

Первым секретарём Закавказского крайкома ВКП(б), то есть — органа руководства всем Закавказьем оставался пока ещё Орахелашвили. Но в Грузии всё здоровое и деятельное замыкалось уже на второго секретаря Заккрайкома и первого секретаря ЦК КП(б) Грузии Лаврентия Берию.

ВПРОЧЕМ, он круто брался и вообще за закавказские проблемы в целом, тем более что многие из этих проблем были и общесоюзными.

Особенно, как и ранее — бакинская нефть.

В августе 1932 года, сразу после возвращения из Москвы, Берия начинает «расшивать» одно из важнейших «узких» мест в Закавказье — проблему увеличения нефтедобычи. Он изучает положение дел и обращается в центр с просьбой улучшить техническое снабжение нефтепромыслов, поставить дополнительно трубы и транспорт.

Берия никогда не отделял чисто производственную сферу от социальной — это всегда было его стилем. Поэтому он просит у Москвы не только трубы, но и дополнительные поставки продовольствия, включая 67 тонн сыра и 370 тонн кондитерских изделий, а также 65 тонн бельевого мыла, 545 тысяч метров хлопчатобумажных тканей и «разных промтоваров» на 2 миллиона рублей.

Кроме того, он предлагает приравнять нефтяников в снабжении к Москве и Ленинграду.

26 августа Каганович и Молотов направили Сталину шифровку с предложением эти просьбы удовлетворить, однако выдвинуть встречную просьбу: не только выполнить данную «сверху» программу добычи нефти в 500 тысяч тонн до закрытия навигации, но и перевыполнить её.

Проект телеграммы заканчивался так: «Грозный в этом году подведёт, надо со всей силой нажать на Азнефть».

Сталин в левом верхнем углу шифровки наложил резолюцию:

« Хотя вы и перекармливаете Азнефть согласно «требования» рвачей всякого рода, думаю, что телеграмму всё же можно принять.

И.Ст.».

Итак, Сталин уже зачислил Берию в число «рвачей», но ворчал для проформы, а по сути уже видел — этому «рвачу» можно и дать. Во-первых, не для себя старается, а для дела и для людей, делающих это дело. А во-вторых, этот «рвач» — не трепач. И если ему дать требуемое, в результате получишь и то, что сам от него потребуешь!

А вот ещё один «нефтяной» сюжет.

В октябре 1933 года Берия лично передал Сталину несколько памятных записок с предложениями по развитию нефтяной промышленности Азербайджана, и 21 октября 1933 года Сталин написал Кагановичу:

« Плохо обстоит дело с бакинской нефтью. В этом году добываем в Баку 15 мил. тонн нефти. В будущем надо добыть 21–22 мил. тонн.

Для этого надо раздуть *разведку*, усилить *текущее бурение* на уже разведанных участках, усилить «каспар» (Каспийское пароходство. — *С.К.*), построить срочно резервуары в Махач-Кале и Красноводске и т. п. Если все это не сделать к сроку (т. е. за зиму с приступом к работе *немедля*), дело будет загублено. Несмотря на это, Нефтяной главк спит, а Серго отделывается благочестивыми обещаниями. Это будет для нас позором, если мы не сумеем заставить НКТяж (Наркомат тяжёлой промышленности. — *С.К.*) взяться немедля за дело. Посылаю Вам соответствующие объяснит. записки Берия. *Я* их считаю правильными за исключением записки о керосинопроводе Махач-Кала — Сталинград. Познакомьтесь с ними и действуйте решительно.»

Берия предлагал включить в план 1934 года:

— строительство крекингов и заводов по первичной переработке нефти;

— строительство керосинопровода Махачкала — Сталинград;

— расширение нефтепровода Баку — Батум;

— проведение геологоразведочных работ на новых площадях в Азербайджане;

— строительство новых судов для Каспийского пароходства.

Здесь всё рассматривалось так, как оно и должно быть — в комплексе. И это тоже было стилем Берии. По сути, во главе Закавказья впервые оказался, говоря языком более поздним, не чистый политик, а технократ, причём — технократ нового, социалистического типа, технократ-политик.

То есть — государственный деятель, который способен разобраться в специальных проблемах, но работает в целях развития осмысленной и зажиточной жизни масс. Деятель, который не разделяет жизнь на «производство» и «соцкультбыт», а видит их единство.

Со времени описываемых событий прошло полвека и даже больше. 25 июля 1991 года в возрасте 97 лет скончался за рабочим столом один из творцов той эпохи — Лазарь Моисеевич Каганович. Он умер, продолжая свои «Памятные записки», начатые в 60-х.

О Берии в той части «записок», которая была опубликована в

«проклятые девяностые», было сказано двумя словами, но их стоит привести. Во второй половине 1937 года Каганович был назначен наркомом тяжёлой промышленности — одна из ключевых тогда государственных должностей. Среди забот нового наркома была и нефть — а понятие «советская нефть» было тогда почти синонимом понятия «нефть Баку». И вот, вспоминая о работе тех лет, Каганович записал:

«Должен особо подчеркнуть и ту большую помощь, которую оказывал ЦК Азербайджанской Компартии и Закавказский крайком партии (в частности Багиров и Берия), которые тогда активно включились в дело подъёма бакинской нефтепромышленности.»

Вообще-то, Берия и Багиров активно включились в дело подъёма бакинской нефтепромышленности не тогда, а лет на десять раньше, но даже такая сдержанная похвала от Кагановича *после всего*, что было, стоит немало.

Примеров деятельности Берии в масштабах всего Закавказья можно привести много, но далее я остановлюсь всё же на Грузии — здесь многогранный талант и суть Берии проявились наиболее ярко.

Вот, скажем, такой любопытный момент.

Цитируя выше письмо Кагановича Сталину от 16 августа 1932 года — то место, где Каганович пишет о визите Берии, о выделении Грузии автобусов за счёт Москвы, я намеренно выпустил следующую фразу: «В частности, сняли ещё с Грузии 300 т. пуд. хлеба.»

Дело в том, что Берия, будучи пока вторым — после Орахелашвили человеком в Закавказье, но уже первым в Грузии, успел отметиться тем, что своей властью «спустил» в районы Грузии сниженный на 430 тысяч пудов (около 7 тысяч тонн) план по хлебозаготовкам.

В целом по ЗСФСР план постановлением Заккрайкома тоже был снижен с 4 миллионов пудов до 2,5 миллиона пудов. 23 июля 1932 года Политбюро отменило решение Заккрайкома по всему Закавказью, но отменять снижение плана по Грузии не стало, хотя и оценило действия Берии как «самочинные».

Более того, после того как в середине августа Берия побывал у Кагановича и доложил о причинах снижения плана хлебозаготовок, попросил о семенной ссуде, Политбюро, как видим, сочло возможным снизить план Грузии ещё больше.

Судя по этому решению, Берия уже тогда собирался резко перепрофилировать сельское хозяйство Грузии на субтропические культуры, а в этом случае стоило ли терять поддержку грузинского крестьянства и требовать от него повышенных

поставок зерновых — по своему объёму в масштабах СССР копеечных.

Москва с ним согласилась.

А Берия в ближайшем будущем видел и многие другие перемены, которые был готов и способен инициировать и провести.

Забегая вперёд, скажу, что всё у него получилось.

Ну, пусть не всё — так в жизни не бывает, но очень многое — да, было сделано.

Всего за какие-то неполных шесть лет!

9 ОКТЯБРЯ 1932 года Политбюро удовлетворило просьбу Мамии Орахелашвили об освобождении его от обязанностей первого секретаря Заккрайкома и наметило первым секретарём Берию с оставлением его первым секретарём ЦК Компартии Грузии. И вскоре Берия стал первым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б).

Он возглавил Закавказье в преддверии второй пятилетки. И это было взаимной удачей и для Берии, и для Закавказья. Берия получал возможность всё более широкой деятельности, а Закавказье получало деятельного лидера, способного решать предстоящие грандиозные задачи.

Берия достиг возраста Христа и успел за свои тридцать три года немало. Но ещё больше ему предстояло сделать — вместе со страной.

Сравнивая СССР Сталина с самолётом, можно сказать, пожалуй, так.

Два крыла — это промышленность и сельское хозяйство. Мотор — это наука, а рули поворота и высоты — это настроение масс, их готовность отвечать на управляющие воздействия пилотов в пилотской кабине.

Если отказывает, не работает какой-то элемент конструкции самолёта, нормальный полёт невозможен. Но в СССР Сталина «самолёт» летел всё увереннее вперёд и ввысь с нарастающей скоростью.

То же происходило и с «самолётом» новой Грузии, когда за его штурвал сел Лаврентий Берия. Причём не забудем — стабильная в перспективе социальная ситуация в Грузии создавалась усилиями Берии ещё как председателя Закавказского ГПУ. Все «больные» проблемы Закавказья и Грузии секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) и грузинского ЦК знал профессионально — как чекист. В том числе и потому он действовал так успешно и безошибочно, когда стал партийным лидером важнейшего региона.

Между прочим, сравнение Грузии с самолётом не так уж и

притянуто за уши — стараниями Берии во второй половине 30-х годов в Грузии была создана авиационная (!) промышленность, и Тбилисский авиационный завод ещё до войны освоил выпуск истребителей.

Как это пригодилось всей стране во время войны!

При Берии в Грузии сразу же стало расти производство и электроэнергии — «хлеба» промышленности. Саму же республиканскую промышленность — за исключением той её части, которая объективно имела региональное значение,

Берия выстраивал как часть общесоюзной, интегрированной в экономику всего СССР.

Это и был подлинный пролетарский интернационализм — не болтовня с трибун, а деловое сращивание всех союзных республик в единый экономический организм.

4 февраля 1932 года закончил работу XVII съезд ВКП(б). Съезд утвердил общесоюзные директивы по новому пятилетнему плану на 1932–1937 годы.

Берия на XVII съезде был избран членом ЦК ВКП(б). А в марте 1932 года объединённый пленум Закавказского крайкома ВКП(б) рассмотрел основные направления пятилетнего плана развития Закавказской Федерации. Объём промышленного производства в Грузии должен был возрасти более чем в пять раз, производство ферросплавов — в семь с половиной раз, добыча угля — в двенадцать раз.

Это были уже приметы новой, только возникающей Грузии Берии.

И это было только начало.

Так, в октябре 1933 года Берия передал Сталину кроме записок по нефти и ещё одну памятную записку. И Сталин писал Кагановичу:

«Посылаю Вам справки Берия о редких металлах в Грузии. Это дело тоже надо двинуть вперёд».

В «редкоземельной» записке Берии говорилось о чиатурском марганце, о полиметаллических молибденовом и свинцово-цинковом месторождениях, о производстве окиси алюминия.

И ведь ясно, уважаемый читатель, что не был Берия ни геологом, ни нефтяником, ни металлургом. Не он выдвигал идею новых геологоразведок. Не он оценивал потребность в новом нефтепроводе или перспективность полиметаллических месторождений.

Но если раньше идеи специалистов омертвлялись некомпетентностью того же Мамии Орахелашвили, то теперь они оживали при компетентной поддержке Берии.

Да и не только о поддержке надо говорить тут! Берия был в

состоянии и сам выдвигать сильные идеи.

И выдвигал.

Причём не только выдвигал, поддерживал, но и претворял в дело, в материальный результат.

Запасы марганцевых руд в Грузии имеют мировое значение. Марганец добывали на Чиатурских рудниках и при царе. И при Орахелашвили. Но масштабы, объём добычи, её методы — всё теперь менялось и количественно, и качественно. А как нужен был этот марганец в Запорожье, в Магнитогорске, в Мариуполе.

Раньше с теми же полиметаллами дело стопорилось. А теперь сдвинулось с мёртвой точки. Это тоже было вкладом Грузии Берии в растущую мощь всего Советского Союза.

Развивалось машиностроение — союзного значения, развивалось шёлковое производство с шелкомотальными и шелкоткацкими фабриками во главе с Кутаисским шелкокомбинатом имени Бакрадзе.

В 1932 году в Грузии было выпущено 200 тысяч пар обуви, а в 1939 году только Тбилисская обувная фабрика имени Л.П. Берии производила 6 миллионов пар обуви в год. Не только ведь для грузин шились добротные туфли и ботинки — грузинскую обувь носили в самых разных городах и сёлах всего Союза.

Об осушении малярийных болот Колхиды уже говорилось. В Грузии было высажено тогда 10 миллионов (!) эвкалиптовых деревьев — естественных «убийц» болотных топей.

Как сообщала биография Берии в 1939 году:

«Под непосредственным руководством товарища Л. Берии проведены грандиозные работы, направленные к превращению 220 000 га вековых непроходимых болот, очага злостной губительной малярии, в цветущий сад.

Товарищ Л. Берия лично занимался всеми вопросами, связанными с осушением Колхиды, с организацией переселенческого дела, в частности, сам выбирал и указывал места для строительства новых посёлков, рассматривал проекты жилых домов, заботясь о максимальных удобствах для колхозников-переселенцев.»

Это — ни в одной строчке не парадный отчёт. Это — чистая правда, потому что подобные дела были для Берии таким же лакомством, как для гурмана — суп, заправленный протёртыми трюфелями.

Ведь Берия не только имел образование архитектора, строителя, но и страстно желал быть строителем!

ЕЩЁ БОЛЕЕ поразительными были перемены в сельскохозяйственном облике Грузии. Берия переориентировал сельскохозяйственное производство в Грузии на выращивание

таких культур, которые могла дать Советскому Союзу лишь горная и субтропическая зона Грузии: цитрусовые, чай, табак.

Уже в 1933 году ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР в своём постановлении отмечали, что достижения Грузии положили начало независимости Советского Союза в деле производства чая. Если в 1913 году чайные плантации занимали в Грузии менее тысячи гектаров, в 1932 году — около 19 тысяч га, то к 1940 году — более 47 тысяч га. Причём урожайность чайного листа выросла с 750 килограммов на гектар в 1932 году до 3000–4000 килограммов в 1939 году!

Перед войной с цитрусовых деревьев снимали в год до 400 миллионов мандаринов и лимонов. В Батуми был построен консервный комбинат, рассчитанный на выпуск 8 миллионов цитрусовых консервов в год.

Однако начинал Берия не с чая и лимонов, а с того, что в декабре 1931 года ликвидировал грузинский Колхозцентр, заменив его Народным комиссариатом земледелия. И в отличие от, например, Косиора и Хатаевича на Украине, не сократил, а даже несколько расширил подсобные хозяйства колхозников, чтобы избежать угрозы голода.

А уж параллельно первый секретарь ЦК Компартии Грузии вёл большую организационную работу как в кабинете, так и выезжая в сёла. Пленумы грузинского ЦК посвящались отдельным культурам, проводились съезды колхозников, устраивались выставки, портреты передовиков украшали первые полосы газет и обложки журналов.

В итоге в январе 1934 года на IX съезде Компартии Грузии Берия имел полное право сказать:

«Стало реальностью вполне устойчивое положение деревни Грузии, укрепление колхозов, рост коллективизации, успешное внедрение специальных и технических культур. и добросовестное выполнение колхозниками и трудящимися единоличниками своих обязательств перед государством».

А вот цифровой «фон» сказанного: в 1931 году в колхозах было объединено 36 % крестьянских хозяйств, к 1939 году — 86 %.

При этом в 1936 году доходы колхозов составили 234 992 тысячи рублей, а в 1939 году они превысили полмиллиарда.

Именно с приходом Берии к руководству Грузией были заложены плантации тунга, дающего жирное масло, используемое в лакокрасочной, судостроительной, авиационной, автомобильной, химической промышленности и в электропромышленности. К 1939 году тунг в советской Грузии выращивался на 16 000 га.

Быстро росли плантации эфиромасличных культур, благородного лавра, рами, мушмулы, фейхоа, инжира, граната, хурмы. Это — помимо развития традиционного плодоводства и виноградарства!

Таким был итог работы в Грузии — для Грузии и для всего СССР — «агрария» Берии.

Безвременно ушедший Алексей Топтыгин в интересной, хотя и неровной в оценках, книге о Берии заявляет, что «как организатор сельскохозяйственного производства Берия оказался на высоте, которая была доступна очень и очень немногим». *Я* прибавлю к сказанному лишь один союз: *«И* как организатор сельскохозяйственного производства.».

Тот же А. Топтыгин справедливо констатирует, что при Берии Грузия стала лидером в деле создания советской пищевой индустрии по части консервирования плодов и овощей, промышленного виноделия, переработки чая.

Здесь немало потрудился и ближайший сподвижник Берии ещё по ЗакЧК Владимир Деканозов, ставший наркомом пищевой промышленности Грузии.

НО БЕРИЯ был не менее компетентен и в организации культурной революции в Закавказье. В те поры, когда на ниве народного просвещения подвизалась мадам Орахелашвили, в Грузии имелось несколько наспех открытых «вузов», способных дать студентам «высшее» образование скорее в кавычках.

При лидере Грузии Лаврентии Берии положение и здесь стало меняться на глазах. За конец 1931-го и 1932 год ЦК КП(б) Грузии принял шесть постановлений по вопросам народного образования.

За предшествующие пять лет руководства Грузии Папулией — Орахелашвили — Картвелишвили эти вопросы рассматривались лишь дважды, и то — в рамках обсуждения решений пленумов ЦК ВКП(б). Теперь постановления грузинского ЦК были конкретны и деловиты.

С 1932 года в Грузии вводится всеобщее начальное образование. Это — для детей и подростков. Но тогда же по комсомольскому набору тысячи грузинских юношей и девушек отправляются учиться в вузы Москвы, Ленинграда, Харькова, Саратова.

К 1938 году Грузия по уровню образованности населения выходит на одно из первых мест в Советском Союзе. А к началу XX века уровень неграмотности в Грузии составлял 79 %.

Не став дипломированным инженером сам, Лаврентий Павлович прекрасно понимал, что новой Грузии требуется масса своих специалистов высшей квалификации. И как только волей

Сталина кадровый чекист Берия оказался во главе социалистической Грузии, он, уже как первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, начал предпринимать активнейшие усилия по развитию грузинских науки и культуры.

Именно при Берии начался их расцвет.

В 1913 году в Грузии был один вуз, к 1941 году — двадцать один. И среди них: индустриальный, инженеров железнодорожного транспорта имени В.И. Ленина, сельскохозяйственный институт имени Л.П. Берия, зооветеринарный, медицинский, стоматологический, фармацевтический, театральный, художественный (Академия художеств) — в Тбилиси; педагогические институты в Бори, Кутаиси, Сталинири и Сухуми.

Возглавлял список Тбилисский государственный университет имени И.В. Сталина.

В 1938 году в Тбилиси был открыт и институт физической культуры — явно по инициативе Берии, всегда уделявшего этой стороне жизни особое внимание и лично не чуждого спортивных увлечений. Показательно, что из шести имевшихся в СССР перед войной институтов физической культуры два были открыты в Закавказье (кроме Тбилиси — в Баку).

В этом ведь тоже проявлялся стиль Берии.

В 1913 году в Грузии было три театра, к 1941 году — сорок восемь. Число учащихся в школах выросло за двадцать советских лет более чем в четыре раза и составило в 1937 году 665,3 тысячи человек при населении тогдашней Грузии в 3,5 миллиона человек.

Конечно, схожие процессы шли по всему СССР, но Грузия Берии была здесь впереди почти всех. То же надо сказать и о здравоохранении.

По числу студентов Грузия Берии обошла Англию и Германию. И качество высшего образования в Грузии было уже очень неплохим — сказались результаты направления молодых талантливых грузин (и, не забудем, — грузинок!) на учёбу в лучшие вузы СССР. Во второй половине 30-х годов они начали возвращаться на родину и образовали энергичный костяк научных и творческих национальных кадров.

При Берии были заложены основы будущей славы грузинской математики, грузинской прикладной науки и инженерной мысли. Показательный пример — молодой математик Нестор Векуа. В 1937 году, который для «демократов» олицетворяет лишь ГУЛАГ, Векуа после окончания МГУ начал читать курс лекций в Тбилисском университете.

По сути, в довоенном СССР из всех неславянских народов

лишь грузины стали быстро играть заметную роль в общесоюзной научной, технической и культурной жизни. И это не в последнюю очередь объяснялось политикой лично Берии в сфере образования, науки и культуры. ***Он в считаные годы, с 1932 по 1938 год, сумел максимальноразвить творческий потенциал грузин и сделать его весомым в общесоюзном масштабе.***

В 1938 году не только на Кавказе, но и по всей стране был широко отмечен юбилей поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Здесь тоже чувствовалась рука Берии, как чувствовалась она и в том, что в Грузии в 1934 году был создан республиканский Союз архитекторов — один из первых в СССР.

В подчинённых Берии по партийной линии Азербайджане и Армении такие союзы тоже были созданы быстро, при всё том же содействии Берии, по образованию — архитектора и строителя.

БЕРИЯ — выдающийся реформатор Грузии и выдающийся её строитель, он сделал для её всестороннего развития больше, чем какой-либо другой грузин за всю историю грузинского народа.

Подчёркиваю — для всестороннего развития, а не просто для сохранения независимости, развития государственности.

Больше всех сделал Берия и для интеграции Грузии с Россией, интеграции, жизненно необходимой и грузинам, и русским.

Сталин оказался первой — по результатам созидания — фигурой общерусской истории, не имея себе равных и в мировой истории. Но даже он — первый грузин среди великих грузин всех времён не отдал новой Грузии столько сил, сколько отдал их Берия.

До революции в большой России знали только имя князя Багратиона, и он был действительно фигурой «знаковой». Потомок царей Грузии, Багратион, оставаясь грузином, стал и плотью от плоти общерусской судьбы и общерусской истории.

Багратион и подлинные патриоты Грузии не отделяли и не отдаляли Грузию от России, а, напротив, сближали их в интересах и русских, и грузин. В этом смысле Берия стал наследником и продолжателем лучших традиций грузинских патриотов, преданных также и России.

В истории Грузии — а это можно сказать об истории далеко не всех небольших народов — есть ряд выдающихся правителей.

«Царь царей» Давид III, Давид Строитель (Возобновитель) из династии Багратионов, его правнучка Тамара, великий моурави Георгий Саакадзе, Вахтанг VI, основавший в изгнании — после оккупации Тифлиса турками — грузинскую колонию в Москве.

Эти имена знали в Советском Союзе не только историки, но и школьники — в Москве, Киеве, Минске, Хабаровске, в сибирских

и уральских сельских школах. И Лаврентий Берия вполне достоин войти в число этих строителей Грузинского государства, всегда естественно тяготевшего кРоссии.

Причём Берия оказался великим строителем новой Грузии не только в образном, но и в прямом смысле слова. Грузия Берии массово строила новые заводы, новые кварталы городов и новые города, стадионы, санатории, дома отдыха, больницы.

Именно при Берии Грузия превратилась в здравницу Советского Союза. Символично, что в тот же день 31 октября 1931 года, когда Берия постановлением Политбюро был рекомендован 1-м секретарём ЦК КП(б) Грузии, было принято и Постановление ЦК ВКП(б) о создании в Грузии сети курортов.

Цхалтубо, Абастумани, Боржоми, Бакуриани, Гагра, Сухуми, Гульрипши, Теберда — эти названия, скоро стали известны далеко за пределами Грузии, а места, носящие эти названия, преобразились. И как новые санатории и дома отдыха пригодились стране во время войны — уже не для отдыха, а для лечения и возврата в строй раненых.

Однако особо выдающимся стал личный вклад Берии в социалистическую реконструкцию Тбилиси.

Строительство нового Тбилиси! Одно это дело могло поглотить всё его время, тем более что проблемы строительства и архитектуры были для Берии как первая любовь.

В первом издании Большой Советской Энциклопедии места для отдельной статьи о Берии не нашлось — когда выходили первые тома, Берия работал в ЗакЧК и ЗакГПУ, а эти ведомства к рекламе своих руководителей не стремились. Зато том 53 первого издания БСЭ, изданный в 1946 году, сообщал:

«Новая эра истории Т[билиси] начинается после установления Советской власти в Грузии (1921). Т[билиси] становится столицей Грузинской ССР и Закавказской Федерации. Быстрое развитие города. принимает характер полной его реконструкции, проведённой под руководством Л.П. Берия».

Так оно и было! В 1926 году в Тифлисе проживало 294 044 жителя, а в 1939-м — уже 519 175, чуть ли не вдвое больше!

Берия знал строительное дело профессионально и был подготовлен не только теоретически — его служебная дача в Гаграх построена по его же проекту, содержавшему все чертежи и расчёты. И делу перестройки Тбилиси он отдавал не только сердце, но и ум, знания.

Генеральный план развития столицы Грузии рассматривался в июне 1933 года на объединённом пленуме ЦК и Тифлисского горкома, где основной доклад делал первый секретарь ЦК и горкома Л.П. Берия.

Доклад был, конечно, итогом коллективного труда, но Берия был здесь руководящей и направляющей силой не только по должности, но и по сути, хотя официальными авторами генплана являлись архитекторы З. Курдиани, И. Малозёмов, Г. Гогава и экономист Г. Шейлеховский.

Малозёмов участвовал ранее в работах по генплану Запорожья, был позднее одним из авторов плана восстановления Киева, но к особо крупным архитектурным величинам его, как и других разработчиков генплана Тбилиси, отнести нельзя никак.

Зато этот генплан носил явный отпечаток стиля Берии.

В учебнике для вузов «История советской архитектуры (1917–1954 гг.), изданном Стройиздатом в 1985 году, о проблемах перестройки Тбилиси было сказано так:

«Потребность в строительстве новых правительственных, административных, научных и культурно-бытовых учреждений, промышленных зданий и сооружений не могла уложиться в рамки прежнего Тбилиси. Переуплотнённые жилые районы старого города лепились вдоль реки Куры и прорезались сетью узких петляющих по рельефу улочек. Благоустройство и инженерное оборудование города было на крайне низком уровне. Воды не хватало, озеленение было недостаточным. Летом город, расположенный в котловине, плохо проветривался и страдал от перегрева.»

А далее, без, естественно, всяких упоминаний о Берии, говорилось:

«Авторы (генплана. — *С.К.*) сохранили исторически сложившуюся планировочную структуру города, но одновременно подвергли её реконструкции. Общая площадь озеленения была увеличена в два раза»

Пересоздать не разрушив — это надо уметь!

В ПЛАНЕ реконструкции был реализован комплексный, системный подход, когда вопросы архитектурного облика увязаны с проблемами всех видов коммуникаций, рационального размещения жилой, административно-общественной и промышленной зон, разумной перепланировки без утраты сложившегося своеобразия города.

Достаточно сказать, что были сохранены все архитектурные достопримечательности старого Тифлиса, включая **практически все** старые храмы.

Берия умел привлечь к делу новаторов. Так, один из разработчиков генплана Тбилиси — Г. Шейлеховский был пионером в исследовании проблемы «жилище и климат», архитектор Е. Калашников построил в Тбилиси «стоквартирный дом», в основу плана которого была положена двухквартирная

секция с хорошим проветриванием комнат и ориентацией большинства комнат на юг, что снимало излишки солнечной радиации в самое жаркое время, когда солнце стоит высоко.

За две предвоенные пятилетки в коммунальное хозяйство Тбилиси было вложено 219 миллионов рублей (не путинских, а сталинских!).

Основные магистрали и площади города подверглись, как писала БСЭ, «коренной, порой очень сложной перестройке».

Новый жилой массив Ваке. Площадь имени Берия. Подъём Каляева, связавший с центром основной рабочий район. Полностью обновлённая привокзальная площадь. Набережная имени Сталина длиной в три километра. Новые мосты, в том числе мост имени Челюскинцев. Проспект Руставели и цирк на холме в конце этого проспекта. Стадион «Динамо» имени Берии. Прекрасный парк культуры и отдыха площадью 50 га на горе Давида, откуда открывались панорамы Тбилиси и Кавказского хребта. Новые парки на бывшем Мадатовском острове и на Плато Фуникулёра.

Фуникулёр, построенный в 1936–1938 годах, был гордостью и Тбилиси, и Берии. Но ведь можно было гордиться и новым мощным водопроводом с ключевой водой Натахтари, и новой ТЭС.

И автоматической телефонной станцией. И большим банным зданием у серных источников. И Ботаническим садом. И корпусами Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта имени В.И. Ленина. И городком Института бактериологии.

И ещё — перестроенными линиями трамвая, как и новым для Тбилиси городским транспортом — автобусом и троллейбусом.

В 1938 году была закончена постройка ансамбля Дворца правительства Грузии по проекту профессора В. Кокорина. Это было крупнейшее здание Закавказья.

По проекту академика А. Щусева с участием архитектора П. Сардарьяна в том же 1938 году было построено монументальное здание Тбилисского филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина.

Былой грязный и пыльный Тифлис — ныне преображённый стал гордостью и украшением не только Грузии, но и всего Советского Союза.

Вот какими были 1937 и 1938 годы для грузинской столицы и для Лаврентия Берии. И в преображающийся на глазах Тбилиси, в его социалистический генеральный план развития были вложены не только деловая энергия, но и архитектурный талант Берии.

Об этом ведь тоже надо помнить.

И, прежде всего — самим тбилиссцам.

Однако в нынешней, стремительно провинциализирующейся и сереющей, отрывающейся от России, Грузии Берию предпочитают попросту не знать! Невероятно, но факт — как сообщает автор первой современной грузинской биографии Берии Заза Цквитария — в грузинской Википедии Лаврентию Павловичу посвящено всего несколько строк:

«Лаврентий Павлович Берия. Р. 17 марта/29 марта 1899, Мерхеули, нынешний Гульрипшский муниципалитет (ах, как последнее слово приобщает грузин к «европам». — *С.К.*), который в 1946 году выделился из Сухумского муниципалитета в нынешних границах. Сконч. 23 декабря 1953, в Москве (по другим данным, 26 июня 1953 года). Государственный и политический деятель СССР, Маршал Советского Союза (с 1945 года), Герой Социалистического Труда (с 1943 года). После смерти Сталина в высших кругах власти началась борьба за власть. В 1953 году Берию арестовали по обвинению в шпионаже и заговоре».

Это — всё.

Ну, что тут сказать?

СТАРЫЙ Тифлис, преображаемый народом Грузии во главе с Берией в новый Тбилиси, превратился со второй половины 30-х годов в одну огромную строительную площадку. И Берия нередко приходил или приезжал на строящиеся объекты ночью. Так было проще получить объективное представление о реальном положении дел, и.

И, конечно же, помечтать после обычной суматохи дня, в ночной тишине о несбывшемся.

О так и не достигнутом им звании архитектора.

Как уже было сказано, 1934 год стал годом основания Союза архитекторов Грузии. Это была общая тенденция по СССР — постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) по архитектуре относится к 1932 году. Но то, что в Грузии, как и в Армении, в Азербайджане, с этим делом не затянули, обусловлено было и заинтересованностью Берии. Его мнение, как бывшего первого секретаря Заккрайкома, даже после упразднения ЗСФСР, было, безусловно, значимым, и то, например, что в 1938 году в Армении приняли новый, серьёзно переработанный генеральный план перестройки Еревана, доказывает внимание Берии не только к Тбилиси.

Не остался без внимания Берии и генеральный план нового Баку, принятый в 1938 году взамен старого, разработанного в 1925–1927 годах.

Формально за свою жизнь Берия так и не построил ни одного здания. Однако он стал всё же архитектором, но не одного

какого-то ансамбля — пусть даже самого грандиозного, а архитектором в великой перестройке всего общества, всей России.

А начал он с Грузии.

Глава 3. 1939–1941. Реформатор НКВД: от заговоров к государственной спецслужбе

А С КОНЦА лета 1938 года деятельность Берии окончательно и наглядно приобрела общесоюзное значение и вся его дальнейшая работа проходила уже в столице СССР Москве.

21 августа 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло два решения, относящиеся к НКВД СССР:

«Предрешить назначение Народным Комиссаром Военно-Морского Флота т. Фриновского с освобождением его от обязанностей первого Заместителя Наркома Внутренних Дел СССР.

Утвердить первым Заместителем Народного Комиссара Внутренних Дел СССР т. Берия.

Вопрос о первом секретаре ЦК КП(б) Грузии решить в трёхдневный срок и предложить т. Берия представить кандидата на утверждение ЦК ВКП(б)»

Так Лаврентий Берия вновь был возвращён на чекистскую стезю, но уже в намного более высоком качестве и с новыми задачами.

9 сентября 1938 года постановлением Политбюро ему было присвоено звание Комиссара Государственной Безопасности 1-го ранга.

А с 25 ноября 1938 года Берия стал Народным Комиссаром Внутренних Дел СССР, заменив Генерального Комиссара Государственной Безопасности СССР Николая Ежова.

Я не буду много останавливаться на коллизиях этой замены. Не исключаю, что на первых порах Сталин не рассчитывал так вот, почти сразу, заменять Ежова Берией. Целесообразность и даже абсолютная необходимость этого прояснялась постепенно.

Да и тот же вывод из НКВД «природного» чекиста Михаила Фриновского, никогда флотом не занимавшегося, мог иметь в своей первоначальной основе отнюдь не подозрения. Вряд ли Сталин, если бы перестал доверять Фриновскому сразу, приглашал бы его к себе на совещания — уже как наркома ВМФ, восемь раз. Последний раз Фриновский был у Сталина в кабинете 8 февраля 1939 года, и лишь 6 апреля 1939 года его арестовали.

Между прочим — за дело, как за дело он был, после почти годичного следствия, расстрелян 8 февраля 1940 года.

Так ли, иначе, с конца 1938 года во главе важнейшего

наркомата встал Берия. И до сих пор не понято, да и я на этом моменте в своих прошлых книгах останавливался скупо, что Берия на посту наркома НКВД суть советского органа общественной безопасности изменил принципиально!

Изменение это заключалось прежде всего в том, что новый нарком решительно покончил с тем прошлым «политическим» НКВД, который был источником потенциальных государственных заговоров и носителем духа «мировой революции», а взамен пересоздал НКВД как чисто *государственный* орган, выполняющий те задания и решающий те задачи, которые были поставлены перед спецслужбой высшим государственным руководством.

Можно сказать и короче: полудилетантскую организацию, склонную к политиканству и заговорам, Берия преобразовал в профессиональную спецслужбу.

Дзержинский рассматривал ВЧК и затем ОГПУ как политический орган, а не только (и не столько) как спецслужбу государства. Собственно, сама аббревиатура ГПУ образована первыми буквами названия «Главное Политическое Управление». И для тех лет всё здесь было верным.

К тому же Дзержинский, как и позднее Менжинский, были крупными большевистскими политиками — крупными не только по положению в партии ещё до революции, а крупными и по сути. Они умели мыслить как политики и смотреть на процессы в обществе как политики-марксисты.

Сменивший Менжинского Ягода был в политическом отношении фигурой абсолютно не того калибра, что его предшественники по руководству ВЧК-ОГПУ, но (sic!) претендовал на политические роли!

И таким в ОГПУ был не один только Ягода — те же Артузов-Фраучи, Фриновский, Евдокимов, да и много кто ещё! В 1934 году Объединённое Главное *Политическое* Управление СССР было преобразовано в Наркомат

Внутренних Дел СССР. Название и структура изменились, но люди-то остались теми же! С *политическими* амбициями!

Мужающей и мощно развивающейся стране нужна была уже не политическая чрезвычайная организация, а нормальная эффективная спецслужба. А её-то у Советского государства даже во второй половине 30-х годов и не было. Точнее, она, конечно, была, но не в той мере, в какой требовалось!

И это было не дело.

Кроме прочего, в ОГПУ и затем по наследству в НКВД СССР хватало людей авантюрного склада, смолоду закалённых перипетиями революции и гражданской войны.

НАДО сказать, что назревшую очистку НКВД начал уже Ежов.

За период с I октября 1936 года по 1 января 1938 года из органов госбезопасности убыло 5229 работников, причём лишь 1200 было арестовано (не осуждено!). Данные по арестам приводятся надёжные, ибо признаны «демократическими» «исследователями» (см. «Свободная мысль», № 6, 1997 г.).

Прибыло же в органы 5359 человек. И сам состав новых чекистов доказывал, что Сталину нужны в НКВД не костоломы, а образованные люди с высокими моральными качествами — набирались в основном специалисты с высшим и средним специальным образованием.

Николая Ежова обычно представляют чуть ли не недоумком, умевшим только пули из голов расстрелянных выковыривать, но *я* рекомендую всем желающим ознакомиться, например, со стенограммой выступления Ежова перед мобилизованными на работу в НКВД молодыми коммунистами и комсомольцами

11 марта 1937 года. Привожу несколько цитат оттуда по справочнику Международного фонда «Демократия» «Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1991» издания 2003 года (см. стр. 569–582).

Уверен, что любой думающий человек после внимательного прочтения одной этой огромной, но конкретной, а при этом — свободно, не по шпаргалке, произнесённой речи Ежова своё мнение о нём хотя бы немного в лучшую сторону, но пересмотрит.

Скажем, Ежов говорил так: «.культуры разведывательной у нас маловато. Мы не можем, например, сравнивать с культурой английской разведки.»

И так: «Ещё одно качество обязательно для чекиста, это не только на работе, ноив быту всегда думать, что вы — народная разведка, что на вас смотрят как на самых честных и лучших людей, которые выделены на этот участок работы. На работе и в быту нужно отличаться кое-какими качествами передового советского человека.»

И так: «.надо быть конспираторами, не болтать. *Я* знаю, например, от разных чекистов, по крайней мере, 15 вариантов поимки Савинкова, а в целом эти варианты, каждый из них частично, что-то такое открывает в нашей работе.»

И так: *«Я* за осведомление, но осведомление в такой массовости нам не нужно, его нужно умеючи использовать и умеючи расставлять. Это во-первых, во-вторых, надо страшно осторожно относиться к материалам этой сети. У нас осведомители не ахти какие квалифицированные люди. Если посмотреть на некоторые их сводки, то там иногда довольно трудно понять, что там написано.»

А в конце Ежов предупреждал новичков: «Наконец. — Конституция, товарищи. С введением Конституции многие наши вещи, которые мы сейчас делаем походя *(смех в зале)*, они не пройдут даром. Имеется законность, поэтому нам надо знать наши законы., тогда исчезнут все взаимоотношения с прокуратурой. Главная наша драка с Прокуратурой пока что идёт просто по линии незнания. процессуальных норм, т. е. идёт по линии мелочей, потому что. если политическая драка возникнет, то она обязательно перейдёт в ЦК.»

Да, это была речь не Цицерона, но это была речь умного, толкового профессионала, человека немалого государственного ума. Не всему тому, к чему нарком призывал молодых рекрутов НКВД, он сам всегда соответствовал, но говорил-то он вещи дельные, верные.

Увы, Ежов запутался — не только в скрытом политиканстве собственных своих подчинённых, но и в связях с западными разведками, подловившими Николая Ивановича во время его лечения в Германии на элементарную «медовую ловушку» ещё тогда, когда Ежов не пришёл в НКВД.

Не буду утверждать категорично, однако не исключаю, что если бы Ежов провёл чистку ягодинских кадров в НКВД более решительно и своевременно, то ход репрессий 1937–1938 годов мог бы быть совершенно иным — без того количества «щепок», которые неизбежны при рубке леса. Ведь основные «липовые» и прочие подобные дела — это последействие политики Ягоды и результат того, что в НКВД образца Ягоды всякой твари было по паре, от троцкистов до карьеристов.

Нет, только «демократические» фальсификаторы истории способны оценивать Ежова как «кровавого карлика», он в нашей истории — фигура неоднозначная, да и всё ещё не исследованная.

Да и что исследовать, если по сей день мы имеем лишь обрывки полной информации! Например, Международный фонд «Демократия» издаёт сборник документов «Лубянка: Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946», и на странице 52 «публикует» спецсообщение Берии Сталину № 1123/6 от 20 апреля 1939 года о направлении протокола допроса арестованного начальника отдела охраны НКВД СССР Израиля Дагина. Но приведена только «сопроводиловка» с примечанием: «Публикуется без протокола допроса».

С чего бы это?

Дагин знал много и многих, и сказал много. Причём, похоже, сказал так и то, что, получается, не с руки нынешним «источниковедам» осведомлять о сути им сказанного даже

читателей малотиражного специализированного издания.

Разобраться во всей этой «каше» было не просто, но Берия есть Берия — он разобрался.

Хотя, конечно, и не сразу.

СЕГОДНЯ выдвигают самые разные версии того, почему Сталин забрал Берию в Москву. Не перечисляя все их, выдвину — в дополнение к уже высказанной ранее мной же, ещё одну.

Эта версия пришла мне в голову лишь в ходе работы над этой книгой.

Сталин мог решить, что Берия нужен в Москве просто потому, что Берия уже не так был нужен в Закавказье. Конечно, необходимость расчистить многолетние «авгиевы конюшни» в НКВД — что лучше Берии не смог бы сделать никто — на решение Сталина тоже, надо полагать, повлияла, но.

Но в любом случае Берии надо было подыскивать поле деятельности существенно шире того, какое он имел с 1938 года.

С 1937 года объём деятельности Берии серьёзно сократился, поскольку по новой Конституции СССР все три республики, составлявшие Закавказскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику, вошли непосредственно в состав СССР.

В начале декабря 1936 года Закавказский крайком ВКП(б) упразднили, и с 5 декабря 1936 года Берия остался только 1-м секретарём ЦК КП(б) Грузии. В какой-то мере дефицит нагрузки компенсировался тем, что с мая 1937 года Берия был избран также 1-м секретарём Тбилисского горкома КП(б) Грузии, но всё равно потенциал такого мощного работника, как Берия, оказывался востребованным далеко не полностью.

И это было не по-хозяйски, не по-государственному.

За годы руководства всем Закавказьем Берия, безусловно, как руководитель и организатор, вырос. Вырос и объём его разносторонних знаний — руководство живыми конкретными делами и общение с крупными специалистами образовывает умного человека не хуже университета, а Берия был умным и любознательным человеком.

Закавказье — важнейший огромный регион, для компетентного охвата всех его проблем нужен был человек большого государственного ума и выдающихся качеств.

Но Грузия?

В Грузии образца 1938 года всё было более-менее налажено при активнейшей роли в том как раз Лаврентия — его даже Лаврентием Павловичем как-то неловко называть, ведь ему было тогда всего-то 39 лет.

Республика уверенно развивалась, молодые национальные

социалистические кадры уже могли эффективно работать и в политике, и в экономике, и в науке, и в культуре. Так что лучшему менеджеру социализма в одной, да ещё и весьма благополучной — его же стараниями — республике становилось тесно.

Мог ли этого не понимать Сталин, давно сказавший, что «кадры решают всё», и умевший ценить и выдвигать кадры?

Нет, конечно!

И, весьма вероятно, объяснение, почему летом 1938 года Берия был переведён в Москву, заключается в том, что Берия «перерос» региональный уровень и ему надо было подбирать работу общесоюзного масштаба.

В 1937 ГОДУ потребность в Берии во главе Грузии ещё, впрочем, имелась. Кто лучше его мог провести в Грузии чистку как всех видов антисоветских и антипартийных элементов, так и агентуры закордонных спецслужб и «пятой колонны»?..

Чистки 1937–1938 годов были в СССР жёсткими и масштабными, хотя есть все основания подвергать сомнению как общую цифру репрессированных, так и цифру расстрелянных.

Да-да, самые наиофициальнейшие хрущёвские цифры, взятые за основу ельциноидами, могут быть подвергнуты сомнению после анализа этих самых цифр и архивных данных, рассекреченных после 1991 года самими же российскими антисоветчиками.

Однако я совершенно намеренно не буду касаться этой стороны жизни СССР Сталина не только потому, что не раз писал об этом ранее, и не потому, что имеется ряд разумных работ на сей счёт ряда современных исследователей, показавших принципиальную необходимость и обоснованность такой социальной акции — при всём при том, что накладок избежать не удалось.

Сказать «о 37-м годе» можно много чего, но я не могу в краткой книге о судьбе и победах героя этой книги углубляться в тему о репрессиях и коснусь её лишь в той мере, в какой она поможет нам лучше понять Берию.

Активная операция по «зачистке» Грузии началась ещё до издания знаменитого оперативного приказа НКВД СССР № 00447 «об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Общесоюзная операция начиналась с 5 августа 1937 года, но уже 20 июля 1937 года Берия направил лично Сталину записку, начинавшуюся так:

«Дорогой Коба! Следствие по делу контрреволюционеров Грузии разворачивается дальше, вскрывая новых участников гнуснейших преступлений против партии и советской власти.

Арест Г. Мгалоблишвили, Л. Лаврентьева (Картвелишвили), Ш. Элиава, М. Орахелашвили, Лукашина и других, и данные ими на следствии показания проливают яркий свет на предательскую диверсионно-вредительскую шпионскую и террористическую работу, которую вели они, состоя в к.-р. организации правых.»

Сегодня нередко начало репрессивной операции 1937–1938 годов связывают исключительно с провокациями Эйхе, Постышева, Хрущёва и т. д., испугавшихся идеи альтернативных выборов в Верховный Совет СССР, которые предлагал Сталин.

Резон в таком истолковании развернувшихся событий есть. Но стоит ли забывать о том, что одной из причин репрессий стала и настоятельная необходимость нейтрализовать внутренние угрозы в условиях нарастания внешних угроз?

Ситуация в Грузии была особенно непростой — я об этом чуть позже скажу. И это было хорошо видно из конкретики записки Берии от 20 июля 1937 года. В ней попадаются, между прочим, имена, читателю знакомые — в том числе Орахелашвили.

Берия сообщал:

«Из… показаний устанавливается, что к.-р. организация правых была создана в Грузии в 1928 году, с одной стороны, по директиве Рыкова, привезенной из Москвы Г. Куруловым, а с другой стороны, по указанию Бухарина, лично переданному Орахелашвили во время приезда Бухарина в Тбилиси летом 1928 года.»

Предыстория здесь такова.

17 мая 1937 года Политбюро приняло решение поставить на голосование ЦК вопрос об исключении Мамии Орахелашвили из членов Ревизионной Комиссии ВКП(б), а Шалвы Элиава из кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и обоих — из партии, с высылкой из Москвы по обвинению в связях с грузинским троцкистским центром.

19 мая пленум ЦК ВКП(б) утвердил предложение Политбюро. Орахелашвили был выслан в Астрахань, а 26 июня арестован и этапирован в Тбилиси. Был арестован и Элиава, большевик с 1904 года, лично и хорошо знакомый Ленину.

20 июля 1937 года Берия, как мы уже знаем, сообщил Сталину о ходе следствия. И оно, это следствие, при всей внешней невообразимости того, о чём писал Берия, показывало, что обиды и амбиции — плохая линия поведения политиков, работающих на народ. Вначале они видели врага в Сталине, потом пошли на союз с врагами Сталина во внешнем мире.

И в итоге пришли в лагерь, враждебный народу.

Берия же всегда был и оставался со Сталиным. В конце

записки от 20 июля он писал, в частности:

«Антисоветские и к-р. элементы по Грузии будут основательно изъяты. Уже расстреляно около 200 человек. Недавно через НКВД

Грузии тов. Ежову на санкцию направлены материалы ещё на 350 человек, подлежащих расстрелу.

Считаю, что придется расстрелять не менее 1000 человек, из числа к.-р., правых, троцкистов, шпионов, диверсантов, вредителей и проч. В это число не входят бывшие кулаки и уголовники, вернувшиеся из ссылки и подлежащие расстрелу в административном порядке, через тройку, созданную при НКВД Грузии в согласии с решением ЦК ВКП(б).

<…>

Прошу Ваших указаний.

Секретарь ЦК КП(б) Грузии Л. Берия».

Между прочим, сам расстрел в административном порядке впервые был применён в XX веке не в СССР. Скажем, с началом Первой мировой войны префект Парижа арестовал — по имеющимся оперативным данным полиции — около тысячи наиболее активных и опасных столичных уголовников и расстрелял их в Венсенском рву.

Без волокиты, суда и следствия!

Как говорят французы: «A la guerre comme a la guerre», то есть: «На войне, как на войне».

А Советская Россия как оказалась на положении осаждённой крепости после Октября 1917 года, так к 1937 году на том же положении и оставалась, и отнюдь не по своему желанию.

30 октября 1937 года секретарь ЦК КП(б) Грузии Берия направил записку Сталину, где сообщалось, что за последний год органами НКВД Грузии арестовано свыше 12 000 человек, из которых осуждено 7347 человек.

К слову, и из этой, чисто закрытой, записки Берии тоже однозначно следовало, что арестовывали в Грузии не мифических врагов, а реальных. Всё вполне объяснимо — когда начинается генеральная уборка, то отнимает она всегда больше усилий, чем предполагалось, да и мусора набирается столько, что приходится лишь удивляться — откуда взялось?

31 января 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии «бывших кулаков, уголовников и активного антисоветского элемента», при этом по Грузинской ССР лимит по I категории («расстрельной») повышался на 1500 человек, а по II категории — на 1000 человек.

Соотношение приговариваемых к расстрелу (в исполнение

приводились, к слову, не все приговоры, хотя таких случаев было и мало) и к заключению было примерно равным с перевесом, однако, в сторону высшей меры наказания. С учётом этого число приговорённых к ВМН в Грузии в ходе репрессий 1937–1938 годов можно оценивать примерно в 6–7 тысяч человек.

По весьма сомнительным — уже хрущёвским — подсчётам конца 1953 года в

Грузии было осуждено к расстрелу 8 тысяч человек, и эту цифру надо принять, скорее всего, как предельную. В нынешней Грузии утверждается, что её надо поднять до 15 тысяч человек, но это явная ложь, без чего «демократы» любых национальностей обходиться не могут никак — на том воспитаны.

То есть при тогдашнем населении Грузии в 3,5 миллиона человек было расстреляно примерно 2 человека на тысячу населения.

Оставим в стороне теоретически якобы человеколюбивые, а реально гнусные и подлые (в лучшем случае — просто глупые и наивные) разглагольствования о том, что любая-де человеческая жизнь бесценна.

Подобная болтовня выглядит воистину отвратительно в той же, например, ельциноидной России, где в результате государственной политики число *избыточных* смертей составляет в год не менее нескольких сотен тысяч, при общей цифре — за два десятилетия — в десяток, если не более, миллионов жертв ельцинского и ельциноидного тоталитаризма.

(В якобы «тоталитарном» СССР, где средняя продолжительность жизни постоянно росла, ничего и близко не было!)

Так вот, спросим себя трезво и реально — много это или мало, два расстрелянных на тысячу жителей конкретно Грузии?

Грузия была единственной национальной республикой, во главе которой так долго — с 1918 по 1921 год, стояли антисоветчики — меньшевики. Причём численность партии грузинских меньшевиков достигала одно время 80 тысяч человек. По сути, с меньшевистской партией оказалось так или иначе связано большинство тогдашней национальной интеллигенции.

А в 1921 году Ленин говорил:

«По-моему, из меньшевиков, вступивших в партию позже 1918 года, надо бы оставить в партии примерно не более одной сотой доли, да и то, проверив каждого оставляемого трижды и четырежды. Почему? Потому что меньшевики. доказали за период 1918–1921 годов два своих свойства: искусно приспособляться, примазываться к господствующему среди рабочих течению; второе — ещё искуснее служить верой и правдой

белогвардейщине, служить ей на деле, отрекаясь от неё на словах.»

К грузинским меньшевикам слова Ленина были применимы, пожалуй, в многократно большей степени, чем к русским.

А вот что говорил Сталин 4 декабря 1920 года в интервью «Правде» после возвращения с юга:

«Катастрофическое хозяйственное и продовольственное положение Грузии — факт, констатируемый даже заправилами нынешней Грузии. Грузия, запутавшаяся в тенетах Антанты. Грузия, превратившаяся в основную базу империалистических операций Англии и Франции и поэтому вступившая во враждебные отношения с Советской Россией, — эта Грузия доживает ныне последние дни своей жизни. Недаром разлагающийся вождь умирающего II Интернационала г. Каутский, вышибленный волной революции из Европы, нашёл приют в затхлой, запутавшейся в сетях Антанты Грузии, у обанкротившихся грузинских социал-духанщиков…»

25 февраля 1921 года 11-я армия во главе с Орджоникидзе и Кировым вступила в Тифлис, и Грузия меньшевистских социал-духанщиков закончилась — как государственное образование.

Но их политическое и нравственное (точнее — безнравственное, конечно) влияние было ещё немалым. В конце июня 1921 года Сталин приехал в уже советскую Грузию и 6 июля выступил с докладом на общем собрании тифлисской организации Коммунистической партии Грузии. В частности, он сказал тогда:

«Я помню годы 1905–1917, когда среди рабочих и вообще трудящихся национальностей Закавказья наблюдалась полная братская солидарность, когда узы братства связывали армянских, грузинских, азербайджанских и русских рабочих в одну социалистическую семью. Теперь, по приезде в Тифлис, я был поражён отсутствием былой солидарности. Среди рабочих и крестьян развился национализм, усилилось чувство недоверия к своим инонациональным товарищам. Старые узы братского доверия порваны или, по крайней мере, сильно ослабли. Очевидно, три года существования националистических правительств в Грузии (меньшевики), в Азербайджане., в Армении. не прошли даром».

Но ведь так и было!

А националист — это почти автоматически антисоветчик и почти автоматически же как минимум пособник Запада, а нередко — и его прямой агент.

Особенно — если иметь в виду образованных националистов из числа «чистой» публики.

Тогда же Сталин предупредил об опасности наплыва в Компартию Грузии «интеллигентски-мещанских националистических элементов» и призвал «не гнаться за количеством членов партии», борясь с засорённостью всякой, — по словам Сталина, — «мелкобуржуазной дрянью, убивающей. дух живой».

Увы, соблазн для руководства тогда малочисленной (несколько тысяч человек) грузинской Компартии быстро увеличить численность партии оказался непреодолимым, и число скрытых антикоммунистов среди членов КП(б) Грузии не значащим не было.

Во всяком случае оно исчислялось в ней не десятками и даже не сотнями, а тысячами даже во второй половине 30-х годов, когда численность КП(б) Грузии достигла примерно 60 тысяч членов (55 033 члена к январю 1934 года). Берия не форсировал рост партии, но ведь его форсировали до него, и с этим до поры, до времени приходилось мириться.

И не одни ведь бывшие меньшевики держали кукиш, а то и нож, в кармане против Советской власти! Были троцкисты — только в Компартии Грузии их, вроде бы «бывших», а в действительности далеко не всегда, насчитывалось около трёх тысяч человек. Были «правые» — «бывшие» сторонники Рыкова и Бухарина. Имелись бывшие князья и их холуи. Бывшие купцы и кулаки. Тупые националисты. Многочисленная агентура всех основных западных держав, завербованная и до 1917 года, и после 1917 года — английская, немецкая, турецкая, французская, польская, итальянская, американская.

А дело шло к войне — это понимали и те, кто Советскую власть строил и укреплял, и те, кто был бы рад её уничтожить и был готов уничтожить, что могло стать возможным лишь в результате новой мощной внешней интервенции.

Причём на Кавказе антисоветчики могли рассчитывать как на немецкую агрессию против СССР, так и англо-французскую. Напомню читателю, что весной 1940 года англо-французы планировали как воздушные бомбардировки Баку, так и прямое вторжение в советское Закавказье.

Поэтому все россказни о якобы «кровавом палачестве» Берии в Грузии оставим на совести рассказчиков — если, конечно, они имеют хотя бы подобие её.

Но когда напряжение чисток спало, особая нужда в Берии на Кавказе у Сталина, как я понимаю, отпала.

Лаврентий Берия стал нужнее в Москве.

БЕРИЯ был убит в 1953 году, и на почти сорок лет выпал из общественного внимания, лишь с конца 80-х годов опять

вернувшись в его фокус, но уже как некое олицетворение «сталинского кровавого тоталитарного режима».

Из советских руководителей органов ОГПУ — НКВД 30-х годов — я имею в виду Ягоду, Ежова и Берию — Берия, реальный, а не мифологизированный, был наименее жёстким. Это было его принципиальной позицией. Однако «палача», «монстра», «вурдалака» либеральная пропаганда сделала именно из Берии.

Знать, именно он всё же всякой сволочи досадил особо сильно!

А ведь он — этого не отрицают даже «либералы», — придя в НКВД, в короткие сроки инициировал массовое повторное рассмотрение следственных дел, результатом чего стало освобождение из лагерей и колоний более 300 000 человек. Причём этот процесс продолжался и позднее.

Даже «демократы» пишут иногда о «бериевской оттепели», хотя, конечно, надо говорить о совместной работе здесь Берии и Сталина. Причём в том не было ничего фарисейского — очень всё было тогда непросто. Могу рекомендовать заинтересованному читателю, например, сборник документов «Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938», изданный в 2011 году Международным фондом «Демократия» (фонд Александра Н. Яковлева)

тиражом, правда, 1000 экз. и стоимостью под 1000 рублей. Провокационное и лживое (как всегда, впрочем, у «птенцов яковлевского гнезда») название сборника абсолютно не соответствует его содержанию, которому более подошло бы название «Разложившаяся часть советской элиты в момент истины 1937–1938 годов».

Это же можно сказать *о любом* сборнике *документов*, изданном антисоветчиками в напрочь антисталинские и антисоветские времена, то есть — после 1991 года. Удивительно, но — факт! Документы, изданные клеветниками на Сталина, Берию и их эпоху, свидетельствуют *в пользу* Сталина, Берии и их дел во имя народа и мощи России.

Однако — не по причине якобы «палачества» Сталина, конечно, а в силу сложности политической и общественной ситуации — репрессивный процесс захватил немало и тех, кто был или невиновен, или виновен не по назначенному наказанию. И разбираться с этим стал Берия, причём само его назначение наркомом внутренних дел расценивалось современниками — есть на то не одно свидетельство — как предвестие крупных положительных перемен.

Но восстановить попранную справедливость — дело хотя и достойное, однако не самое сложное. Организовать устойчиво

эффективную работу — задача, пожалуй, посложнее.

А сложная задача — задача для Берии и — не забудем — для кадров, им подобранных и воспитанных.

Как уже было сказано, Берия оказался эффективным *системным* реформатором НКВД — политический орган, склонный к сползанию в политиканство, он быстро преобразовал в нужную государству спецслужбу.

Это была, однако, реформа системная, *а* Берия провёл и ряд *конкретных* реформ, придав НКВД СССР качественно более сильный профессиональный облик.

В марте 1938 года Ежовым была проведена очередная реорганизация структуры НКВД. Одной из крупных новаций стало понижение статуса Главного Управления Государственной Безопасности (ГУГБ) до просто Управления. Наметились и подвижки в организации производственной деятельности НКВД и контроля в экономике. Тем не менее лишь с приходом в НКВД Берии последний процесс быстро получил логическое завершение.

21 августа Берия был назначен замнаркома НКВД, 9 сентября ему присвоили звание комиссара ГБ 1-го ранга, а уже 13 сентября 1938 года — формально по записке Ежова, но реально по намёткам Берии — Политбюро одобряет новую организационную структуру НКВД.

В системе НКВД образовывалось три новых главка: Главное Управление Государственной Безопасности, Главное Экономическое Управление и Главное Транспортное Управление.

Управление Государственной Безопасности восстанавливало утраченный статус Главного Управления, и во главе ГУГБ вставал Берия.

ГЭУ и Главное Транспортное Управление были призваны контролировать работу экономики и транспорта и обеспечивать руководство страны объективной информацией о положении там.

К 1940 году в состав ГЭУ входили отделы: промышленности; оборонной промышленности; сельского хозяйства; Гознака и аффинажных заводов; авиационной промышленности; топливной промышленности.

В Главном Транспортном Управлении были отраслевые отделы по железнодорожному транспорту, водному транспорту; связи, шоссейному строительству, гражданскому воздушному флоту.

Начало было положено, однако уже через десять дней — 23 сентября 1938 года — Политбюро во изменение постановления от 13 сентября утверждает окончательно «бериевскую» структуру НКВД СССР, которая позднее лишь совершенствовалась.

Так, в феврале — марте 1939 года Главное Управление пограничных и внутренних войск было разделено на шесть главков: ГУ пограничных войск НКВД СССР; ГУ войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений; ГУ войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности; ГУ конвойных войск НКВД СССР; ГУ военного снабжения НКВД СССР и Главное военно-строительное управление войск НКВД СССР.

Это сразу же резко улучшило управляемость войск, расширило возможности их подготовки и развития. В итоге эффективно решались те задачи, каждая из которых имела свою специфику, но которые до Берии были свалены в общую «кучу».

В новую структуру НКВД СССР Берия ввёл также — что обычно забывается, самостоятельное Бюро по приёму и рассмотрению жалоб.

Факт, говорящий сам за себя.

Отмечу также, что в начале 1940 года Берия добился принятия Постановления СНК СССР от 28 января 1940 года за № 140 «Об утверждении положения о Главном архивном управлении НКВД СССР». Фактически им была проведена эффективная реформа архивного дела в СССР. Старые архивисты долго помнили слова Берии о том, что без документов нет архивов, а без архивов нет истории.

Проблема структуры организации всегда и везде важна чрезвычайно, потому что, в конечном счёте, есть лишь два вида структуры: позволяющая эффективно работать и *не* позволяющая эффективно работать.

И вот наглядный пример двух подходов к делу.

В апреле 1937 года новый нарком внутренних дел СССР Ежов, ставший им полгода назад, направил Сталину обстоятельное письмо с просьбой утвердить проект постановления об образовании Следственного Отдела ГУГБ.

Ежов писал:

«Оперативные отделы ГУГБ занимаются одновременно и агентурой и следственной работой. Одни и те же работники ведут и агентурную и следственную работу.

Сосредоточение агентурной и следственной работы в одних и тех же руках на практике приводит к тому, что страдают обе отрасли этой работы.

Из сказанного вытекает необходимость немедленно произвести в работе ГУГБ такое разделение труда, при котором за оперативными отделами была бы оставлена только агентурно-оперативная и розыскная работа; для производства же следствия выделить специальный Следственный отдел.»

Мысль эта была верная, давно назревшая, и Ежов отмечал,

что новый отдел необходимо создать в трехмесячный срок. Однако реализации собственной же идеи Ежов не добился до конца своего пребывания на посту наркома.

Берия же через месяц после назначения наркомом в коротком письме (№ 109785 от 22 декабря 1938 г.) Сталину обосновал необходимость организации Следственной части НКВД СССР, и она *в тот же день* была организована приказом НКВД СССР № 00813.

Как видим, бывают наркомы, и бывают наркомы.

ОДНАКО структура — структурой, а работу ведут кадры.

Здесь Ежов оставил после себя не только дурное наследство — тот партийно-комсомольский набор, перед которым Ежов выступал 11 марта 1937 года, в основной своей части вполне пригодился и Берии, и он его неплохо воспитал уже в своём стиле — деловом и деятельном.

А в декабре 1938 года был проведён новый набор в НКВД среди политически проверенных и передовых производственников Москвы. Тогда было отобрано 1500 человек. В производственные Главки были также рекрутированы сильные инженерные кадры, поскольку расширение производственной деятельности НКВД СССР требовало компетентных руководителей. Толковые чуть ли не рядовые инженеры быстро вырастали под рукой Берии в начальников организаций, входили в руководство Главных Управлений (главков).

За 1939 год из системы НКВД было уволено 7372 оперативных работника (22,9 % от их общего состава), а принято на оперативно-чекистскую работу 14 506 человек, из них — 11 062 по партийно-комсомольским путевкам.

У кадровой проблемы был и такой вот аспект. Уже Ежов существенно снизил процент евреев в руководстве наркомата. Берия ещё более снизил этот процент: на 1 июля 1939 года среди 153 руководящих работников НКВД было 102 русских, 19 украинцев и 6 евреев.

Но дело было, опять-таки, не в «антисемитизме» — Берия ценил людей не по графам анкеты, а по деловым качествам, поэтому в 1940 году в центральном аппарате НКВД продолжали работать 189 евреев (6 %).

Я уже говорил, что Ежова подвели не столько собственные кадры, сколько доставшиеся ему по наследству кадры Ягоды, с которыми Ежов разобрался не до конца, особенно — на руководящем уровне.

Берия же быстро окончательно «зачистил» НКВД, выгнав бестолковых и расстреляв или посадив виновных. И сразу же привёл к руководству в НКВД СССР целый ряд своих испытанных

сотрудников по Закавказью: В.Н. Меркулова, Б, З. Кобулова, П.А. Шария, В.Г. Деканозова, С.Р. Мильштейна, И.И.Масленникова, С.С. Мамулова.

Теперь можно было начинать настоящую работу, ибо главной ведь задачей «органов» было не очищение собственных рядов, а обеспечение государственной безопасности — разведка и контрразведка, борьба с вредительством и саботажем, охрана границ, охрана особо важных объектов, правительственная связь и много ещё чего.

В ведении НКВД были ведь и милиция, и пожарная охрана, и лесная, и Отдел актов гражданского состояния с сетью ЗАГСов.

О ТОМ, как работали производственные главки НКВД, сегодня написано немало объективного — я сам писал об этом не раз. Но могу отослать заинтересованного читателя к книге, например, упомянутого мной ранее Алексея Топтыгина, где имеется хороший фактический материал.

Я же остановлюсь на тех сторонах реформирования, пересоздания Берией НКВД СССР, которые наиболее свойственны эффективной спецслужбе государства.

Разведка.

Состояние разведки НКВД, когда туда пришёл Берия, было удручающим: одно за другим там произошло три серьёзнейших ЧП.

Вначале изменил капитан ГБ Игнатий Станиславович Рейсс (Натан Маркович Порецкий). Ранее он работал в Разведывательном управлении РККА, а в 1931 году перешёл в разведку ОГПУ — Иностранный отдел (ИНО). В 1937 году Рейсса отозвали в Москву, но он не вернулся, 17 июля опубликовал во французских газетах открытое письмо с «обличениями» Сталина и так же открыто примкнул к Троцкому.

В сентябре 1937 года Рейсса ликвидировала специальная группа НКВД неподалёку от Лозанны, но тут подоспела и вторая измена. Осенью 1937 года стал предателем и невозвращенцем капитан ГБ, нелегальный резидент в Голландии Вальтер Германович Кривицкий (Самуил Гершевич Гинзберг). Этот тоже пустился во все тяжкие, связался с сыном Троцкого Львом Седовым, но главное — «сдал» «Интеллидженс Сервис» более сотни наших разведчиков и агентов.

Уже измены Рейсса и Кривицкого нанесли разведке намного больший урон, чем все «кровавые репрессии» Ежова, а в придачу к Кривицкому в июле 1938 года изменил ещё и Александр Орлов

(Лейба Лазаревич Фельдбинг, известный в НКВД и как Лев Никольский).

Старший майор ГБ (почти генерал!) Орлов знал много. Был резидентом НКВД во Франции, Австрии, Италии, советником в Испании (из Испании он и бежал в США). Считается, что Орлов сохранил жизнь за счёт того, что в письме на имя Ежова предупредил: агентуру «сдавать» не будет. Но полагаться на честность «невозвращенца» могут только наивные люди.

В Испанию Орлова-Фельдбинга, фактически — спасая от скандала, направил близкий друг Абрам Слуцкий, начальник ИНО НКВД при Ягоде. Дело в том, что в августе 1936 года прямо перед зданием Лубянки застрелилась молодая сотрудница НКВД Галина Войтова — любовница Фельдбинга. Она не могла вынести того, что тот покинул её, отказавшись развестись с женой.

Такая вот была у нас тогда разведка.

Если добавить до общего счёта измену сбежавшего 13 июня 1938 года в Маньчжурию Генриха Люшкова, начальника УНКВД Дальневосточного края, комиссара ГБ 3-го ранга, то картина разложения кадров Ягоды, которым доверился Ежов, получается вполне впечатляющей.

Разбираться же с последствиями и здесь пришлось Берии. Наркомат в целом Берия из органа политиканствующего превратил в орган государственного управления, в спецслужбу СССР. Вот так же и с разведкой — **не будет преувеличением сказать, что советскую внешнюю разведку как государственный институт создал Берия.**

Вместо былого «тёплого междусобойчика» талантливых — спору нет! — авантюристов, вместо «разведки Коминтерна» усилиями Лаврентия Берии страна получила надёжный, постоянно развивающийся и совершенствующийся разведывательный орган. Разведчиков «планово» отбирали, «планово» готовили, «легендировали» и экипировали.

При этом старые кадры Берия не «уничтожил», как ему это приписывается — он их толково и быстро проверил, отсеял не заслуживающих доверия (кое-кого да и расстрелял!), а здоровую часть «кадра» вновь направил за кордон.

Берия умел проверять, но умел и доверять — история разведчика Короткова, описанная мной в «капитальной» книге о Берии, хорошо это иллюстрирует. Но по сей день многие убеждены в том, что именно Берия окончательно «разгромил» нашу разведку.

А вот ещё одна, забытая и неоценённая по достоинству, заслуга Берии — его роль во внедрении в государственную практику СССР междугородной высокочастотной (ВЧ)

правительственной связи, надёжно защищённой от подслушивания и перехвата.

Официально этот вид связи ведёт своё начало с 1 июня 1931 года, когда в ОГПУ СССР было создано соответствующее подразделение, однако лишь с приходом в НКВД Берии началось бурное развитие и внедрение ВЧ-связи.

Безусловно, его приход совпал по времени с рядом серьёзных технических достижений в этой сфере, но энергия Берии и его умение понять потенциал ВЧ-связи дали ей новый импульс развития.

Сразу же после назначения его наркомом Лаврентий Павлович распорядился провести тщательную проверку положения дел, и уже зимой 1939 года его первый зам В.Н. Меркулов представил докладную записку, где отмечалось, что «ввиду бессистемной организации имеет место распыление технических сил, нерациональное использование материалов и т. д.»

Бессистемность и Берия — вещи несовместные, и к концу 1939 года количество ВЧ-станций возросло до 78, а число абонентов увеличилось в полтора раза и составило 430 номеров.

К июлю 1940 года имелось 103 линии связи, к 1 апреля 1941 года — 116 ВЧ-станций и 729 абонентов.

Без сапог ходят только глупые и ленивые сапожники, а Берия ни глуп, ни ленив не был. Поэтому правительственная ВЧ-связь НКВД СССР широко обслуживала также сам НКВД СССР.

Берия периодически возвращался к теме ВЧ-связи и уделял ей постоянное внимание и во время войны. А те принципы подхода к организации закрытых линий связи, которые он внедрял, не сданы в архив по сей день.

Охватить в небольшой книге все стороны реформаторской деятельности Берии в НКВД невозможно.

Возьмём снайперское движение. Берия сам стрелял очень прилично и добивался того, чтобы его подчинённые стреляли как минимум не хуже. В результате в РККА и близко не готовили снайперов так, как их готовили в НКВД Берии — в таком массовом и обязательном порядке. А ведь даже в атаке, не говоря уже об окопной войне в обороне, средней руки снайпер стоил не менее десятка обычных бойцов, а отличный — и полусотни!

Позднее, во время войны, снайперы НКВД периодически направлялись во фронтовые командировки, и результаты их боевой работы были такими, что армейские командиры правдами и неправдами старались задержать их подольше, хотя сами готовить снайперов в подобных масштабах ленились.

Но самым выдающимся, да попросту — великим, результатом

деятельности Берии как реформатора НКВД стали новые пограничные войска с эффективной разведкой погранвойск. Они крепко выручили страну в самые тяжёлые первые дни войны.

Этим я и закончу рассказ о третьей великой победе Лаврентия Берии.

ФИГУРА пограничника в СССР Сталина пользовалась популярностью, сравнимой с популярностью лётчиков. Скажем, станция московского метро «Площадь революции» украшена бронзовыми статуями молодых парней и девушек, олицетворяющих те поколения, ради которых и делалась Октябрьская революция: лётчики, моряки, студенты, рабочие и работницы, шахтёры. Есть там и бронзовый пограничник со сторожевым псом. Сегодня морда пса отполирована до зеркального блеска — стало модным касаться её «на счастье».

Пограничник — легендарный Никита Карацупа, а пёс — не менее легендарный Индус, кличку которого знали когда-то все мальчишки Советского Союза.

Карацупа и его боевые товарищи, охраняющие советские границы, стали гордостью народа ещё до прихода Берии к руководству НКВД, но именно Берия дал пограничным войскам НКВД не только славу, но и мощь!

Погранвойска он не создал, но пересоздал.

У меня в руках увесистый том документов «Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941», изданный в 1970 году совместно Институтом истории СССР АН СССР и Политуправлением Главного Управления пограничных войск КГБ СССР.

Восемьсот семь документов на восемьсот двенадцати страницах. Сотни, если не тысячи фамилий — от рядовых пограничников до заместителей наркома.

Но искать здесь имя самого наркома — напрасный труд! Оно стало табу для хрущёвцев и осталось табу для брежневцев. И если под документами — как правило, это «сообщения НКВД в центральные органы» — нет подписи, то ясно: подписывал документ Народный Комиссар Внутренних Дел СССР, Генеральный Комиссар Государственной Безопасности СССР Берия.

А «Сообщение НКВД в центральные органы» надо расшифровывать как: «Берия — Сталину».

При всём при этом, никто — ни до, ни после Берии, не сделал для погранвойск так много, как он. Сделал не в том смысле, что закармливал пирогами и пышками, а в том смысле, что организационные решения и идеи Берии и тех, кого он привлёк к перестройке погранвойск, создавали из погранвойск мощный и

грозный механизм с огромными возможностями.

Советская гвардия Красной Армии родилась лишь во время войны, осенью 1941 года. Но уже до войны Советский Союз имел свою гвардию — пограничные войска НКВД СССР. И это стало ясно с первых же часов Великой Отечественной войны — я ещё об этом скажу.

В целом же **не будет преувеличением утверждение, что реформы Берии на десятилетия определили общий облик советских пограничных войск!**

Издатели изданных в серии «Каталоги» в Новосибирске «Приказов НКВД СССР 1934–1941 гг.» отмечают, что две трети приказов наркома Берии по войскам касаются пограничных войск НКВД.

Причём имели место и такие приказы, как «О выделении дополнительно в распоряжение ГУПВ 150 лошадей», то есть это были конкретные, деловые распоряжения, а не брежневский «картон».

Каждую неделю Берии представлялись доклады о политико-моральном состоянии погранвойск, подписанные начальником Политического управления погранвойск, дивизионным комиссаром П.М. Мироненко.

Результаты внимания и заботы нового наркома сказались быстро — выросла не только специальная, но и чисто войсковая подготовка пограничников.

Да, лучшие традиции советских пограничников были заложены уже в 20-30-е годы, но Берия развил их, начиная с того, что в 1939 году стал издаваться журнал «Пограничник», быстро набравший известность.

Идейное оружие, впрочем, эффективно тогда, когда подкреплено эффективной организацией и соответствующим материальным оружием.

Берия был блестящим управленцем во всём, поэтому он подошёл к совершенствованию организации охраны государственной границы комплексно. А при этом он, природный чекист, не забыл и об организации разведывательной работы в погранвойсках, о чём будет сказано отдельно.

В 1993 году увидела свет книга генерал-майора в отставке Сечкина «Граница и война». Несмотря на фронтовое прошлое этого офицера-пограничника, особого уважения у меня к нему по ряду причин нет. Но в информационном отношении книга неплоха, и вот что мы там находим:

«В феврале (1939 г. — *С.К.*) было принято постановление СНК, которым из состава Главного управления пограничных и внутренних войск было выделено как самостоятельное Главное

управление пограничных войск. Создание специального органа с ясно и четко определенными задачами и окружных управлений на местах благоприятным образом сказалось на организационном укреплении пограничных войск как войск специальных, предназначенных для охраны и защиты государственной границы СССР.

В течение 1938–1939 гг. была произведена полная реорганизация частей пограничных войск; переформированы штабы частей и соединений по единой схеме управления сверху донизу, **созданы органы разведки частей и соединений пограничных войск также по единой схеме** (выделение здесь и ниже мое, — *С.К.*); переформированы все управления комендатур по двум основным типовым штатам (сухопутному и береговому, <.>, сформированы и вновь переформированы имевшиеся подразделения связи, <.>, произведена моторизация транспорта частей, <.> сформировано. 7 морских школ, переформированы 7 школ служебных собак и школа связи.

<…>

Техническая реконструкция войск, **перевооружение сухопутных пограничных частей современным стрелковым оружием…**

развитие пограничной авиации, внедрение в охрану границы инженерно-технических средств предъявляли повышенные требования к. подготовке командно-начальствующего и политического состава.

<…>

К началу 1941 г. командные и инженерно-технические кадры для пограничных войск готовились в 11 военно-учебных заведениях Наркомата внутренних дел».

О Берии и здесь нет ни слова, Сечкин его если и упоминает, то лишь для того, чтобы мазнуть чёрной краской. Но во всём, вышеописанном, виден почерк именно Лаврентия Павловича: чёткая структура, развитие технических средств, подготовка кадров, надёжная связь, моторизация.

И — не забудем — разведка! Разведка массовая, на предельно низовом уровне, разведка, по сути, проводимая простыми людьми, самим народом, и поэтому наиболее надежная и *достоверная*!

Такую разведку уместно назвать «муравьиной» — отдельный муравей несёт немного, но в итоге вырастает огромный муравейник! И то, что погранотряды собирали такую разведывательную информацию, которой и ГУГБ вместе с ГРУ Генштаба могли бы позавидовать, — заслуга Берии! Он прекрасно поставил такую разведку ещё в ЗакЧК, а потом — в ЗакОГПУ, так

что значение её для эффективной защиты как границ, так и безопасности государств, знал не в теории.

ИТАК, уже к концу 1939 года погранвойска преобразились. И их высокое качество было подтверждено самым наглядным образом — в боях.

По самой сути своих функций пограничники не должны воевать как армейцы. А вот же — пограничники Берии воевали, да ещё и как! Их боеспособность уже к концу 1939 года была так хороша, что в финской войне, изобиловавшей просто-таки преступными просчетами армейцев, ситуация иногда складывалась анекдотическая.

Совместной директивой наркома обороны Ворошилова и наркома внутренних дел Берии № 16662 от 14 сентября 1939 года, то есть до начала боевых действий, было предусмотрено, что с их началом погранвойска входят в оперативное подчинение командования РККА до выхода частей РККА *на рубеж 30–50 километров в глубь финской территории*.

К середине декабря многие части 9-й армии на этот рубеж вышли, однако войсковые командиры по-прежнему требовали выделения для поддержки подразделений пограничных войск.

Кончилось тем, что 17 декабря начальник штаба погранвойск НКВД

Карельского округа полковник Киселёв направил в штаб 9-й армии доклад, в котором тактично, но твёрдо напомнил армейским генералам, что дело погранвойск — охрана госграницы, а не прорыв сильно укрепленной обороны.

Как видим, пограничники умели не только задерживать нарушителей, но и воевать как полевые войска, и воевали получше армейцев. А Берия озаботился тем, чтобы «зелёные фуражки» умели воевать ещё лучше и воевать лучшим оружием.

Так, одним из неприятных для нас сюрпризов финской войны стало массовое применение финнами автоматов «Суоми». Образцы их в Наркомате обороны имелись и до войны, но в ходе боевых действий появились как новые трофейные автоматы, так и возможность составить представление об их эффективности в бою.

Однако никто из высоких военных чинов — ни прежний нарком маршал Ворошилов, ни сменивший его нарком маршал Тимошенко, ни начальник вооружений РККА маршал Кулик, ни начальник Генштаба, генерал армии Жуков автоматы так и не оценили. Кулик как считал, что автоматы, мол — это «оружие полиции и гангстеров», а вот русская трехлинеечка, мол, не подведёт, так и после финской кампании своего мнения не изменил.

Валить, впрочем, всё на Кулика нечего — в «болоте» довоенного Наркомата обороны и других «куликов» хватало.

Поэтому армия массовых заказов промышленности на автоматы не сделала, хотя в СССР имелись неплохие отечественные разработки.

Увы, даже после финской войны армия автоматы не жаловала. В 1940 году, при налаженном оружейном производстве, промышленность СССР произвела всего 81,1 тысячи пистолетов-пулемётов.

Вскоре — после начала Великой Отечественной войны — их срочно поручали делать чуть ли не кроватным мастерским — заводское производство не могло удовлетворить потребности армии, понявшей, наконец, что это такое в маневренном бою — автоматы!

Зато верные выводы задолго до войны сделал нарком внутренних дел товарищ Берия. И заказал для погранвойск столько автоматов, сколько позволяла смета расходов Главного Управления погранвойск НКВД.

К началу 1941 года только в Украинском пограничном округе имелось на вооружении 300 станковых пулемётов, более 600 ручных пулемётов и немало автоматов. А кроме того — около 500 автомобилей — Берия и о повышении мобильности погранвойск не забывал.

В пяти отрядах Белорусского пограничного округа имелось 200 станковых пулемётов, около 400 ручных пулемётов, около 6,5 тысячи самозарядных винтовок и 2,5 тысячи автоматов.

Причём в 1940 году для усиления огневых возможностей погранзастав было дополнительно выделено 3515 пистолетов-пулемётов (автоматов), 1200 самозарядных винтовок и 110 станковых пулемётов, а в марте — апреле 1941 года — 357 ротных миномётов РМ-50, 45 станковых пулемётов и 18 противотанковых ружей.

Это и было то, что генерал Сечкин назвал «перевооружением сухопутных пограничных частей современным стрелковым оружием», «забыв» при этом упомянуть, что таковое перевооружение — результат прозорливости наркома Берии.

Относительная насыщенность погранвойск автоматическим оружием перед войной во много раз превосходила армейские показатели. И с началом войны НКВД пришлось порой делиться с армией своими запасами, хотя они подчинённым Берии и самим были нужны для боёв с теми же немцами!

ДО СИХ пор многие уверены в том, что Сталин не верил в близость войны уже в 1941 году, что его разуверял Берия, в ведении которого была советская разведка.

Однако это — не совсем так, а точнее — совсем не так!

В действительности всё обстояло иначе — с точностью, как говорят математики, «до наоборот».

Во-первых, с 3 февраля 1941 года Лаврентий Берия внешней разведкой не руководил, и её данные на стол Сталину укладывал Всеволод Меркулов, потому что 3 февраля единый наркомат — НКВД был разделён на два отдельных наркомата — внутренних дел и государственной безопасности.

О причинах этого скажу позже.

НКВД СССР по-прежнему руководил Берия, а НКГБ возглавил его бывший первый зам и начальник ГУГБ Меркулов. Внешняя разведка осталась, естественно, в НКГБ, но и эта разведка, к слову, Сталина насчёт невозможности войны не успокаивала, а совсем даже наоборот.

Что же до Берии, то он, хотя уже не руководил разведкой НКГБ, имел под своей рукой разведку пограничных войск НКВД СССР.

Это была приграничная разведка, и среди её информаторов не числились «сливки общества», зато ей помогали простые люди: поездные машинисты, смазчики, стрелочники, скромные поселяне и жители приграничных городков. Они собирали информацию как муравьи, и, собранная воедино, она давала наиболее объективную картину происходящего.

Итог же работы этой «муравьиной разведки» нашёл отражение в записках наркома внутренних дел СССР Берии Сталину.

Я приведу — почти полностью — три из них, опубликованные в сборнике 1995 года «Секреты Гитлера на столе у Сталина». Сборник был издан совместно ФСБ РФ, СВР РФ и Московским городским объединением архивов. Выделения текста жирным шрифтом везде мои.

Итак.

«ЗАПИСКА НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР Л.П. БЕРИЯ И В. СТАЛИНУ, В.М. МОЛОТОВУ И НАРКОМУ ОБОРОНЫ С.К. ТИМОШЕНКО

О ПЕРЕБРОСКЕ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК К СОВЕТСКОЙ ГРАНИЦЕ И НАРУШЕНИИ ВОЗДУШНОГО ПРОСТРАНСТВА СССР.

«№ 1196/Б 21 апреля 1941 г.

Совершенно секретно

С 1 по 19 апреля 1941 г пограничными отрядами НКВД СССР на советско-германской границе добыты следующие данные о прибытии германских войск в пункты, прилегающие к государственной границе в Восточной Пруссии и генерал-губернаторстве.

В пограничную полосу Клайпедской области: Прибыли две пехотные дивизии, пехотный полк, кавэскадрон, артиллерийский дивизион, **танковый батальон** и рота самокатчиков.

В район Сувалки-Лыкк: Прибыли до двух мотомехдивизий, четырех пехотных и двух кавалерийских полков, **танковый и саперный батальоны.**

В район Мышинец-Остроленка: Прибыли до четырех пехотных и одного артиллерийского полков, **танковый батальон** и батальон мотоциклистов.

В район Остров-Мазовецкий — Малкиня-Гурна: Прибыли один пехотный и один кавалерийский полки, до двух артиллерийских дивизионов и **рота танков.**

В район Бяла-Подляска: Прибыли один пехотный полк, **два саперных батальона** , кавэскадрон, рота самокатчиков и артиллерийская батарея.

В район Влодава-Отховок: Прибыли до трех пехотных, одного кавалерийского и двух артиллерийских полков.

В район г. Холм: Прибыли до трех пехотных, четырех артиллерийских и одного моторизованного полков, кавполк и **саперный батальон** . Там же сосредоточено **свыше пятисот автомашин** .

В район Грубешув: Прибыли до четырех пехотных, один артиллерийский и один моторизованный полки и кавэскадрон.

В район Томашов: Прибыли штаб соединения, до трех пехотных дивизий и **до трехсот танков** ,

В район Пшеворск-Ярослав: Прибыли до пехотной дивизии, свыше артиллерийского полка и до двух кавполков.

<…>

Сосредоточение германских войск вблизи границы происходило небольшими подразделениями, до батальона, эскадрона, батареи, и **зачастую в ночное время** . В те же районы, куда прибывали войска, доставлялось **большое количество боеприпасов, горючего и**

искусственных противотанковых препятствий.

В апреле усилились работы по строительству укреплений.

<.>

За период с 1 по 19 апреля германские самолеты 43 раза нарушали государственную границу, совершая разведывательные полеты над нашей территорией на глубину до 200 км.

Большинство самолетов фиксировалось над районами: Рига, Кретинга, Таураген, Ломжа, Рава-Русская, Перемышль, Ровно.

Приложение: схема.

Народный комиссар внутренних дел СССР Берия».

Подобная информация направлялась из НКВД Сталину регулярно, и она приобретала всё более грозный и однозначный смысл. Так, 2 июня 1941 года Берия направляет лично Сталину записку № 1798/Б:

«Пограничными отрядами НКВД Белорусской, Украинской и Молдавской ССР добыты следующие сведения о военных мероприятиях немцев вблизи границы с СССР.

В районах Томашов и Лежайск сосредоточились **две армейские группы** . В этих районах выявлены штабы двух армий: штаб 16-й армии в местечке Улянув… и штаб армии в фольварке Усьмеж…, командующим которой является генерал Рейхенау (требует уточнения).

25 мая из Варшавы. отмечена переброска войск всех родов. Передвижение войск происходит в основном ночью.

17 мая в Тересполь прибыла группа летчиков, а на аэродром в Воскшенице (вблизи Тересполя) было доставлено сто самолетов.

<.>

Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы : 11 мая генерал Рейхенау — в районе местечка Ульгувек…, 18 мая — генерал с группой офицеров — в районе Белжец..23 мая генерал с группой офицеров. в районе Радымно.

Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено в направлениях на Брест и Львов.
<.>

Кроме того, получены сведения о переброске германских войск из Будапешта и Бухареста в направлении границ с СССР.

<.>

Основание: телеграфные донесения округов.

Народный комиссар внутренних дел СССР Берия».

Через три дня, 5 июня, Берия направляет Сталину ещё одну записку (№ 1868/Б) на ту же тему:

«Пограничными отрядами НКВД Украинской и Молдавской ССР дополнительно (наш № 1798/Б от 2 июня с.г.) добыты следующие данные:

По советско-германской границе

20 мая с.г. в Бяло-Подляска… отмечено расположение штаба пехотной дивизии, 313-го и 314-го пехотных полков, **личного полка маршала Геринга и штаба танкового соединения** .

В районе Янов-Подляский, 33 км северо-западнее г. Бреста, сосредоточены **понтоны и части для двадцати деревянных мостов.**

<…>

31 мая на ст. Санок прибыл **эшелон с танками** .<…>

20 мая с аэродрома Модлин в воздух поднималось **до ста самолетов** .

По советско-венгерской границе

В г. Брустура… располагались два венгерских пехотных полка и в районе Хуста — германские танковые и моторизованные части.

По советско-румынской границе

<…> В течение 21–24 мая из Бухареста к советско-румынской границе проследовали: через ст. Пашканы — **12 эшелонов германской пехоты с танками** ; через ст. Крайова — **два эшелона с танками** ; на ст. Дормэнэшти прибыло три эшелона пехоты и на ст. Борщов два эшелона **с тяжелыми танками** и автомашинами.

На аэродроме в районе Бузеу… отмечено **до 250 немецких самолетов** . <. . >

В Дорохойском уезде жандармские и местные власти предложили наслению в пятидневный срок устроить возле каждого дома бомбоубежище.

Генеральный штаб Красной Армии информирован.

Основание: телеграфные донесения округов.

Народный комиссар внутренних дел СССР Берия».

Сегодня доступны для анализа лишь немногие предвоенные записки Берии Сталину с данными о нарастании угрозы у границ СССР. Но можно не сомневаться, что Берия постоянно, в том числе и в оставшиеся до начала войны полмесяца, направлял Сталину накапливающиеся данные по мере того, как они добывались агентурой пограничных войск НКВД.

У Сталина было много объективных оснований сомневаться в достоверности данных внешней, «салонной», так сказать, разведки. Но данные «муравьиной» разведки Берии никак не могли быть дезинформацией, и Сталин не мог этого не понимать.

Тема последних предвоенных полугода и особенно — последней предвоенной недели, выходит за пределы данной книги. Но, с учётом того, что я писал на эту тему ранее, и того, что знаю сейчас, могу уверенно заявлять, что начало войны прошляпил не Сталин, а высший генералитет в Москве и в округах.

Сыграла, похоже, своё роковое значение и «отрыжка» заговора Тухачевского — Якира — Уборевича.

Но что касается Берии, то он — как глава НКВД, вначале создал механизм точной массовой информации о возможной внешней агрессии, а затем использовал возможности этого механизма для точной, полной и своевременной информации

высшего руководства, включая Сталина, о близости и неизбежности этой агрессии в 1941 году.

Лаврентий Берия и здесь оказался на высоте!

И ЭТО — не всё!

Преображённые под руководством Берии пограничные войска сыграли в начальный период приграничного сражения не оперативную даже, а стратегическую роль, потому что срыв темпов «блицкрига» уже в первые дни войны имел в перспективе именно стратегическое значение. А именно в этом — в срыве темпов, сбивании с вермахта спеси пограничники сыграли роль выдающуюся, чего от них до войны никто и не требовал, и не ожидал.

Тут надо сказать следующее.

В течение 1939-1940-х годов личный состав погранвойск возрос на 50 %, а в начале 1941 года якобы «не готовившийся к войне» Берия добивается и дополнительного увеличения их численности, с доведением её на западной границе до 100 тысяч человек в пределах пяти приграничных *военных* округов: Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского.

Пограничных же западных округов было восемь: Мурманский, Карело-Финский, Ленинградский, Прибалтийский, Белорусский, Украинский, Молдавский и Черноморский.

Это была сила, удесятеряемая тем, что она была сплочённой и в боевом, и в идейном отношении.

Причём в Белорусском и Украинском пограничных округах было сосредоточено 47 % численности всех западных погранвойск. А это доказывает, что Берия видел направления возможных главных ударов немцев получше Генштаба. РККА!

Да и как можно было не предвидеть развитие событий, передавая Сталину ту информацию, которую ему передавал Берия?

И мог ли Берия не чувствовать предгрозовой атмосферы, если знал такую вот статистику.

В первом квартале 1940 года среди весьма многочисленных нарушителей границы (а её нарушали и контрабандисты, и кумовья по разные стороны границы, решившие навестить родственников) было разоблачено 28 немецких агентов, во втором квартале — 43, в третьем — 64, в четвёртом — 99, а в первом квартале 1941 года — уже 153.

Конечно же, Берия всё понимал, и заранее готовил погранвойска к близким боевым действиям.

Пограничники были подготовлены к войне лучше армейцев всей практикой своей службы. Если армия стреляет боевыми

патронами по врагу лишь с началом войны, то погранвойска всегда на войне — для них Великая Отечественная началась задолго до 22 июня.

Скажем, в апреле 1941 года на участке 86-го погранотряда границу перешла разведгруппа. Шестнадцать человек, переодетых в форму инженерных войск Красной Армии. После встречи с ними наших пограничников началось форменное сражение. В итоге 11 диверсантов было убито, 5 взято в плен.

Это был не единичный случай — с апреля по ноябрь 1940 года только в Украинском погрануправлении было ликвидировано 38 банд и вооружённых эмигрантских групп общей численностью 486 человек! А в целом накануне войны пограничниками было отражено более 500 вооружённых вторжений на советскую территорию.

Да, граница готовилась заранее. В изданной в 1989 году Воениздатом монографии А.И. Чугунова «Граница сражается» об этом сказано так:

«Что касается пограничных застав, комендатур и отрядов, то они за короткое (предвоенное/ — *С.К.*) время успели оборудовать оборонительные сооружения легкого типа: блиндажи, траншеи, ходы сообщения, дзоты, окопы, которые дали возможность создать сравнительно прочные узлы сопротивления во время боевых действий на передовом рубеже».

Было ли бы всё это возможно без санкции наркома Берии? И дал ли бы он эту санкцию, если бы, как и его подчинённые, не видел очень высокой вероятности начала войны уже в 1941 году?

Ведь ходы сообщения и окопы за год до начала войны не оборудуют.

И вот как встретили войну пограничники Берии — по свидетельству того же А.И. Чугунова:

«Последняя ночь перед вторжением для пограничных войск западного и северо-западного участков фактически уже не была мирной. С вечера 21 июня многие (? — *С.К.*) заставы, пограничные комендатуры и отряды по распоряжению их начальников вышли из казарм и заняли оборонительные сооружения, подготовленные на случай военных действий».

Но кто дал распоряжения начальникам? И что значит «.многие»? Что — на каких-то заставах начальники сказали подчинённым: «Ребята! Ночь тёплая, звёздная, посидим-ка мы эту ночь в окопах! Из них и звёзды лучше видно.», а на каких-то заставах ночь была облачная, и там в окопы — звёздами любоваться, не садились?

Нет уж!

Такой ответственный приказ, как приказ занять с вечера

боевые позиции, мог прийти на заставы только из Москвы, из наркомата. И отдать такой приказ мог лишь сам нарком. То есть — Берия. И, безусловно, для всей западной полосы границы.

Более того!

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года на участке 87-го пограничного отряда Белорусского пограничного округа находился начальник Главного Управления пограничных войск НКВД СССР Григорий Григорьевич Соколов!

Что, генерал-лейтенант Соколов там случайно оказался — на направлении главного удара немцев?

Конечно же, главный пограничник страны не мог быть на границе без прямого приказа Берии и без санкции Сталина. Поскольку им обоим уже было ясно, что со дня на день начнётся тяжелая война, Соколов нужен был именно там, в Белоруссии, чтобы сразу же с началом боевых действий организовать боевую работу пограничников уже в условиях войны.

Вот почему Соколов был в приграничной зоне! Для чекистского участия в близкой войне! Один факт направления Берией в Белоруссию накануне войны начальника ГУПВ НКВД СССР опровергает ложь о том, что Сталин и Берия не верили в близость войны, почему о миссии генерала Соколова усиленно и помалкивают по сей день!

Но правда такова: только для погранвойск НКВД война началась в окопах, а не в постелях, что есть заслуга прежде всего Берии.

А один опытный солдат границы в условиях сложного, динамичного боя без единой линии фронта, без чёткой команды стоил, пожалуй, пяти, а то и десяти, а то *и полусотни* обычных солдат срочной службы.

Личный состав пограничных войск был почти поголовно партийно-комсомольским, и это была подлинная гвардия социалистической Родины — наиболее чистый, совершенный и захватывающий человеческий результат нового, советского, строя.

Их, молодых и постарше ребят в зелёных фуражках, гвардейцев Берии, было перед войной на западных границах около ста тысяч: 47 сухопутных и 6 морских пограничных отрядов, 9 отдельных пограничных комендатур и 11 полков оперативных войск НКВД. И в начавшейся войне они сразу же сыграли роль, повторяю, без преувеличений стратегическую!

Они *сутками* держались в обстановке, в которой армейские части покатились бы назад уже через *часы*.

Армия встретила войну по-разному. В целом — героически, но нередко — бездарно, преступно — преступно прежде всего в части командования разных уровней. Провалы части армейцев

обусловили общий провал.

А вот советские пограничники под руководством члена партии Ленина — Сталина товарища Берии встретили войну только достойно. То есть как большевики и русские люди — грудью!

ДЛЯ ИХ же боевого наркома война началась в кремлёвском кабинете Сталина, когда в 5 часов 45 минут 22 июня туда вошли Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис и Жуков.

Позднее — в восьмом часу, подошли Маленков, Микоян, Каганович, Ворошилов. Впереди были 1418 дней огромной, Великой войны, завершившейся великой Победой.

Но в этой войне у Лаврентия Берии были и собственные победы.

Глава 4. 1941–1945. Победы во имя общей Победы: организатор фронтов и военного тыла

К НАЧАЛУ 1941 года Сталину уже было ясно, что использовать Берию только как руководителя НКВД — значит использовать его нерационально.

Сотрудники Сталина работали в той мере, в какой работал тогда и сам Сталин, то есть — работали столько, сколько нужно для дела. А поскольку дел всегда было на двадцать пять часов в сутки, то.

То понятно, сколько работали сотрудники и соратники Сталина. А Берия был ещё и самым работоспособным.

Тем не менее рабочие сутки можно наполнять разным содержанием, и с 3 февраля 1941 года распределение обязанностей Берии существенно изменилось. В этот день единый наркомат — НКВД был разделён на два отдельных наркомата: НКВД СССР, которым по-прежнему руководил Лаврентий Берия, и НКГБ — наркомат государственной безопасности, во главе со Всеволодом Меркуловым.

Нагрузка Берии при этом лишь. возросла, поскольку он, оставаясь наркомом внутренних дел СССР, был назначен также одним из заместителей Председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

Председателем Совнаркома тогда был Молотов, по совместительству ещё и нарком иностранных дел, но 5 мая 1941 года Совнарком СССР возглавил сам Сталин. Это, к слову, лишний раз доказывает, что он ждал войны уже в этом году.

К началу 1941 года государственное положение Берии уже определилось как первостепенное. В массовом календаре-справочнике на 1941 год, который готовился к печати и печатался, естественно, до начала года, Берия удостоился отдельной статьи на всю страничку, где сообщалось, что «Тов. Берия — один из виднейших руководителей ВКП(б) и ближайших учеников и соратников товарища Сталина».

С марта 1939 года Берия был кандидатом в члены Политбюро, а теперь повышался и его государственный статус. Впрочем, это в СССР Сталина означало лишь то, что повышался уровень ответственности и загрузки.

По линии Совнаркома Берия курировал наркоматы государственной безопасности, лесной промышленности, цветной

металлургии, нефтяной промышленности и наркомат речного флота.

Дело шло к войне, Берия это не просто понимал, он знал это. Но никто не ожидал, что война начнётся так — необъяснимо неудачно, трагично, катастрофично. Сталин встретил 22 июня 1941 года спокойно — он много готовил к войне страну, её экономику, её народы и её Вооружённые Силы.

Того, что на шестые сутки войны будет сдан Минск, Сталин не мог предположить при самом неблагоприятном развитии событий. Анализ причин провала тоже выходит за рамки небольшой книги, тем более что я уже не раз на эту тему высказывался в прошлых книгах. Но чем пристальней я всматриваюсь в те дни, тем чётче перед моими глазами встаёт одно чёрное, обугленное слово: «Измена».

Измена была не тотальной, но ведь достаточно одного изменника, тайком открывшего врагу ворота крепости, чтобы крепость — при всей её подготовленности и мощи, пала. Нет, я не могу поддаться соблазну углубиться в разъяснения и просто вернусь к теме Берии в войне.

24 июня 1941 года был создан Совет по эвакуации — без Берии тут, конечно, не обошлось. Но это было только начало — 30 июня вся полнота власти была сосредоточена в руках Государственного Комитета Обороны (ГОКО или ГКО). Возглавил его, естественно, Сталин. Накануне он — после почти непрерывной, круглосуточной первой военной недели, после Минска, испытал суточный срыв, но быстро его преодолел и на годы впрягся в военный «воз», с верхом нагруженный множеством самых разных проблем.

Берия вошёл уже в самый первый состав ГКО. Кроме Сталина и его, членами первого состава стали Молотов (зампред), Маленков и Ворошилов. Каждый был крупной фигурой, но «рабочих лошадей» тут было две — Берия и Маленков. Забегая вперёд, скажу, что они и впрямь образовали на долгие годы — до самой смерти Сталина своего рода деловой «тандем». Сравнение с тандемом пришло, правда, с Запада, но с ним вполне можно согласиться.

20 июля 1941 года НКГБ был вновь влит в НКВД под общим руководством Берии при Меркулове — первом его заме. С началом военных действий два заместителя Берии — зам по войскам Иван Масленников и другой зам Сергей Круглов — убыли на фронт и обязанности по наблюдению за работой управлений и отделов НКВД СССР перераспределились.

Непосредственно за наркомом были закреплены 1-е Управление (разведка за границей); Следственная часть по особо

важным делам; 2-й (оперативной техники), 4-й (Особое техническое бюро, ВЧ-связь) и 5-й (шифры) спецотделы; Секретариат Особого совещания; Контрольно-инспекторская группа; Секретариат НКВД СССР и ЦФПО — Центральный финансово-плановый отдел.

Хватит для одного человека?

Показательно то, что Берия лично за собой оставил курирование ВЧ-связи, понимая её возросшую важность. Ведь теперь по ВЧ-линиям войска говорили со Сталиным, а Сталин — с войсками. Поэтому не случайно, что именно после начала войны обеспечение устойчивой засекреченной связи для прямых переговоров Ставки ВГК с фронтами и армиями было полностью возложено на НКВД.

А приказом НКВД № 001430 от 2 октября 1941 года правительственная ВЧ-связь выделилась в самостоятельную структуру в рамках наркомата — Отдел правительственной связи НКВД СССР.

И опять, с одной стороны, люди, управляющие войной, всё более входили во вкус ВЧ-связи, но, с другой стороны, сам Берия тому всемерно содействовал, постоянно расширяя круг абонентов по собственной даже инициативе.

Так, 27 марта 1942 года Сталин написал «За!» на рапорте Берии об установке телефонных аппаратов ВЧ-связи у начальников тыла действующих фронтов, а 22 октября 1942 года Берия даже без санкции Верховного распорядился установить ВЧ-аппараты начальникам Военно-Воздушных сил Орловского, Сталинградского и Северо-Кавказского округов.

Собственно, к октябрю 1942 года Берия добился решения о доведении ВЧ-связи до каждой армии, действовавшей в пределах фронтов.

А ведь это была лишь часть того, чем был занят Берия с 22 июня 1941 года. Так, приказом Ставки Главного командования № 00101 от 29 июня 1941 года Берия был введён в состав Военного совета Московского военного округа. Предыдущий приказ № 00100 от 29.06.41 также был посвящён Берии.

Вот его полный текст:

«Приступить немедленно к формированию 15 дивизий, из них 10 стрелковых и 5 моторизованных. На формирование дивизий использовать часть кадров начальствующего и рядового состава пограничных и внутренних войск НКВД.

Недостающий личный состав покрыть из запаса.

Формирование дивизий возложить на народного комиссара внутренних дел тов. Берия Л.П.

Начальнику Генерального штаба Красной Армии обеспечить

формирующиеся дивизии людскими и материальными ресурсами и вооружением по заявке НКВД.

Ставка Главного командования *ТИМОШЕНКО СТАЛИН ЖУКОВ».*

Вообще-то, формирование новых войсковых соединений — задача армейцев, Наркомата обороны и Генштаба. Но, как видим, и здесь Берия оказался необходим. А у него и без того задач хватало — как у главы спецслужб. Перечислю лишь некоторые — кроме формирования дивизий на базе войск НКВД и погранвойск.

Итак:

— создание заградительных отрядов по охране тылов фронтов;

— организация разведывательно-диверсионной деятельности за линией фронта, а также — и партизанского движения;

— чекистская контрразведка (то есть противодействие разведке врага, включая радиоигры и прочее), борьба с диверсиями, охрана стратегических объектов.

И, само собой — внешняя нелегальная разведка НКВД, опять перешедшая под руку Берии.

Кроме того, в НКВД вернулась военная контрразведка — Особые отделы. В феврале 1941 года при разделении НКВД они были переданы в Наркоматы обороны и ВМФ и преобразованы в Третьи Управления этих наркоматов. Теперь надо было их вновь перестраивать — на ходу.

И всё это — *только по линии НКВД*.

Что ж, Лаврентий Берия, которому в 1941 году пошёл сорок третий год, встретил войну уже признанным мастером по распутыванию любых клубков проблем.

ПОЧЕМУ при живом маршале Тимошенко, живом начальнике Генштаба Жукове и при наличии аппарата военного ведомства формирование новых армейских дивизий поручили чекисту Берии?

Ответ очевиден: обстановка требовала не просто новых дивизий, но крепких, *стойких* дивизий, и требовала *немедленно*! А поскольку наиболее стойкими оказались погранвойска Берии, и поскольку сделать *быстро* мог Берия, то Берии и пришлось работать за Тимошенко и Жукова.

После ареста в июне 1953 года Берия в письме Маленкову писал:

«Первые недели войны, когда нечем было прикрыть Западный фронт — который немец сильно теснил. Наша совместная работа по созданию под руководством Государственного Комитета, Ставки и лично товарища Сталина Резервного фронта для защиты подступов к Москве. Одних только для резервного фронта было

организовано 15 полнокровных чекистских войсковых дивизий.»

Конечно, Берия не стоял тогда на плацу, занимаясь строевой подготовкой. Как и всегда и везде, он подбирал компетентных исполнителей, а за собой оставлял функции контроля и оперативного решения тех из возникающих проблем, которые его подчинённым решить было не под силу.

Для формировании чекистских дивизий много сделал Иван Иванович Масленников — чекистский соратник Берии по Закавказью. Придя к руководству НКВД, Берия вытащил в Москву и его. И это, как всегда, был хороший выбор.

При генерал-лейтенанте Масленникове создавалась оперативная группа из пяти человек с задачей: «Сосредоточение кадров, выделяемых из войск НКВД, закончить к 17 июля».

Пограничники приграничных пограничных округов уже воевали — кто в составе войск по охране тылов фронтов, кто в окружении или в строевых частях. И новые чекистские дивизии формировались прежде всего за счёт лучшего кадрового состава погранвойск Грузинского, Армянского, Азербайжданского, Казахского, Среднеазиатского, Туркменского и Забайкальского округов.

Оголить даже второстепенные участки границы было делом рискованным, но риск был оправданным, и из дальних погранокругов в места формирования, в частности — в Ярославль, в считаные дни (за 8-11 суток) из Закавказья и Средней Азии прибыли 3 тысячи командиров и 10 тысяч сержантов и рядовых.

Плюс — по 500 человек из личного состава частей Ленинградского, Прибалтийского, Белорусского, Украинского и Молдавского пограничных округов, вышедших из окружения.

Итого — более 15 тысяч боевого ядра на 15 дивизий. Из запаса Красной Армии брались тоже крепкие кадры. Пограничники играли роль легирующих добавок в обычную сталь, и сплав получался великолепным!

Практически все командные должности в дивизиях занимали пограничники. Командирами взводов стали выпускники Харьковского кавалерийского пограничного училища, командирами батальонов — слушатели Высшей пограничной школы.

Первый год войны был горьким для советских пограничников годом — ведь тогда погибли десятки тысяч наших ребят, прекрасных, преданных Родине и профессионально умеющих её защищать. Однако этот же год стал для советских пограничников и «звёздным» годом, потому что никогда ни до, ни после значение погранвойск для страны не было таким значимым!

Тогда решалась судьба России, и пограничники для обеспечения её будущего сделали так много, как, пожалуй, никто другой.

На чекистской эмблеме — щит и меч. Быть мечом в ходе первых сражений с врагом чекисты-пограничники не могли — слишком прочной бронёй был укрыт враг, и достать его через эту броню должен был меч армии. Но щитом для страны пограничники стали, сдерживая и сдерживая натиск, ослабляя его и выигрывая главное в те дни условие будущей победы — время.

Это был действительно коллективный подвиг, совершённый в масштабах войны и истории почти мгновенно. И в том, как он был совершён, был виден стиль Берии. Однако он не смог бы накладывать свой стиль на работу подчинённых, если бы вмешивался в детали. Он давал нужный импульс, исходный толчок в верном направлении, и после этого переходил к другой задаче. Их ведь у него было не две и не три. И даже не пять!

Если всё шло так, как надо, Берия в дальнейшем ограничивался получением оперативной информации о ходе дел. Если что-то не ладилось, он быстро подправлял ситуацию и опять предоставлял инициативу подчинённым.

Так было и тут! Решение о частичном оголении невоюющих границ — это за наркомом. Причём Берия недаром широко использовал закавказских пограничников — они ведь были, по сути, его прямыми воспитанниками.

Итак, он дал директиву. А далее — помощь лишь тогда, когда она нужна.

Сколачивание шести дивизий первой очереди прошло в бериевском темпе — с опережением сроков, потому что фронт не ждал — в зоне бывшего ЗапОВО, нынешнего Западного фронта, образовалась огромная брешь, через которую вливались и вливались в Россию германские войска. И закрывать брешь пришлось кадрам Берии.

Присягу принимали в пути следования и на боевых позициях — так диктовала обстановка на фронте. Все пятнадцать дивизий ушли туда, где было наиболее сложно. Десять дивизий (243, 244, 246, 247, 249, 250, 251, 252, 254 и 256-я) — на Западный фронт, пять (265, 268, 262, 257 и 259-я) — на Северо-Западный.

ПРИГРАНИЧНОЕ сражение было армией проиграно, и теперь надо было думать об организации обороны на московском стратегическом направлении.

14 июля Ставка Верховного Командования издаёт приказ № 00334 о создании фронта резервных армий на рубеже Старая Русса, Осташков, Белый, Истомило, Ельня, Брянск для подготовки к упорной обороне.

В состав фронта были включены шесть армий (29, 30, 24, 28, 31 и 32-я), четырьмя из которых командовали пограничники: 30-й — начальник войск Украинского пограничного округа генерал-майор В.А. Хоменко, погибший в 1943 году; 31-й — начальник войск Карело-Финского пограничного округа генерал-майор В.Н. Далматов; 24-й — начальник войск Прибалтийского пограничного округа генерал-майор К.И. Ракутин, погибший в октябре 1941 года и посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза.

29-ю армию, проведя формирование чекистских дивизий, принял генерал-лейтенант Масленников. Он будет доблестно и умело воевать, закончит войну генералом армии, командующим 3-м Прибалтийским фронтом, Героем Советского Союза, кавалером четырёх орденов Ленина, четырёх орденов Красного Знамени, ордена Суворова I степени, двух орденов Кутузова I степени.

В октябре 1948 года с должности командующего Закавказским военным округом Масленников вернётся в МВД СССР — заместителем министра, но уже не Берии, а Круглова. 16 апреля 1954 года — менее чем через год после гибели Берии, своего боевого наркома времён войны, — Масленников, предвидя неправый арест, застрелится.

Вернёмся, однако, в год 41-й.

Случайным ли было то, что из шести армий, прикрывавших летом 41-го года Москву, четырьмя командовали пограничные генералы?

Думаю, нет.

Командующим фронтов резервных армий был назначен тоже пограничник — бывший начальник войск Белорусского пограничного округа генерал-лейтенант И.А. Богданов.

30 июля 1941 года фронт резервных армий был преобразован в Резервный фронт под командованием Г.К. Жукова (Богданова он пригласил к себе заместителем).

Подсчитаем.

На западной границе войну встретило около ста тысяч пограничников, и практически каждый воевал за нескольких армейцев. Фактически пограничники становились тогда последним резервом командования всех уровней, в чьём распоряжении воины Берии оказывались волей судьбы и военного случая.

При этом до 25 сентября 1941 года непосредственно погранвойска имели штаты мирного времени, то есть не имели средств усиления: противотанковых средств, артиллерии, зенитных пулемётов. Ведь пограничники охраняют границу от

нарушителей, а не отражают агрессию врага. Воевать — задача армии.

Ко второй половине июля страна получила дополнительно к уже воюющим ста тысячам пограничников ещё не менее ста тысяч солдат пограничной кондиции, костяк которых составили 15 тысяч лучших пограничников. И тот факт, что, с одной стороны, именно их бросили закрывать прорыв, а с другой стороны, занимать новый стратегический рубеж Сталин поручил тоже пограничникам Берии, говорит о выдающейся роли погранвойск в начальный период войны.

Однако роль эта оказалась приниженной уже в первых же капитальных исследованиях о Великой Отечественной войне. Не оценена она по достоинству и по сей день.

Почему?

Не потому ли, что невозможно оценить погранвойска по заслугам без упоминания о том, кто подготовил погранвойска к войне, кто отвечал за формирование 15 дивизий и создание фронта резервных армий, которые из резервных почти сразу стали воюющими?

Бериевские дивизии фактически надломили «блицкриг» на московском направлении. Одной этой заслуги хватило бы, чтобы обессмертить имя того, кто это сделал, но сегодня об этой военной победе Берии просто забыли!

Кто-то скажет, что не Берия ведь воевал, не он командовал армиями. Но отвечал-то перед Сталиным и ставкой за формирование оперативного стратегического резерва он.

ЗАКОНЧИЛСЯ 1941 год, Красная Армия провела успешное контрнаступление под Москвой и виделись обнадёживающие перспективы на лето 1942 года. Однако в реальности вышло иначе — к концу лета 1942 года немцы не только подходили к Сталинграду, но и успешно развивали наступление на кавказском направлении.

Ситуация на Кавказе к августу сложилась критическая. Демонстрируя намерение и в 1942 году нанести основной удар группой армий «Центр» на Москву, Гитлер основным считал план «Блау» по захвату Кавказа.

А Кавказ — это в итоге Баку.

А Баку.

Ну, что такое Баку, ясно!

Баку — это нефть.

Причём в 1942 году бакинские нефтепромыслы давали почти всю ту нефть, которая обеспечивала и фронт, и тыл.

И вот как описывает положение первая, «хрущёвская» 6-томная «История Великой Отечественной войны». На странице

461-й тома 2-го сказано:

«Командование немецкой группы армий «А» считало, что советские войска в операциях на Северном Кавказе утратили боеспособность и уже не могут оказать значительного сопротивления. Поэтому с середины августа противник приступил к перегруппировке войск с целью одновременного развития наступления на Баку и Батуми. 1-я танковая армия развертывалась фронтом на юго-восток и должна была наступать. в направлении Грозный — Махачкала — Баку.

17-я армия получила задачу наступать из района Краснодара на Новороссийск, овладеть им и развить наступление вдоль Черноморского побережья на Сухуми — Батуми. 491 горно-стрелковый корпус должен был нанести удар из района Черкесска через перевалы Главного Кавказского хребта, выйти в район Сухуми и способствовать прорыву 17-й армии к Черноморскому побережью.

18 августа начались бои на перевалах.»

18 августа Берия принимал участие в совещании у Сталина, как и в ночь с 20 на 21 августа, где были также генералы из Генштаба Бодин и Боков. Но уже утром 21 августа Берия с группой генералов и офицеров вылетел через Среднюю Азию в Тбилиси.

Вернулся он в Москву лишь 17 сентября и **за неполный месяц фактически восстановил Кавказский фронт и стабилизировал ситуацию на Кавказе.**

Уже не раз я говорил, что одним взмахом бритвы Берию из советской истории не убрать. Вот и на этот раз, в 13-м томе 2-го издания БСЭ, подписанном в печать 27 июня 1952 года, в статье «Грузинская Советская Социалистическая Республика» никто не удосужился вырезать (да и как их незаметно вырежешь!?) следующие строки на странице 53:

«Летом 1942 года ценой огромных потерь войска немецко-фашистских захватчиков прорвались к предгорьям Главного Кавказского хребта. По поручению И.В. Сталина в эти грозные для народов СССР дни Л.П. Берия возглавил оборону Кавказа. Л.П. Берия тесно увязал работу тыла и фронта и обеспечил блестящее осуществление сталинского плана разгрома немецко-фашистских войск на Кавказе.»

Тем не менее в советской послесталинской историографии о роли Берии в защите Кавказа — даже в негативном ключе — мы не найдём ни слова.

В нынешней же антисоветской «историографии» повествуется о том, что самодур-де Берия, посланный «тираном» Сталиным в качестве представителя Ставки ВГК на Кавказ, всемерно мешал

отстаивать Северный Кавказ и Закавказье. За примером далеко ходить не надо — «Триумф и трагедия», Дмитрий Волкогонов: «Архивы свидетельствуют:.он от имени Сталина нагонял страх на военных работников, снимал ему неугодных людей, расстреливал.»

Фамилий расстрелянных Волкогонов, однако, не сообщает — их просто не было. А вот снять Берия кое-кого действительно снял.

Например, 28 августа 1942 года он снял генерал-майора Сергацкова с командования 46-й армией и назначил на его место генерал-майора Леселидзе. Желающие могут самостоятельно ознакомиться с боевой биографией одного и другого и решить — был ли Берия прав.

По согласованию со Ставкой он же фактически снял с должности и командующего Северо-Кавказским фронтом маршала Будённого, а 1 сентября 1942 года Сталин по рекомендации Берии принял решение объединить Северо-Кавказский и Закавказский фронты в один Закавказский фронт.

Однако, прибыв на Кавказ, Лаврентий Берия не разгоны устраивал, хотя и не без того. Он и выдвигал людей, и не только Леселидзе. Так, «крестником» Берии стал и ровесник Леселидзе — будущий маршал Андрей Гречко. 8-го сентября 1942 года Берия назначил его командующим 47-й армией. Правда, позднее о таком «родстве» Гречко помалкивал.

Главное же, чем занялся представитель Ставки и член ГКО, это — организацией ликвидации прорыва.

8 августа 1942 года — ещё до отбытия Берии на Кавказ — была создана Северная группа Закавказского фронта, командующим которой стал генерал-лейтенант Масленников. Идея этого назначения принадлежала, безусловно, Берии. А теперь в Тбилиси к командующему Закавказским фронтом Тюленеву прибыл сам Берия с генералом Бодиным, полковником Штеменко и группой своих старых «кавказских» кадров.

Кавалерист, генерал-лейтенант Бодин выдвинулся в ходе войны, клету 1942 года он был одним из заместителей Генерального штаба. У Берии на людей глаз был острый, и Бодина приглядел явно он, «сосватав» на должность начальника штаба Закавказского фронта.

Бодин «пришёлся ко двору», но погиб в ходе Нальчикско-Орджоникидзевской операции в ноябре 1942 года. Похоронен в Тбилиси.

А если бы не погиб, мог бы пойти далеко — с лёгкой руки Берии. Он ведь людей выдвигал и поддерживал смело.

Итак, с приездом группы москвичей во главе с Берией в

Тбилиси началась большая работа.

Пятидесятидвухлетний в 1942 году, генерал армии Иван Владимирович Тюленев перед войной командовал войсками Московского военного округа, а вскоре после её начала был назначен командующим войсками Закавказского военного округа, ставшего с мая 1942 года Закавказским фронтом. Берия знал его давно и хорошо и помог ему крепко.

Помог в том, в чём мог и обязан был помочь именно в Закавказье именно Берия — в мобилизации людей, резервов и экономики.

Однако начал Берия с вопросов чисто военного планирования, то есть — с вопросов, собственно, полководческих.

Через много лет после войны Тюленев писал (без упоминания имени Берии, конечно):

«Некоторые из нас считали главной задачей войск оборону Черноморского побережья, где и были развернуты основные силы 46-й армии.

Лишь вмешательство Ставки исправило нашу ошибку. По указанию из Москвы мы разработали новый план обороны перевалов Главного Кавказского хребта: она разбивалась на направления, во главе которых стали опытные командиры и штабы».

Тюленев пишет о Ставке, но за такой концепцией обороны сразу виден Берия. При этом он, как правило, не лез в оперативные решения — куда и какие направлять части, как планировать удары и т. д. Он сам был настолько профессионален в том, в чём был профессионален, что всегда уважал профессионализм и в других.

Надо было создавать глубоко эшелонированную оборону. В течение августа и сентября 1942 года на подступах к Орджоникидзе, Грозному и Махачкале было построено по пяти-шести оборонительных полос, а на подступах к Баку — более десяти. На строительстве ежедневно было занято 90 тысяч человек местного населения.

Нервом всего этого был Берия, но ещё, пожалуй, более значительной и даже решающей оказалась роль Берии в мобилизации экономики Закавказья для обеспечения интересов фронта.

Ни словом, естественно, не обмолвившись о Берии, том 2-й «хрущёвской» «Истории Великой Отечественной войны», изданный в 1961 году (в редакционную комиссию входил и Гречко), сообщал об этом вот что:

«.9 сентября в республиках Закавказья было объявлено военное положение.

В связи с тем, что основные коммуникации, связывавшие Закавказье с индустриальными районами страны, оказались перехваченными врагом, в Закавказье по заданию Государственного Комитета Обороны был увеличен план выпуска военной продукции… Многие предприятия, особенно местной промышленности, целиком переводились на производство боеприпасов, вооружения и снаряжения для армии. Увеличение производства военных материалов в закавказских республиках позволило Государственному Комитету Обороны сократить централизованные поставки войскам, оборонявшим Кавказ. Находившиеся в Закавказье войска получали теперь из промышленных центров страны лишь важнейшие виды боевой техники — самолеты, танки, орудия. Миномёты, автоматы, гранаты, патроны, различное снаряжение и обмундирование производилось на месте».

Это всё ведь — о Берии!

Конечно, ситуацию переламывали усилия миллионов людей. Но исходный импульс этих усилий давал он, Лаврентий Берия.

Причём надо помнить, что битва за Кавказ проходила на фоне начинающегося сражения за Сталинград, и поэтому Берия и его товарищи в Закавказье тоже защищали Сталинград, позволяя перебрасывать туда максимум возможного за счёт того, что Кавказ начал делать многое сам.

Вот ещё одно свидетельство выдающейся роли Берии в обороне Кавказа, и опять — без единого слова о том, кто описанное ниже организовал. Начальник Главного артиллерийского управления РККА маршал артиллерии Яковлев в своих мемуарах пишет:

«.одновременно со Сталинградским сражением развернулась и грандиозная битва за Кавказ. Причём на огромном фронте, простирающемся от Чёрного до Каспийского моря. И если снабжение вооружением и боеприпасами наших войск в районе Сталинграда было трудным, то кавказская эпопея в этом отношении вообще явилась непревзойдённой по своей сложности.

Подача обороняющимся здесь войскам вооружения и боеприпасов. должна была идти кружным путем — через Среднюю Азию, Красноводск, Баку.

Однако транспорты шли.

С огромной нагрузкой работали и промышленные предприятия Закавказья. Под руководством Центральных Комитетов Коммунистических партий Грузии, Армении, Азербайджана (работой которых руководил Берия. — *С.К.*) они, переключившись на военное производство, дали фронту тысячи орудий, миномётов и боеприпасов.

В это трудно поверить, но было и так. Как-то мне доложили, что в Баку создано нечто подобное снаряжательному заводу. Причём на базе. городского утильсырья. А в Тбилиси для этого приспособили здание бойни. И вот на таких-то «заводах» за пять месяцев работы было снаряжено 647 тыс. ручных гранат, 1,2 млн. мин, 549,5 тыс. артиллерийских снарядов!»

Яковлев восклицает: «Это ли не проявление беззаветной преданности трудящихся Закавказья своей социалистической Родине!»

Да, верно.

Но это же и лишнее доказательство того, как Берия умело организовывал этих трудящихся, которых *он же* до войны воспитывал как граждан большой страны, граждан СССР.

На Кавказе он был своим, потому что Кавказ был ему свой. Конечно, Берия в любом случае выкладывался бы на Кавказе до конца, как и на любом другом участке фронта, куда его послал бы Сталин. Однако на Кавказе Берия защищал не только большую Родину — Советский Союз, но и родину «малую». Так что для мобилизации Закавказья на борьбу кавказец Берия был идеальной фигурой во всех отношениях. Он здесь родился, он здесь был как рыба в воде, он имел авторитет, он опирался на людей, им же в своё время найденных и выдвинутых.

Берия пробыл на Кавказе менее месяца, но Кавказ спас. Увы, позднее и эту его великую победу во имя России после 1953 года вывернули шиворот-навыворот — мол, Берия чуть ли не сдал Кавказ.

Я уважаю память сына Берии — Серго, но к его воспоминаниям отношусь во многих их частях не без скепсиса. Тем не менее то, что он сказал о роли отца в обороне Кавказа, полностью исторично:

«Отец приехал на фронт в критический момент, когда командование пребывало в полнейшей растерянности. Немцы довольно глубоко проникли в тыл, захватили Клухорский, Марухский, Мамисонский перевалы. Вместе с товарищами из Генштаба при огромной поддержке местного населения отцу удалось нормализовать обстановку.»

Обращаю внимание читателя на ход мыслей и стиль сына Берии. Он не пишет заносчиво: «отцу удалось нормализовать обстановку», но подчёркивает: «вместе с товарищами из Генштаба при огромной поддержке местного населения.»

Как видим, Берия сумел передать сыну своё отношение к делу: успех обеспечивают только коллективные усилия, но эти усилия должен объединять лидер.

Ну, ладно, это — мнение сына. Но вот оценка, которая

дорогого стоит не только из-за того, *кем* онадана, ноиз-за того, *когда* она была дана.

Летом 1953 года, когда Берия был арестован и публично ошельмован, его боевой товарищ генерал Масленников, возмущённый статьёй, опубликованной в журнале «Военная мысль», направил в редакцию письмо, где писал:

«.авторы лишь вскользь и чрезвычайно бегло упоминают об огромной творческой работе и принципиальных политических организационных мероприятиях, которые осуществил товарищ Лаврентий Павлович Берия, создавший коренной перелом, изменивший всю обстановку, несмотря на чрезвычайно трудное положение, сложившееся на кавказских фронтах к августу 1942 года. Подобная характеристика деятельности товарища Л.П. Берия не даёт исчерпывающей картины всех мероприятий, которые были проведены под личным и непосредственным руководством товарища Лаврентия Павловича Берия.»

Написать *такое*, когда Берия был официально объявлен врагом народа, это...

Ну, понятно, как это надо расценивать.

За время войны на разных фронтах и в разные времена побывали представителями Сталина многие: Жуков, Василевский, Ворошилов, Маленков, Каганович. Кто-то на ситуацию оказал большее влияние, кто-то — меньшее. Каганович, между прочим, в конце 1942 года более месяца пробыл в Тбилиси, и толк от этого был, хотя не всегда и не во всём.

Однако роль Берии в защите Закавказья во всё ещё не написанной объективной истории войны должна быть выделена особо. Пожалуй, ни в каком другом военном случае личность так ярко не наложила на события своё влияние, мощно содействуя коллективному успеху.

И пора бы это признать!

В ПЕРВЫЙ период войны Берии пришлось создавать фронт резервных армий и воссоздавать Закавказский фронт.

Но были и ещё два «фронта», на которых Берия воевал до войны, во время войны и даже — после неё.

Первый, как читатель уже, наверное, догадался, — это «невидимый фронт»

за линией видимого фронта, разведка.

Второй — фронт тоже без линии фронта, а именно — борьба с националистическим подпольем и бандами националистов в Прибалтике и на Западной Украине.

О последнем «фронте» говорить здесь не буду — в целях экономии времени читателя. Хотя и об этой ипостаси Берии и его заслугах перед Россией на этой стезе можно написать отдельное

документальное исследование. Остановлюсь же немного на разведке.

После объединения НКВД и НКГБ Берия опять курировал внешнюю разведку, точнее — *и* разведку. И вот вам три разведывательных сюжета, известных со слов Зои Ивановны Воскресенской-Рыбкиной. Спелая русская красавица, полковник внешней разведки, она начала работу в конце 20-х и перед войной входила в руководство немецкого отделения. О ней тоже можно писать книги, но она и сама о себе и о разведке написала — в книге «Под псевдонимом Ирина».

Книга Рыбкиной не свободна от неточностей, однако знала Зоя Ивановна много, во многом же участвуя.

В середине 1940 года начальник 5-го (ИНО) отдела ГУГБ НКВД Павел Фитин поручил Рыбкиной «раскрутить» опытного агента абвера, штабс-капитана царской армии Александра Сергеевича Нелидова. Вначале тот упирался, но в конце концов сдался. Нелидов принимал участие в штабных военных играх германского Генштаба и сообщил ценные сведения.

Операция с Нелидовым продолжалась и после разделения наркоматов в феврале 1941 года, и когда с 20 июля 1941 года НКВД и НКГБ вновь объединили под руководством Берии, он распорядился Нелидова. освободить.

Освободить, подбодрить и предложить перебраться в нейтральную Турцию, Нелидову хорошо знакомую, в качестве сотрудника разведки НКВД. В таком предложении был точный психологический расчёт и умение понять — кому и когда можно поверить и доверить важное дело.

Нелидова действительно освободили, поселили в гостинице «Москва», начали готовить к загранкомандировке.

Каково?

Санкционировать направление *за кордон* в условиях успешного наступления немцев *бывшего доверенного сотрудника адмирала Канариса,* — это, знаете ли.

А нам рассказывают, что Берия-де «никому не доверял».

Кончилась история с Нелидовым, правда, грустно. Видимо, он испугался неожиданного доверия, психика была поддомлена впустую растраченной жизнью, начать которую заново он уже не имел сил.

Нелидов повесился — прямо в комфортабельном номере гостиницы «Москва». Оказалось, что Берия верил в него больше, чем смог поверить он сам.

Рыбкину же вскоре после начала войны включили в состав особой группы, и она занималась отбором, организацией, обучением и переброской на оккупированную территорию

диверсантов и разведчиков. А в октябре 1941 года Рыбкина готовилась к очередной разлуке с мужем — крупным разведчиком Борисом Аркадьевичем Рыбкиным-Ярцевым. Муж под легальным прикрытием советника посольства направлялся в Швецию, жена — в немецкий тыл. Так сказать, «дан приказ ему на запад, ей — в другую сторону.»

И вот как было дальше — по воспоминаниям Зои Ивановны:

«Накануне его (мужа. — *С.К.*) отъезда всё перевернулось в моей судьбе. Меня вызвал нарком и спросил, чем я занимаюсь. Я сказала, что готовлюсь идти работать в тыл. «В качестве кого?» -

«Железнодорожной сторожихой на переезде». Нарком рассмеялся: «Немцы такую сторожиху арестуют и расстреляют. Ехать вам надо в Швецию»…

Пришлось сдавать дела. Через несколько дней мы вдвоем уже летели на «уточке» (У-2) в Архангельск.».

Требуются комментарии?

Третий сюжет — тоже из эпопеи Рыбкиной и её мужа.

В 1942 году легальный резидент разведки НКВД в Швеции Борис Ярцев («Кин») и его жена и сотрудница Зоя Рыбкина получили задание Центра наладить канал связи с группой «Красная капелла» в Берлине. Подходящая кандидатура нашлась быстро — шведский промышленник, женатый на русской эмигрантке и по коммерческим делам часто бывавший в рейхе. Получив оперативный псевдоним «Директор», он выполнил задание, хотя и не с первого раза — подвела неопытность.

И вдруг из Центра приходит сообщение об аресте всех членов «Красной капеллы». Центр считал, что это результат провокации «Директора», и для его проверки приказывал «Кину» вновь направить этого связника в Берлин на связь к заведомому «двойнику», о котором Центр знал точно, что он работает на немцев.

Проанализировав ситуацию, Рыбкин и Воскресенская пришли к выводу, что «Директор» — честный человек и направить его вновь в Берлин, значит — обречь на смерть.

«Мы настойчиво пытались доказать Центру свою правоту, — вспоминала Рыбкина-Воскресенская. — Последовал приказ: «Выполняйте указание». Мы снова просим всё взвесить. В ответ — грубый окрик. Тогда мы решили обратиться к наркому. Просим отменить указание главка, не губить человека. Через пару дней пришел ответ. Посылка «Директора» в Берлин отменяется, с ним приказано прекратить всякую связь».

Так работал с людьми реальный Берия. Тот, кого «генерал от демократии» Волкогонов называл «вурдалаком» и бездушным «чудовищем». А реальный Берия был, напротив, чутким, хотя и

абсолютно без сюсюканья, человеком. Зная это, «Кин» и решился апеллировать прямо к нему через голову непосредственного начальства.

БЫЛ, впрочем, у Берии и ещё один, третий фронт без линии фронта, которым он командовал всю войну — фронт партизанский и разведывательно-диверсионный.

Ряд крупных партизанских соединений образовался вокруг сильных народных вожаков — тех же Ковпака, Фёдорова-Черниговского, Бегмы. Но основную организованную борьбу в тылу врага вели отряды, организованные НКВД Берии. Уже потом они обрастали на месте новыми людьми, крепли. Но ядро чаще всего было чекистское.

Об этом тоже предпочитают помалкивать, поскольку стоит ли признавать за Берией ещё и эту заслугу? Хватит уже того, что пришлось публично признать в последние годы выдающуюся роль в советском Атомном проекте, о чём ещё будет сказано.

Для организации разведывательно-диверсионного «фронта» Берия подобрал сильную команду под рукой опытнейшего мастера спецопераций НКВД генерала Судоплатова.

Постановление ЦК об организации борьбы в тылу германских войск было принято 18 июля 1941 года, но уже 5 июля 1941 года приказом по НКВД СССР образуется Особая группа при наркоме во главе с Судоплатовым. Заместителями Судоплатова были назначены такие чекистские «зубры», как Серебрянский, Маклярский, Дроздов, Мордвинов, Гудимович, Орлов.

3 октября 1941 года Особая группа была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД при сохранении непосредственного подчинения Берии. Наконец, 18 января 1942 года 2-й отдел был развернут в 4-е управление НКВД с расширением задач и полномочий.

Летом 1941 года была сформирована отборная 25-тысячная (!) Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР, эта подлинная кузница партизанских кадров для спецотрядов и спецгрупп, с которой связаны имена Медведева, Ваупшасова, Стехова, Прокопюка, Кузнецова.

Бюрократы в погонах из Генштаба и наркомата обороны провалили начало «большой» войны. Теперь они так же проваливали войну партизанскую. Шёл январь 1942 года, а Генеральный штаб «полным ходом» еще формировал ЦШПД.

Подчинённый же наркома Берии, капитан ГБ Дмитрий Медведев, будущий Герой Советского Союза, за это время успел сформировать спецотряд «Митя», 4 сентября 1941 года уйти в Брянские леса, провести там и в Белоруссии ряд операций, 12 января 1942 года вернуться в Москву, 17 февраля получить свой

первый орден Ленина и начать готовиться к новой выброске уже под Ровно.

Но все фронтовые победы Лаврентия Берии на войсковых фронтах и фронтах «специальных» не то чтобы меркнут, но отходят на второй план по сравнению с тем, что сделал член ГКО Л. П. Берия для организации того военного тыла, лозунгом которого были слова: «Тыл — фронту».

ДА, ГЛАВНОЙ линией судьбы Берии в войне стала его работа в Государственном Комитете Обороны. И чтобы дать ей общую оценку, я воспользуюсь для начала сведениями из сборника документов «Лаврентий Берия. 1953», изданного Международным фондом «Демократия». Это — самый надёжный способ лишить ненавистников Берии возможности что-либо возразить, ибо вот что признают за Лаврентием Павловичем сами «демократы»:

«Постановлением ГКО от 4 февраля 1942 г. о распределении обязанностей между его (ГКО. — *С.К.*) членами Берии был поручен контроль за выполнением решений по производству самолетов и моторов, вопросами формирования ВВС, кроме того, в дальнейшем (не в дальнейшем, а уже до этого! — *С.К.*) на Берию был возложен контроль за выполнением решений о производстве вооружения, миномётов, боеприпасов, танков, а также наблюдение за работой трех наркоматов: нефтяной, угольной промышленности и путей сообщения.

В 1944 году Сталин назначает Берию заместителем председателя ГКО и председателем Оперативного бюро ГКО, рассматривавшего все текущие вопросы».

Кое о чем в этой справке не упомянуто, да и хронологически здесь охвачен период лишь с начала 1942 года (а ведь был же и год 1941-й!), однако в целом справка «демократов» отражает военную нагрузку Лаврентия Павловича верно.

При этом нередко бывало и так, что обязанности тех, кто «проваливался», Сталин перекладывал на Берию. Как известно, на человека грузят столько, сколько он снесёт. А Берия нёс столько, сколько на него грузили.

Вот на него и грузили.

С самого начала войны!

Нередко утверждают, что производство вооружений и боеприпасов курировал Николай Вознесенский, зампред Совмина, пред Госплана, в 1950 году расстрелянный как один из важнейших фигурантов по «делу Госплана» (в Госплане обнаружилась пропажа более сотни важнейших секретных документов) и «ленинградскому делу».

Анастас Микоян в своих позднейших «мемуарах» 70-х годов, увидевших свет уже в «перестроечные» годы, описывая историю

учреждения ГКО и немало привирая и перевирая, утверждал:

«Вознесенский попросил дать ему руководство производством вооружения и боеприпасов, что. было принято. Руководство по производству танков было возложено на Молотова, а авиационная промышленность и вообще дела авиации — на Маленкова. За Берия была оставлена охрана порядка внутри страны и борьба с дезертирством.»

Что тут скажешь — всем дела по плечу нашлись, и какие дела!

Ну, *а* Берия?

Да на что этот бывший муссаватистский контрразведчик и будущий империалистический шпион годен? Разве что доверить ему в трудное для России время шпану по подворотням ловить, да дезертиров по лесам вылавливать.

Это всё — в изложении Микояна.

В действительности же с самого начала войны наркомат вооружений по линии ГКО подчинили Берии, и даже клевещущий, по сути, на Берию бывший замнаркома Новиков признаёт, что «отвечал он за нас перед Сталиным лично».

Новиков вспоминает, что в конце июля 1941 года у него вышел резкий спор с Берией относительно того, может ли выйти Ижевский завод на выпуск пяти тысяч винтовок через три месяца. Новиков настоял на записи срока в семь месяцев.

Однако уже в ноябре 1941 года ижевцы изготавливали четыре тысячи, а к концу лета 1942 года — двенадцать тысяч винтовок в сутки! И Новиков хвалился приехавшему в Ижевск Ворошилову, что «винтовки текут у нас круглые сутки из недели в неделю, из месяца в месяц». Судя по этому, на уровень пяти тысяч Ижевск вышел к концу 1941 года, то есть — менее чем через пять месяцев.

Как член ГКО Берия отвечал за контроль за производством чуть ли не всех видов вооружений, в том числе — миномётов. Этот вид оружия до войны не всеми военными оценивался по достоинству, несмотря на очевидную боевую эффективность и простоту, хотя Сталин, к слову, на совещании при ЦК ВКП(б) 14–17 апреля 1940 года по итогам войны с белофиннами рекомендовал обратить внимание на миномёты в следующих выражениях:

«Почему миномётов нет? Это не новое дело. В эпоху империалистической войны в 1915 году немцы спасались от западных и восточных войск — наших и французских, главным образом минами.

Людей мало — мин много. Двадцать четыре года прошло, почему у нас нет до сих пор миномётов? Ни ответа, ни привета».

Теперь миномёты нужны были в неограниченном, так сказать, количестве.

Как, впрочем, и всё остальное.

И 5 сентября 1941 года Берия создаёт в НКВД новый, 7-й специальный отдел НКВД СССР по чекистскому обслуживанию миномётного вооружения, который просуществовал до 14 ноября 1942 года во главе с И.М. Ткаченко.

Вернёмся к цитированной выше «демократической» «объективке» на Берию, где утверждается, что лишь после Постановления ГКО от 4 февраля 1942 года и даже позднее Берии, кроме прочих многочисленных заданий, «был поручен контроль за выполнением решений о производстве вооружения, миномётов, боеприпасов.».

В действительности же, как мы знаем, эти (хотя не только эти!) поручения от Сталина Берия имел задолго до помянутого Постановления, с первого же военного месяца.

Одна эпопея с миномётами чего стоит!

Думаю, что и в этом — в кураторстве Берии отыскивается причина того, что, несмотря на все потери промышленного потенциала, выпуск миномётов промышленностью за 1941 год вырос по сравнению с мирным 1940 годом в 4,34 раза — с 38 тысяч до 165,1 тысячи!

Это и был стиль Берии, выраженный наиболее кратко и убедительно — в цифрах.

Но Берия курировал и производство боеприпасов, и авиационное производство, хотя официально за него отвечал Маленков. Последний организационной хваткой обладал, однако — не бериевской кондиции. Поэтому Маленкова нередко подстраховывал Берия.

Причём кое-что о качестве «кураторства» Маленкова говорит тот факт, что уже после войны возникло неприглядное «авиационное дело». Суть его была в том, что нарком Шахурин сдавал ВВС дефектные самолёты, а командующий ВВС Новиков их принимал, а потом лётчики на фронте гибли не в боях, а из-за срыва в полёте обшивки.

Берия отвечал и за танки. А насчёт того, как это вышло, есть компетентное свидетельство Бориса Глебовича Музрукова, выдающегося организатора промышленности, дважды Героя Социалистического Труда. Свою первую Звезду он получил 20 января 1943 года как директор «Уралмаша» за производство танков, а вторую — 29 октября 1949 года как директор комбината № 817 — за первый наш плутоний для первой атомной бомбы РДС-1. Привлёк его к «атомным» делам именно Берия, знавший Музрукова с войны по «танковой» линии.

С июня 1955 по март 1974 года Борис Глебович был директором крупнейшего центра разработки ядерного оружия в «Арзамасе-16» (КБ-11, позднее — Всесоюзный НИИ экспериментальной физики).

Много позднее Музруков доверительно рассказывал «атомным» коллегам:

«Первое время танковую промышленность курировал Молотов.

Было худо. У авиационников (их ведь фактически «вёл» Берия. — *С.К.*) есть и энергия, и топливо, и сырьё, а у танкистов — бедно-бедно.

Мы — попросили Малышева (нарком танковой промышленности. — *С.К* .), чтобы он попросил Сталина сменить нам шефа, и он сменил. Назначил шефом танковой промышленности. Берия. Стало, конечно, лучше с сырьём, энергией, топливом, продовольствием.».

В 1965 году на вопрос о военных впечатлениях от Берии Борис Глебович ответил:

«Что можно сказать о человеке, который много выше тебя и с которым у тебя отношения — четкое и суровое подчинение? Личных впечатлений нет, что касается дела, то в той степени, которая требовалась для курирования, компетентность была. Он жестко «разносил», но и помогал. Не знаю времени, когда бы он спал или отсутствовал, в любое время дня и ночи звони, и всегда он на месте».

Спрашивается, а когда же он, пардон, «по бабам» гулял?

Я уже говорил, что партийные бюрократы от культуры рекомендовали вырезать бритвой из 5-го тома Большой Советской Энциклопедии статью о Лаврентии Павловиче. Но слишком много сделал за свою жизнь Лаврентий Берия для России, чтобы вот так — взмахом бритвы — убрать его если не из официальной истории, то из всех томов БСЭ, изданных до 26 июня 1953 года — дня его ареста.

Поэтому в томе 12-м БСЭ, подписанном в печать 28 мая 1952 года, на странице 318-й в статье «Государственный Комитет Обороны» и после 26 июня 1953 года можно было, взяв 12-й том в любой библиотеке Союза, прочесть:

«Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1943 отмечены особые заслуги членов ГОКО в усилении производства вооружения и боеприпасов и снабжения армии в трудных условиях военного времени: в области производства танков — заместителя председателя ГОКО В.М. Молотова; в области производства вооружения и боеприпасов — члена ГОКО Л. П. Берия; в области производства самолетов и моторов к ним

— члена ГОКО Г.М. Маленкова; в области постановки дела снабжения Советской Армии продовольствием, горючим и вещевым довольствием — члена ГОКО А.И. Микояна. Этим указом им присвоены звания Героев Социалистического Труда».

Обращу внимание читателя на то, что якобы «любимец Сталина» Николай Вознесенский, которому его «демократические» приверженцы создают имидж «организатора военной экономики», не получил Геройской Звезды ни тогда — в 1943 году, ни позже.

Любопытный ведь факт, не так ли?

Что же до остальных награждённых, то их вклад в дело организации

Победы вне сомнений заслуживал тех наград, которые они получили. Однако Молотов и Маленков заработали свои Золотые Звёзды всё же не совсем тем, за что их Сталин официально наградил.

Микоян был награждён именно за то, что он реально и делал.

Берия же Звезду Героя получил лишь за вооружения и боеприпасы, хотя Лаврентию Павловичу то и дело приходилось подстраховывать официального «авиатора» Маленкова, а «танкиста» Молотова и вовсе заменить.

А ведь Берия курировал ещё и «нефтяной», «угольный» и «железнодорожный» наркоматы!

Собственно, не было, если разобраться, ни одного крупного, государственного уровня, дела во время войны, к которому так или иначе не имел отношения Берия.

Весной 1942 года создаётся труднейшее положение на железных дорогах — в освобождённых районах нет путей, инфраструктуры станций, а в тыловых — «пробки». 13 марта 1942 года создаётся особая группа ГКО, на которую возлагается вся ответственность за перевозки по железным дорогам. Состав группы: Каганович, Берия, Маленков, несколько сотрудников Наркомата путей сообщения и несколько работников ВОСО — службы военных сообщений.

Оперативная, «техническая» сторона дела — на последних, а ответственность на ком?

23 августа 1943 года образован Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации, под председательством Маленкова. Члены: Берия, Микоян, Вознесенский и

Андреев. Тогда перечень фамилий шёл не строго в алфавитом порядке, а по очерёдности ответственности. Зная это, читатель может понять сам — кто был кем и в этом Комитете.

И всё это — не взамен, а в дополнение к уже на Берию

взваленному!

С 1944 года Берия, наряду с Молотовым, стал заместителем Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина. В ГКО тогда была сосредоточена вся полнота государственной власти — это ведь был чрезвычайный орган военного времени. Реально это означало, что Берия становится вторым человеком в государстве после Сталина. Молотов и в начале войны больше был занят не оперативными, а внешнеполитическими делами, а уж во второй половине войны — тем более.

Известный составитель биографических словарей Константин Залесский утверждает, правда, в справочнике «Кто есть кто в истории СССР. 1953–1991», что вторым-де после Сталина был Молотов, но в этом утверждении столько же правды, сколько в приводимых Залесским же словах Хрущёва о якобы пьянстве Берии на ужинах у Сталина.

Во-первых, напиваться на ужинах у Сталина мог лишь непроходимый глупец, совсем не знающий Сталина. На этих ужинах не напивался даже Хрущёв.

Во-вторых, у Берии были с молодости больные почки, и уже поэтому он пил мало.

В-третьих же, Берия так или иначе к злоупотреблению спиртным расположен не был — не тот тип натуры.

ЕСТЬ такое понятие — «гамбургский счёт». Свою историю оно ведёт от абсолютно закрытых чемпионатов мира по борьбе, которые периодически устраивали в начале XX века цирковые борцы, сняв для этого цирк в Гамбурге.

Антрепренёры борцов выстраивали их рейтинги так, как это было выгодно для цирковой коммерции, поэтому нередко сильнейшего заставляли проигрывать слабейшему. А мастерам ковра хотелось знать и подлинную силу каждого. Вот они и боролись в пустом цирке — без дураков. И у профессионалов ценился лишь «гамбургский» чемпион.

Так вот, если выстраивать «гамбургский рейтинг» персональных заслуг в Великой Отечественной войне, то абсолютный «чемпион» очевиден — это Иосиф Сталин.

Но вторую ступеньку надо отдать Лаврентию Берии!

Глава 5. 1945–1953. Россия делает сама: решение Атомной и Ракетной проблем

16 ИЮЛЯ 1945 года в Аламогордо, пустынной местности американского штата Нью-Мексико, взорвалась первая в мире атомная бомба. Пока это был лишь испытательный взрыв, об успехе которого тогда знал лишь ограниченный круг людей в США, в Англии ив. СССР — благодаря внешней разведке.

А в августе 1945 года, за два дня до начала наступления Советской Армии в Маньчжурии, по приказу президента США Трумэна и без консультации с Советским Союзом началась атомная бомбардировка густонаселенных городов Японии.

6 августа 1945 года атомная бомба была сброшена на Хиросиму, 8 августа — на Нагасаки.

Так Америка публично продемонстрировала всему миру, что она обрела атомную монополию. И почти сразу же начался как дипломатический, так и публичный атомный шантаж Советского Союза.

Вот лишь один из сотен примеров. В 1947 году профессор Техасского университета Р. Монтгомери писал: «В течение 24 часов мы можем уничтожить 75 миллионов русских, не потеряв и ста человек. Если надо уничтожить русских, то давайте сделаем это сейчас, не будем ждать три года».

Военный министр США Генри Стимсон не стеснялся заявлять, что теперь

Америка может вести переговоры с Россией, «демонстративно потрясая» атомной бомбой. В мировой политике Америки началась эра «атомной дипломатии», что в отношении СССР означало, как я уже сказал, атомный шантаж.

Вопрос ликвидации атомной монополии США и создания собственного ядерного оружия стал для СССР вопросом жизни и смерти — буквально!

О том, что в Англии и в США ведутся атомные работы, советское руководство знало по крайней мере с осени 1941 года, однако тогда было не до того. Но уже 28 сентября 1942 года было принято распоряжение ГКО № 2352сс «Об организации работ по урану».

11 февраля 1943 года было принято очередное распоряжение ГКО № ГОКО-2872сс, начинавшееся и заканчивавшееся так:

«В целях более успешного развития работ по урану:

I. Возложить на тт. Первухина М.Г. (тогда — зампред СНК СССР и нарком химической промышленности. — *С.К.*) и Кафтанова С.В. (председатель Комитета по делам высшей школы при СНК СССР и уполномоченный ГКО по науке. — *С.К.*) обязанность повседневно руководить работами по урану и оказывать систематическую помощь спецлаборатории атомного ядра Академии наук СССР.

Научное руководство работами по урану возложить на профессора Курчатова И.В. <.>

II. Обязать руководителя спецлаборатории атомного ядра (Лаборатории № 2 Академии наук СССР. — *С.К.*) проф. Курчатова И.В. провести к 1 июля 1943 г. необходимые исследования и представить Государственному комитету обороны к 5 июля 1943 г. доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива.»

А первым куратором атомных работ от Политбюро был назначен неудачливый «танкист» Молотов. При всём моём искреннем и немалом уважении к Вячеславу Михайловичу, должен, забегая вперёд, сказать, что «атомщиком» он оказался не более удачливым, чем «танкистом».

Я НЕ ПИШУ историю Атомного проекта СССР, хотя полноценной такой истории пока не существует и заняться ею стоило бы. Так или иначе, эта тема давно на общественном слуху, и на многих коллизиях начала наших масштабных работ по урану я остановлюсь кратко — в том объёме, который нужен для этой книги.

Так, сообщу, что кураторство Молотова начинающемуся Атомному проекту пошло не впрок, и 19 мая 1944 года Первухин направил Сталину письмо, где предлагал:

«.Создать при ГОКО Совет по урану для повседневного

контроля и помощи в проведении работ по урану, примерно в таком составе: 1) т. Берия Л.П. (председатель совета), 2) т. Молотов В.М., 3) т. Первухин М.Г. (заместитель председателя), 4) академик Курчатов И В. ».

Собственно, с этого момента переход руководства атомными работами в СССР к Берии был предрешён, причём без каких-либо инициатив со стороны самого Берии.

В тот момент из всех, имеющих отношение «к урану», Первухин был наиболее «статусным» лицом, кроме Молотова, естественно. Вот Первухин и решился на верный шаг — формально не идя против Молотова, предложить Сталину в кураторы Атомной проблемы того, кто мог стать для неё подлинным «мотором». А Сталин редко отвергал разумные предложения.

Значение же Берии для нашего Атомного проекта можно уложить в шесть слов: «Без Берии бомбы не было бы».

Во всяком случае — в те сроки, в которые мы её сделали.

А сроки тогда.

Сроки тогда определяли: быть великой России и далее, или — не быть.

Но тут надо кое-что пояснить.

В отличие от остальных крупнейших побед Берии, его «атомная» победа подтверждается наиболее бесспорно — огромным массивом и сегодня не уничтоженных документов.

Я писал, что архивных документов по Берии не так уж и много, потому что архивы Берии уничтожались особенно рьяно. Но «атомный» архив по Берии богат, и объясняется это тем, что архивы атомного ведомства были особенно закрытыми даже для хрущёвских партаппаратчиков — там ведь не политические секреты хранились, а технические. Поэтому в многотомном сборнике документов «Советский Атомный проект» имя Берии встречается не одну тысячу раз, и роль Берии в этом проекте после изучения десятка увесистых книжных «кирпичей» проясняется полностью и убедительно.

Из документов видно, что Берия не осуществлял «общее вмешательство в дела подчинённых», а руководил атомными работами вполне компетентно. Несколько лет назад я получил подтверждение этому несколько неожиданным образом.

Один из старейших физиков-оружейников ядерного оружейного центра в Сарове-«Арзамасе-16» Герман Арсеньевич Гончаров (1928–2009), Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, начиная со второй половины 90-х годов совместно с полковником в отставке Павлом Петровичем Максименко, бывшим руководителем представительства МО СССР во Всесоюзном НИИ экспериментальной физики в «Арзамасе-16», занимался отбором в секретных архивах, рассекречиванием и подготовкой к изданию документов упомянутого выше сборника. Рассекреченные документы издавались в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 17.02.95 № 160 «О подготовке и издании официального сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия в СССР».

Так вот, после изучения тысяч документов с визами Берии, после изучения стенограмм различных заседаний и т. п. Гончаров пришёл к выводу, что **Берия разбирался в технических вопросах Атомного проекта на уровне доктора технических наук!**

Формально Берия не имел высшего образования, успев окончить лишь среднее техническое училище. Но, во-первых, в то

время среднее училище было отнюдь не то, что нынешние техникумы, попугайски преобразованные в колледжи.

Во-вторых, то училище, которое окончил Берия, в 1920 году было преобразовано в политехнический институт, то есть училище имело потенциал развития. И Лаврентий Берия в Бакинский «политех» поступил и учился там, хотя, как он сам пишет в автобиографии 1923 года, занятия в институте продолжались «с перебоямидо 1922 г.».

Как следует из той же автобиографии, за всё это время Берия связи с институтом не терял и прекратил учёбу только в связи с переводом из Баку в Тифлис. К слову — стиль автобиографии не только по-деловому чёток, но и по-деловому точен. Так, автор её сообщает: «Прекращаю учение, *числясь* (курсив мой. — *С.К.*). студентом 3-го курса».

Быть студентом и числиться студентом — состояния разные, причём первое достойнее второго, но Берия не уклоняется от точности — стыдиться ему нечего. Ведь перерывы и отвлечение от учёбы объясняются не загулами или подработкой в «Макдоналдсе», а всё большей загруженностью Берии партийной, чекистской и общественной работой.

В целом же можно с уверенностью утверждать, что Берия имел базовую техническую подготовку вполне инженерного уровня. За годы учёбы в среднем училище он уже неплохо образовался, а первые годы учёбы в политехническом институте углубили его знания. Память у него была великолепной, реакция — быстрой, способность к анализу — выдающейся, так что любые знания Берия усваивал верно и прочно. И если бы у него была ярко выражена тяга к карьере, а не к знаниям, он не просился бы из чекистов в студенты.

А повседневное общение с крупнейшими специалистами возникающей атомной науки и техники могло заменить собой любые университеты — была бы голова на плечах.

Голова же у Берии была.

ВЕРНЁМСЯ, однако, в годы ещё военные.

Сказав в мае 1944 года «а.», Первухин на том не остановился. Вместе с физиком Игорем Курчатовым он 10 июля 1944 года направил Берии — как заместителю Председателя ГКО «строго секретную» записку о развитии работ по проблеме урана в СССР, к которой прилагали проект Постановления ГКО, где в последний пункт выглядел так:

«Организовать при Государственном комитете обороны Совет по урану для повседневного контроля и помощи в проведении работ по проблеме урана в составе:

тов. БериюЛ.П. (председатель),

тов. Первухин (зам. председателя),

тов. Курчатов И.В.».

Как видим, Молотов здесь уже прямо выводился «за скобки».

Более того, 29 сентября 1944 года Курчатов сам написал Берии письмо, заканчивавшееся небезынтересно:

«.Зная Вашу исключительно большую занятость, я все же ввиду исторического значения проблемы урана решился побеспокоить Вас и просить Вас дать указания о такой организации работ, которая соответствовала бы возможностям и значению нашего Великого Государства в мировой культуре».

Не совсем обычная аргументация, и, судя по ней, можно предполагать, что Курчатов, зная пока Берию лишь по рассказам, уже понимал, что имеет дело с человеком широких взглядов. И что к нему можно обращаться, привлекая к обоснованию значения проблемы не обязательно чисто утилитарные, прагматические соображения..

3 декабря 1944 года в кабинете Сталина совещания начались в 19.05, и до 20.50 людей там перебывало немало. Но с 20.50 у Сталина осталось трое: Берия, Маленков и Щербаков, первый секретарь Московского горкома партии.

Скорее всего, Сталин оставил их для того, чтобы спокойно обсудить вопросы, связанные с переводом в Москву Ленинградского филиала Лаборатории № 2 АН СССР и из Свердловска — лаборатории профессора Кикоина. Делалось всё это во исполнение принятого в тот день совершенно секретного Постановления ГОКО № 7069сс «О неотложных мерах по обеспечению развёртывания работ, проводимых Лабораторией № 2 Академии наук СССР».

Последний, десятый пункт Постановления гласил: «**Возложить на т. Берия Л.П. наблюдение за развитием работ по урану** ». Так Берия получил новое задание Сталина, которое одновременно было и заданием Большой Страны с кратким названием «СССР».

Однако в полную силу атомные работы тогда развёрнуты не были — надо было заканчивать войну, да и возможность создания оружия на основе цепной реакции деления оставалась вопросом всё ещё проблематичным, подкреплённым лишь расчётами не только в СССР, ной в США.

Постепенно всё прояснялось — 10 июля 1945 года нарком ГБ Меркулов направил Берии сообщение № 4305/м о подготовке испытания атомной бомбы в США с указанием предполагаемой «силы взрыва», эквивалентной пяти тысячам тонн ТНТ (тринитротолуола, тротила, тола. — *С.К.*)».

Реальное энерговыделение взрыва в Аламогордо составило

15.20 тысяч тонн тротилового эквивалента, но это были, так сказать, детали. Важно было то, что разведка вовремя предупредила Берию, а Берия — Сталина, собиравшегося на Потсдамскую конференцию, начало которой было намечено на 17 июля 1945 года. (За охрану советской делегации отвечал, к слову, опять же Берия.)

Поэтому Сталин так невозмутимо и встретил совместную провокацию Трумэна и Черчилля, когда американский президент сообщил Сталину об успешном испытании бомбы, а английский премьер наблюдал за реакцией советского премьера.

Окончательно же насущная необходимость форсирования советских работ «по урану» стала ясна после трагедии Хиросимы и Нагасаки, которая раскрыла главный секрет атомной бомбы — то, что она возможна.

20 АВГУСТА 1945 года было принято Постановление ГКО № 9887сс/оп «О Специальном комитете при ГОКО». Этим Постановлением создавался Специальный комитет с чрезвычайными полномочиями для решения любых проблем «Уранового проекта».

В его состав вошли: Л.П. Берия — председатель; Г.М. Маленков — секретарь ЦК КПСС; Н.А. Вознесенский — Председатель Госплана СССР; Б.Л. Ванников — нарком боеприпасов; А.П. Завенягин — заместитель наркома внутренних дел, начальник 9 Управления НКВД; И.В. Курчатов — заведующий лабораторией № 2 АН СССР, академик, научный руководитель проблемы; П.Л. Капица — академик, директор Института физических проблем АН СССР; М.А. Махнев — секретарь Специального комитета; М.Г. Первухин — нарком химической промышленности СССР.

Для «непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию внутриатомной энергии урана и производству атомных бомб» организовывалось Первое Главное Управление (ПГУ) при Совете Народных Комиссаров СССР, подчинённое Спецкомитету.

Начальником ПГУ стал Ванников, освобождавшийся от обязанностей наркома боеприпасов, а его заместителями: А.П. Завенягин (первый заместитель),

Н.А. Борисов (от Госплана СССР), П.Я. Мешик (обеспечение режима секретности), П.Я. Антропов (разведка и разработка залежей урановых руд) и А.Г. Касаткин (заместитель наркома химической промышленности).

Обращу особое внимание читателя на Н.А. Борисова. Это был

тот самый

Борисов из группы при члене ГКО Л.П. Берии, которая во время войны обеспечивала текущее руководство производством вооружения и боеприпасов. Теперь заместитель Госплана СССР Борисов фактически переходил в ПГУ. Берия умел ценить профессионалов, и коль уж он получил право брать в систему Спецкомитета любого, то выбирал не просто лучших, а тех из лучших, которые были проверены на деле им самим.

Руководство Первого главного управления было тоже из числа тех, кого Берия знал хорошо.

Будущий трижды Герой Социалистического Труда Борис Львович Ванников (1897–1962) — инженер-механик с большим опытом руководящей работы в промышленности руководил Наркоматом вооружения, а затем — Наркоматом боеприпасов.

Будущий дважды Герой Социалистического Труда Авраамий Петрович Завенягин (1901–1956) — инженер-металлург, хорошо знал металлургическую промышленность страны, ранее руководил проектированием и строительством крупнейших металлургических заводов, а с 1941 года, будучи заместителем министра внутренних дел СССР, руководил строительством горно-металлургических объектов этого министерства.

Будущий Герой Социалистического Труда Михаил Георгиевич Первухин (1904–1978) — инженер-электротехник с большим опытом организационной работы; руководил химической промышленностью, до этого был народным комиссаром электростанций и электропромышленности.

Пунктом VII протокола № 6 заседания Спецкомитета от 28 сентября 1945 года предусматривалась организация в составе Спецкомитета Бюро № 2 с подчинением непосредственно Берии. Функции этого Бюро были видны уже из того, кто его возглавлял — начальником Бюро стал заместитель начальника внешней разведки П.А. Судоплатов, а его заместителями Н.С. Сазыкин, Н.И. Эйтингон и Л.П. Василевский. Это были старые сотрудники Берии по НКВД СССР, и их привлечение было, конечно же, не случайным, дело им предстояло более чем серьёзное — «атомная разведка».

ИТАК, Берия собирал под свои новые знамёна и новых, и старых испытанных бойцов.

29 декабря 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР он был освобождён от обязанностей Наркома внутренних дел СССР. 10 января 1946 года бывший нарком и новый нарком Круглов подписали акт приёма-сдачи дел по наркомату, а 15 января 1946 года в газете «Известия» в разделе «Хроника» появилось несколько строчек:

«Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу заместителя Председателя СНК СССР т. Л.П. Берия об освобождении его от обязанностей Наркома внутренних дел СССР ввиду перегруженности его другой центральной работой. Народным комиссаром внутренних дел СССР назначен т. С.Н. Круглов».

О сути другой «центральной работы» ничего не сообщалось, да и не могло быть ничего сообщено.

В начале 1946 года окончательно определились основные направления работ, и тогда же были пересмотрены состав и структура Технического совета. Одной из причин стала позиция академика Капицы. В ноябре 1945 года он писал в письме Сталину:

«Я лично думаю, что тов. Берия справился бы со своей задачей, если отдал бы больше сил и времени. Он очень энергичен, прекрасно и быстро ориентируется, хорошо отличает второстепенное от главного, поэтому времени зря не тратит, у него, безусловно, есть вкус к научным вопросам, он их хорошо схватывает, точно формулирует свои решения.

…*Я* ему предлагал учить его физике, приезжать ко мне в институт.»

Подчеркну, что это — оценка Берии человеком, лично к Берии *не* доброжелательным. Причём в том же письме Капица даёт нам косвенное, но важное свидетельство того, что Берия не был мстительным, и Капица об этом знал. Иначе он не прибавил бы к письму следующий пост-постскриптум: *«P.P.S. Мне хотелось бы, чтобы тов. Берия познакомился с этим письмом, ведь это не донос, а полезная критика…»*

Сюжет «Берия — Капица» весьма интересен и поучителен, но останавливаться на нём *я* здесь не могу, отсылая заинтересованного читателя к своей «капитальной» книге и к моим комментариям к третьему тому дневников Л.П. Берии, или непосредственно — к документам. Скажу только, что капризы Капицы объективных оснований под собой не имели, а его совет Берии изучить опыт организации работ при прокладке подводного трансатлантического телеграфного кабеля выглядел просто смехотворно — с учётом того, что был адресован тому, кто только что вытянул на себе организацию военного тыла в великой войне, да и многое другое кроме военного тыла.

Председателем Научно-технического совета Спецкомитета был назначен научный руководитель атомной проблемы академик И.В. Курчатов. В состав Совета вошли академики А.И. Алиханов, А.А. Бочвар, В.Г. Хлопин, члены-корреспонденты Академии наук СССР Ю.Б. Харитон, И.К. Кикоин, А.П.

Александров, Л.А. Арцимович, а также М.Г. Первухин, министр судостроительной промышленности В.А. Малышев и другие.

При Научно-техническом совете было организовано 5 секций: по атомным котлам; по молекулярным методам разделения изотопов урана; по электромагнитным методам разделения изотопов урана; по химии и металлургии урана и плутония; по изучению биологического действия радиации, диагностике и лечению поражений радиоактивными веществами.

МАХИНУ предстояло сдвинуть огромную! Руководитель «атомных» работ в США генерал-майор Лесли Гровс в своих выступлениях в 1945 году хвалился:

«Любой другой стране понадобится 15–20 лет для того, чтобы создать атомную бомбу. Только те, кто работал на строительстве атомных заводов… знают, насколько это сложно и какая требуется почти неосуществимая точность. Только им также известен тот факт, что неправильная работа какой-нибудь небольшой детали выведет завод из строя на несколько месяцев»…

Консультант по русской экономике Военного министерства США Э. Раймонд и руководитель отдела технической информации фирмы «Келлекс Корпорейшн» Д.Ф. Хогертон размышляли на страницах американской печати:

«Сегодня советская промышленность занимает второе место в мире, но это не та промышленность. Русская промышленность занята, главным образом, производством тяжёлого грубого оборудования, вроде сталеплавильных печей и паровозов.

Отрасли советской промышленности, производящие точные приборы, мало развиты и выпускают продукцию низкого качества.

По производственной мощности ключевые для атомной проблемы отрасли промышленности в России отстают в среднем на 22 года от соответствующих отраслей промышленности в Соединённых Штатах».

Самое печальное было в том, что американские эксперты были не так уж и неправы — по состоянию дел на конец 1945 года. Тогда, например, в основных физических институтах страны работало немногим более 340 физиков, а вопросами ядерной физики занималось около 140 физиков, включая и только что начинавших работать в области физики молодых учёных. Эти физики работали в 6 научно-исследовательских институтах.

В области радиохимии на конец 1945 года в 4 институтах работало всего немногим более 100 человек. Такими малочисленными кадрами специалистов заниматься радиохимией урана нечего было и думать. Необходимо было создавать новые научные центры и собирать людей для решения новых вопросов.

В США, когда решалась Атомная проблема, были стянуты специалисты со всего мира. В работах участвовали целые коллективы физиков из других стран, причём эти физики привезли в США все результаты своих исследований.

5 декабря 1951 года председатель атомной комиссии США Г. Дин на заседании Американской артиллерийской ассоциации в Нью-Йорке сообщал, что непосредственно для программы по атомной энергии в США работают 1200 физиков. А нам для решения Атомной проблемы нужно было рассчитывать на собственные силы.

К концу 1945 года к работам по Атомной проблеме было привлечено свыше 50 научно-исследовательских организаций, а в конце 1946 года уже около 100 научно-исследовательских институтов и лабораторий, физических, химических, биологических, медицинских и инженерно-технических, вели интенсивные исследования по единому плану исследовательских работ.

По вопросам подготовки специалистов для атомных заводов и институтов правительством было принято за время с 1946 по 1951 год четыре больших решения. В результате к 1951 году специальные факультеты высших учебных заведений смогли подготовить свыше 2700 специалистов, в том числе — 1500 физиков разных специальностей.

Но пока начинался год 1946-й.

Сталинская мысль о том, что кадры решают всё, в принципе оставалась верной, но в Атомной проблеме центральной оказывалась всё же проблема сырья и в первую очередь — урановой руды.

США к началу работ в области атомной энергии имели значительные резервы урановой руды, потому что там задолго до начала Второй мировой войны существовала самая мощная в мире промышленность по добыче радия — три четверти мировой добычи радия приходилось на долю Соединённых Штатов. После начала атомных работ Америка тут же прибрала к рукам — не мытьём, так катаньем — и большинство мировых урановых месторождений.

В Советском Союзе к началу работ по Атомной проблеме имелось всего одно разведанное месторождение урановой руды в Фергане. Содержание урана в этой руде было в сотни раз ниже по сравнению с рудами, перерабатываемыми на заводах США. Иными словами, если США сразу были обеспечены урановым сырьем, то в Советском Союзе необходимо было начинать с поисков уранового сырья, с организации геологоразведочных работ по урану.

Сейчас часто говорят о якобы решающей роли советской «атомной» разведки в решении советской Атомной проблемы. Что ж, разведка действительно сделала немало, в чём, к слову, тоже немалая заслуга Берии, который хотя и не руководил с 1943 года внешней разведкой, много сделал для развития советской разведки тогда, когда он реформировал НКВД.

Но любые усилия агентурной разведки не могли дать сведений о том, есть ли в СССР крупные залежи урана и если есть, то — где?

Здесь требовалась геологоразведка, и уже в 1946 году поисками месторождений урана было занято в СССР около 320 геологических партий. К концу 1945 года геологи получили первые специальные приборы, но это было только начало — к середине 1952 года Министерство геологии СССР получило свыше 7000 радиометров и более 3000 других радиометрических приборов для геологоразведочных работ по урану и торию, а также — свыше 900 буровых станков, около 650 специальных насосов, 170 дизельных электростанций, 350 компрессоров, 300 нефтяных двигателей, 1650 автомашин, 200 тракторов и много другого оборудования.

Всё это приходилось в полуразрушенной стране отрывать от задач восстановления мирного народного хозяйства, но что делать — в США уже были разработаны планы атомных бомбардировок десятков крупных советских городов.

Вскоре число потенциальных целей увеличилось до трёхсот, а потом — и ещё более.

Приходилось спешить и спешить.

Но уран надо не только найти — его надо добыть и переработать — обогатить.

До 1945 года в СССР имелось всего одно горное предприятие, занимавшееся добычей урановой руды. Теперь положение менялось — горнорудные предприятия, переданные в ПГУ, получили 80 передвижных электростанций, 300 шахтных подъёмников, свыше 400 породопогрузочных машин, 320 электровозов, около 6 000 автомашин.

Для обогатительных фабрик было передано свыше 800 единиц химико-технологического оборудования.

Но ведь не в одном уране была суть дела. Получить из добытого природного сырья уран оружейной кондиции или хотя бы уран, пригодный для атомного реактора, нарабатывающего оружейный плутоний, было крайне сложной во всех отношениях задачей, в том числе — по энергетическим затратам.

Но были же ещё и десятки других только крупных проблем, не считая сотен мелких.

КАКОЙ была во всём этом массиве проблем роль Берии? Что ж, лучше документов на этот вопрос не ответит ничто иное.

Берём, например, книгу первую II тома документов и материалов «Советский Атомный проект» и изучаем всего три Протокола (№ 53, 54 и 55) заседаний Специального комитета при Совете Министров СССР от 28 января, 7 февраля и 27 февраля 1948 года.

Ниже будет дан перечень рассматриваемых на этих заседаниях вопросов с указанием тех, кто имел к ним отношение, но предварительно уведомляю читателя, что порядок фамилий ответственных каждый раз определялся не иерархией, а уровнем вовлечения и ответственности того или иного лица. Так, в Протоколе № № 56 по вопросу IV «О мероприятиях по изготовлению трубчатых фильтров» записаны ответственными «тт. *Берия*, Первухин», а по вопросу V «Об организации опытного производства коррозионно-устойчивых материалов для прокладок в аппаратуре комбината № 817 и завода № 813» — «тт. Первухин, *Берия*».

Итак (без разбивки по датам), все вопросы трёх *рядовых* заседаний Спецкомитета:

«О плане работ КБ-11 (тт. Харитон, Зернов, Махнев, Александров, Маленков, Вознесенский, Первухин, *Берия*).

О плане специальных работ на 1948 г. (тт. Борисов, Маленков, *Берия*, Первухин, Завенягин, Вознесенский, Круглов, Махнев, Черепенев)

О мероприятиях по обеспечению в 1948 г. работ по исследованию космических лучей (тт. *Берия*, Маленков, Вавилов, Первухин, Круглов, Борисов).

Об отселении из режимной зоны комбината № 817 (тт. Родионов, *Берия*).

Об изменении границ Учебного полигона № 2 МВС СССР (тт. Антонов, *Берия*, Первухин, Махнев).

О сроке разработки оперативного плана проведения исследований на Учебном полигоне № 2 МВС СССР (тт. *Берия*, Первухин).

О порядке финансирования спецстроительств МВД СССР (тт. Завенягин, *Берия*, Вознесенский, Круглов)

О мерах помощи Научно-исследовательскому вакуумному институту Министерства электропромышленности в выпуске опытных образцов высоковакуумного оборудования (тт. Борисов, Комаровский, Мещеряков, *Берия*).

О выделении иностранной валюты ИГУ на 1948 г. (тт. *Берия*. Вознесенский, Первухин). Записка т. Ванникова (тт. *Берия*, Вознесенский, Маленков).

О выделении заводу № 544 турбогенератора (тт. Жимерин, Клочков, Завенягин, Первухин, *Берия*).

Об организации в Минфине СССР управления по финансированию и контролю за расходованием специальных средств, редких и драгоценных металлов (тт. *Берия*, Вознесенский).

О мерах обеспечения кадрами комбината № 817 и завода № 813 (тт. Первухин, *Берия*, Ванников, Вознесенский, Пронин, Круглов, Мешик, Курчатов, Завенягин).

Об организации производства высокоогнеупорных изделий (тт. Вознесенский, *Берия*, Тевосян, Ванников, Митраков, Борисов).

О плане научно-исследовательских работ на установке «Мс» в 1948 г. (тт. Курчатов, *Берия*).

О ходе сооружения установки «М» (тт. Минц, *Берия*, Кабанов, Ванников, Махнев).

О разработке месторождений Б-9 (торий. — *С.К.*) на территории треста Якутзолото МВД СССР (тт. *Берия*, Маленков, Круглов, Мамулов, Мелик-Степанов, Ломако, Малышев, Ванников).

О мерах обеспечения охраны гидроксилина (тяжелая вода. — *С.К*) (тт. Первухин, *Берия*, Круглов).

Об использовании репатриантов и спецпереселенцев на строительстве объектов Первого главного управления (т. *Берия*).

О плане добычи П-9 (кодовое наименование урановой руды. — *С.К.*) в Польше (тт. *Берия*, Завенягин)

О результатах проверки анонимного письма о непорядках в Советском акционерном обществе «Висмут» (тт. Мешик, Вознесенский, Маленков, *Берия*).

Не исключаю, что читатель утомился, всего лишь пробегая глазами этот перечень, а Берии приходилось перечисленные вопросы (и множество других вопросов, здесь не перечисленных) *решать*. Причём в поле зрения Лаврентия Павловича находились практически *есе* вопросы, находящиеся в ведении Спецкомитета.

Так вправе мы или не вправе сказать сегодня, что создание атомной отрасли и решение Атомной проблемы — это итог комплексных усилий сотен тысяч наших соотечественников: учёных, инженеров, разведчиков, строителей, производственников, но личный вклад в этот коллективный успех Лаврентия Павловича Берии надо определить как наиболее выдающийся. Эта его работа имела для суверенного будущего Большой Страны не меньшее значение, чем его военная работа на Победу 1945 года.

Берия умел объединить работу многих в единое целое. И тем, что Советский Союз ликвидировал атомную монополию США так

быстро, мы обязаны его организаторскому и человеческому таланту. А ликвидация угрозы атомного диктата США была тогда действительно вопросом жизни и смерти России!

Уже в 1949 году, когда первая бомба была испытана, Сталин как-то сказал в узком кругу, что если бы мы запоздали со своей бомбой на год-полтора, то, наверное, «попробовали» бы её на себе.

Так оно и было бы.

О БЕРИИ, кураторе Атомной проблемы, надо бы написать — *исключительно по документам* — отдельную книгу. И одна эта тема, если раскрывать её так, как она того заслуживает, то есть полностью, во всех её аспектах, заняла бы, по моим оценкам, примерно 1000-страничный том. Поэтому множество «атомных» сюжетов, связанных с Лаврентием Павловичем, окажется за пределами этой книги. И чтобы суть «атомной» деятельности Берии и её значение для России была понятнее, я далее обращусь к свидетельствам ряда крупных «атомных» отечественных фигур, работавших в нашем ядерном оружейном комплексе в разное время.

Эти оценки невозможно оспорить никому и никак!

Начну, конечно, с академика АН СССР Юлия Борисовича Харитона — легендарного среди атомщиков «ЮБ», трижды Героя Социалистического Труда, на протяжении почти сорока лет — с 1946 года — Научного руководителя Саровского ядерного оружейного центра (КБ-11, п/я Г-4665, Всесоюзного НИИ экспериментальной физики).

Вначале — цитата из небольшой книги Ю.Б. Харитона и Ю.Н. Смирнова (тоже физика-оружейника) «О некоторых мифах вокруг советских атомного и водородного проектов». Цитирую по имеющейся у меня ксерокопии машинописного текста, этот текст подписан Юлием Борисовичем 4 января 1993 года и является наиболее аутентичным.

«Искажения исторической правды возникают, как мы знаем, не только вследствие субъективных оценок рассказчиков, чрезмерной секретности, ограничивающей доступ к информации, или просто по недоразумению. Почва для различных домыслов появляется и тогда, когда правда замалчивается из-за политических установок и соображений, как, например, в случае Л.П. Берии. Нет правды сегодня — значит, будут мифы завтра.

Известно, что вначале общее руководство советским атомным проектом осуществлял В.М. Молотов. Стиль его руководства и, соответственно, результаты не отличались особой эффективностью.

И.В. Курчатов не скрывал своей неудовлетворённости.

С переходом атомного проекта в руки Берии ситуация кардинально изменилась.

Берия придал всем работам по проекту необходимый размах и динамизм.»

Писал Харитон в 90-е годы и так:

«Этот человек. обладал. огромной энергией и работоспособностью. Наши специалисты, входя в соприкосновение с ним, не могли не отметить его ум, волю и целеустремлённость. Убедились, что он первоклассный организатор, умеющий доводить дело до конца. Может быть, покажется парадоксальным, но Берия, не стеснявшийся проявлять порой откровенное хамство (замечу, что для деликатнейшего Юлия Борисовича и просто бранное слово было уже «экстримом», что знают все, его знавшие. — *С.К.*), умел. быть вежливым, тактичным и просто нормальным человеком. Проводившиеся им совещания были деловыми, всегда результативными, и никогда не затягивались. Берия был быстр, не пренебрегал выездами на Объекты и личным знакомством с результатами работ. По впечатлению многих ветеранов атомной отрасли, если бы атомный проект страны оставался под руководством Молотова, трудно было бы рассчитывать на быстрый успех в проведении столь грандиозных по масштабам работ.»

А вот как в 1995 году в коллективной монографии «Создание первой советской ядерной бомбы» оценивал Берию академик Петросьянц, знавший его деловым образом со времён войны:

«.Будучи по природе своей очень умным человеком, с хорошей технической хваткой (в молодости окончил механико-строительное техническое училище, увлекался архитектурой), он стал в предвоенные и военные годы крупнейшим организатором военной техники. Курируя по поручению Сталина военные отрасли промышленности в годы войны, руководя соответствующими наркоматами, он сумел наладить выпуск многих тысяч танков, самоходных артустановок, многих миллионов боеприпасов, снарядов, обеспечивал в тылу бесперебойную работу металлургии — чёрной и цветной, и др.

Среди всех членов Политбюро. и других высших руководителей страны Берия оказался наиболее подготовленным в вопросах технической политики и техники. Всё это я знал не понаслышке, а по личным контактам с ним по многим техническим вопросам, касавшимся танкостроительной и ядерной тематики.

Он придал всем работам по ядерной проблеме необходимые размах, широту действий и динамизм. Он обладал огромной энергией и работоспособностью, был организатором, умеющим

доводить всякое начатое им дело до конца (предлагаю сравнить эту оценку с независимой оценкой Ю.Б. Харитона. — *С.К.*). Часто выезжал на объекты, знакомился с ходом и результатами работ, всегда оказывал необходимую помощь и в то же время резко и строго расправлялся с нерадивыми исполнителями, невзирая на чины и положение (пусть читатель не думает, что речь — о расстрелах, Берия просто снимал нерадивых. — *С.К.*). В процессе создания первой советской атомной бомбы его роль была в полном смысле слова неизмеримой.»

Чтобы понять весомость этого мнения, надо знать, кем был человек, его высказавший. Андраник Мелконович Петросьянц в 1933 году после окончания Уральского политехнического института начал рядовым инженером на Уральском заводе тяжёлого машиностроения им. С.Орджоникидзе и быстро вырос там до главного инженера. В 1939 году он был назначен членом коллегии и заместителем наркома тяжёлого машиностроения, а с 1940 года — первым заместителем наркома станкостроительной промышленности. С октября 1941 года — заместитель наркома танковой промышленности.

С 1943 года генерал-майор инженерно-танковой службы Петросьянц работал в ГКО СССР — по той же «танковой» линии. В конце 1946 года Берия взял его в Урановую проблему — заместителем начальника Первого Главного управления, и Петросьянц стал одной из крупных фигур в быстро формирующейся атомной технике, впоследствии — Героем Социалистического Труда, академиком АН СССР.

Академик РАН Борис Васильевич Литвинов, Герой Социалистического Труда, на протяжении многих лет — Главный конструктор уральского ядерного центра (НИИ-1011, Всесоюзного НИИ приборостроения, ныне ВНИИ технической физики) в «Челябинске-70» (Снежинске), пришёл в ядерную оружейную работу молодым специалистом в 1952 году и личных впечатлений от Берии не имел, хотя слышал о нём от старших товарищей немало. Уже в 90-е годы, после изучения делового стиля Берии, Литвинов написал:

«Любопытно, что из множества мнений и многочисленных технико-экономических решений Берия выбирал главные и направлял их Сталину. Часто многостраничные или даже многотомные материалы ужимались до одной страницы, а то и её половины. Только после этого они ложились на стол Верховному, принимавшему окончательные решения.»

Но не забудем — перед этим сам Берия все эти многостраничные или даже многотомные материалы внимательно, с карандашом в руках прочитывал! И не просто

передавал резюме Сталину, а предлагал решения, как правило, Сталиным одобряемые.

Академик Вениамин Алексеев — не физик, а историк, и, как нормальный маститый советский историк, в советское время прославлявший подвиги советского рабочего класса, в нынешние антисоветские времена он вписался вполне благополучно. Однако даже он, автор термина «мобилизационная экономика», познакомившись в середине 90-х годов с рассекреченными документами нашего Атомного проекта, оценил деятельность Берии как более творческую, нежели карательную.

А теперь — о стиле Берии с несколько необычного ракурса.

Недавно скончавшийся крупный физик-теоретик из Сарова («Арзамаса-16») Владислав Николаевич Мохов, лауреат Ленинской премии, работал в Саровском ядерном оружейном центре с 1955 года. Человек нестандартный, он мог высказать не только интересные физические, но и социальные идеи. И вот что он написал о своих первых годах работы в Сарове:

«.В нашем коллективе сложилась свободная обстановка труда и общения, необыкновенная. свобода обсуждений и обмена мнениями, которая совершенно сознательно поддерживалась руководством ВНИИЭФ. По-видимому, куратор работ по созданию ядерного оружия Л.П. Берия считал это допустимым и необходимым для создания творческой атмосферы. Мы могли часами обсуждать не только научно-технические проблемы, но и философские вопросы, связанные с ядерным оружием, включая чисто политические аспекты.»

Как видим, советский физик-оружейник прямо указывает на личность Берии как на источник творческой атмосферы в советской научной среде!

Выходит, именно от Берии шла деловая, но — взаимно доброжелательная атмосфера в отношениях между *дельными* работниками, между людьми *дела* , честно делающими это общее, одно на всех, дело?

ЗАСЛУЖИВАЕТ нашего внимания и стиль резолюций Берии на адресованных ему документах. Типичный пример. 19 июля 1948 года Завенягин, министр цветной металлургии Ломако, зампред Госплана СССР по тематике ПГУ Борисов, академик Алиханов и заместитель Ломако Фролов направляют Берии проект постановления Совета Министров СССР о плане работ по «продукту Б-9» (так в документах кодировался торий).

Резолюция Берии: *«1. Т. Тевосяну И.Т. (Лично). Прошу Вас рассмотреть этот проект и сообщить свое мнение. 2. Тт. Ванникову Б.Л., Курчатову И.В. Прошу сообщить Ваше мнение по*

предлагаемой программе работ по Б-9 на ближайшие годы. Л. Берия. 28 июля 1948 г.»

Среди тысяч виз и резолюций Берии на документах Атомного проекта нет *ни одной* «разгромной», унижающей тех, кому они адресованы, даже если они касались чьей-либо вины.

Ирина Быстрова, автор изданной в 2006 году капитальной (капитальной по объёму, но, увы, не по глубине анализа) академической монографии «Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930-1980-е годы)» отнюдь не благожелательна по отношению к Берии. Однако и она признаёт, что «даже в самых острых случаях. резолюции Берии оставались сдержанными и конструктивными».

Между прочим, Быстрова же пишет:

«.содержимое «Особых папок» Берии показывает, что стиль «бериевского руководства» был хотя и довольно жестким, но не столь запугивающим, *как это преподносится во многих воспоминаниях* (курсив мой. — *С.К.*). Угрозы, безусловно, могли иметь место в устном варианте, но письменные распоряжения выглядели гораздо более деловитыми и культурными».

Замечу, к слову, что угрозы «в устном варианте» не только «могли иметь место»! Они, причём — с широким использованием «непарламентских выражений», конечно же, имели место быть. И иначе быть не могло при том уровне психофизиологических нагрузок, которые постоянно испытывал Берия, и при той «расейской» неизбывной расхлябанности, которой на Руси хватало даже после 1945 года, после войны, научившей дисциплине и ответственности многих.

Другое дело, что эти, сорвавшиеся, что называется, сгоряча, с языка угрозы Берии никогда — *я* подчёркиваю, *никогда* — не имели ни в военное время, ни в Атомном проекте не то что «расстрельного», но даже «тюремного» развития, хотя Берия не раз приговаривал, что «турма» на разгильдяев у большевиков всегда найдётся.

Конечно, в случаях прямой преступной халатности и т. п. виновные несли наказание, но — не вследствие «угроз» Берии, а в силу наличия соответствующих статей Уголовного кодекса.

Вот ещё один пример. В июне 1947 года директор строящегося плутониевого комбината № 817 Е.П. Славский сообщает в обширной докладной записке на имя Берии возмутительные вещи:

«Темпы работ. крайне слабые., сложнейший объект. поручено строить автодорожно-строительному полку, в составе которого нет ни одного специалиста по строительству промсооружений.

По жилищному строительству полный провал. Рабочие очень

много времени сидят и никто не заставляет работать. Из 41 тысячи рабочих. на промышленных объектах работает всего 5700 человек, а остальные распылены на различных подсобных предприятиях и вспомогательных работах»,

И Т. д. и т. п.

Резолюция же Берии:

«Т. Круглову (министр внутренних дел СССР. — С.К.), т. Ванникову и тов. Завенягину.

1. Надо срочно укрепить руководство. Т. Рапопорта освободить по состоянию здоровья. Выдвинуть в качестве н-ка стр-ва Царевского.

2. Рассмотреть докладные записки т. Славского и т. Ткаченко (уполномоченный СМ СССР на комбинате № 817. — С.К.) и принять по ним меры. О принятых мерах доложить.

3. Т. Чернышева (зам. Круглова. — С.К.) командировать на 2–3 месяца для принятия на месте всех необходимых мер по обеспечению окончания строительно-монтажных работ в установл. Правительством сроки. 4. Срочно связаться с т. Хрулевым по вопросу оказания помощи стр-ву инженерно-тех. работами.

Л. Берия».

В истории Атомного проекта можно отыскать, впрочем, и более поразительные примеры.

Ноябрь 1949 года. С момента успешного взрыва первой советской атомной бомбы РДС-1 прошло два месяца. Производство хотя бы единичных новых атомных бомб — вопрос для СССР жизненной важности, а подписанный лично Берией протокол заседания Спецкомитета № 88а, констатирует:

«1. Отметить, что хранение деталей РДС-1 из аметила (кодовое наименование плутония. — *С.К.*) на комбинате № 817 поставлено неудовлетворительно. Детали РДС-1 были помещены в сырые подземные помещения, не обеспечивающие поверхность их от окисления».

Казалось бы, комментарии излишни — руководство комбината можно обвинить чуть ли не в государственном преступлении! Ведь плутоний в то время — главный фактор, который дороже любого золота!

Ну, и каковы «оргвыводы»?

А таковы:

«2. Указать начальнику комбината № 817 т. Музрукову и главному инженеру т. Славскому на недопустимость такого отношения к хранению изделий из аметила.

3. Заместителю начальника комбината № 817 по режиму т. Рыжову, ответственному за хранение аметила и давшему

неправильное распоряжение о закладке деталей РДС-1 в сырое помещение, объявить выговор.

4. Обязать начальника комбината № 817 т. Музрукова в 3-дневный срок наладить бесперебойную вентиляцию хранилища, обеспечить тщательную просушку его и оборудовать приборами для контроля влажности и температуры.

Т. Музрукову лично систематически проверять состояние хранилища.

5. Поручить. т. Мешику с выездом на место проверить исполнение настоящего решения».

ПОСЛЕДНЯЯ резолюция по комбинату № 817 относится, как было сказано, к периоду уже после первого испытания советской атомной бомбы РДС-1.

Кодовое обозначение «РДС» официально расшифровывалось как «Реактивный двигатель «С», при этом смысл буквы «С» сегодня точно не идентифицируется, несмотря на свидетельство Ю.Б. Харитона о том, что эту аббревиатуру придумал секретарь Специального Комитета Махнёв, и означала она якобы «Реактивный двигатель Сталина».

Что же до самих разработчиков ядерных зарядов серии «РДС», то они имели свою расшифровку: «Россия делает сама».

И это было сказано по сути.

Берия присутствовал на испытании 29 августа 1949 года на Семипалатинском испытательном полигоне, тогда известном в узком кругу как «Учебный полигон № 2». Он побывал в сборочном здании у 37-метровой стальной ферменной башни, на которую должны были поднять «изделие», затем отправился на командный пункт опыта.

Погода подводила — можно было ожидать всякого, вплоть до грозы. Как бы повторялась ситуация при первом американском взрыве в Аламогордо — там тоже с погодой не заладилось, и тоже неожиданно, вопреки прогнозу синоптиков. Генерал Лесли Гровс в своей знаменитой книге «Теперь об этом можно рассказать» писал: «Главная неприятность была связана с погодой. Тот вечер оказался дождливым и ветреным. Многие настаивали, чтобы испытание были отложено хотя бы на 24 часа».

Опасаясь капризов погоды, американцы вынуждены были отложить взрыв, у нас же вышло наоборот — Курчатов, опасаясь неожиданностей от ветра и дождя, решил перенести взрыв с 8.00 на 7.00.

В 6.33 29 августа 1949 года произвели вскрытие опломбированной двери в аппаратную и было включено питание системы автоматики. 1300 приборов и 9700 индикаторов находились в готовности зарегистрировать все явления взрыва.

Диспетчер опыта Мальский по трансляционной системе оповещения периодически нараспев объявлял время, оставшееся до взрыва.

В 6.48 был включен автомат поля — автомат поэтапного задействования устройств подрыва капсюлей атомного заряда.

В 6.50 автомат поля включил накал всех ламп в приборах, расставленных по радиусам опытного поля.

Накалялись, конечно, не только нити радиоламп — рос накал и внутри тех, кто был сейчас на КП.

За три минуты до времени «Ч» Берия, Курчатов, члены Специального комитета Первухин, Завенягин, Махнев, незанятые непосредственно финишными операциями руководители Саровского КБ-11, разработавшего РДС-1, подошли к открытой двери, приготовили тёмные защитные очки.

Через десятилетия, в «перестроечные» времена, известный физик И.Н. Головин, сотрудник курчатовской Лаборатории № 2, осчастливил публику рассказом о том, что когда был запущен автомат поля, Берия якобы сказал Курчатову что-то вроде: «А ничего у вас не выйдет».

Здесь налицо стремление представить Берию провокатором, но Ю.Б. Харитон по поводу этой сплетни, прямо опровергая Головина, написал: «.такого не было. Головин на этих работах не был, а слухи распространялись всякие.»

За 20 секунд до взрыва оператор по команде начальника подрыва включил главный рубильник, соединяющий «изделие» с системой автоматики, и ровно в 7.00 вся местность озарилась ослепительным светом. Приблизительно через 30 секунд к командному пункту подошла ударная волна.

Стало ясно, что опыт удался. Все бросились друг к другу, обнимались, поздравляли друг друга, кричали: «Она у нас есть!», «Мы сумели её сделать!»

Обнимался и Берия — все помнят, как он порывисто обнял Курчатова. Обнял он и Харитона, поцеловав его в лоб. А тот всё вырывался, стремясь закрыть дверь до прихода ударной волны.

Счастливы были все, но на КП первого испытания Лаврентий Павлович был единственным, кто знал, какое важное событие в истории России только что произошло. Ведь только он из всех, здесь собравшихся, имел всю информацию о планах ядерной агрессии США против России.

А при всём при том.

При всём при том Берия даже в такой Момент не утратил контроля над собой и сумел заметить нечто такое, чего не заметили остальные. Об этом поучительном эпизоде рассказал своему ученику Александру Веретенникову, впоследствии

крупному оружейнику, знаменитый Георгий Флёров, а Веретенников привёл его рассказ в своих воспоминаниях.

Нейтронный фон от «нейтронного запала» (НЗ) заряда регистрировался механическим счётчиком, установленным на командном пункте испытаний. Постоянство фона (иначе — количество щелчков счётчика с частотой 2–3 импульса в минуту) доказывало сохранность НЗ до момента взрыва.

Веретенников писал:

«Когда произошёл взрыв, никто уже не обращал внимания на счётчик, а Берия посмотрел на его показания и обнаружил, что последний раз он. зарегистрировал в обоих каналах сразу по 3–4 импульса. Немедленно он потребовал объяснений, что же случилось с НЗ? ГН (Флёров. — *С.К.*) ответил, что это, видимо, наводки на аппаратуру. И не ведал в тот момент никто из присутствующих, что здесь неожиданно произошла одна из первых регистраций электромагнитных явлений, сопровождающих ядерный взрыв».

Иными словами, Берия оказался единственным внимательным наблюдателем-экспериментатором, впервые в СССР зафиксировавшим явление электромагнитного импульса. И его наблюдение не пропало впустую — Флёров вопрос Берии запомнил, и когда возбуждение спало, задумался и понял — мы имеем дело с новым явлением.

Но когда же Берия успел уловить всплеск импульса? Это — явление мгновенное, а он не мог ожидать его заранее!

Как же надо владеть собой, чтобы в состоянии нервного ожидания фиксировать такие детали, как щелчки счётчика!

РЕАКЦИЯ Запада на советское испытание была разной.

Депутат лейбористской партии Блэкберн, известный своими резкими нападками на Советский Союз, 28 сентября 1949 года в интервью газете «Дейли Экспресс» сетовал:

«Западные эксперты считали, что Советский Союз не раньше 1953 года сумеет изготовить первую атомную бомбу. Теперь выяснилось, что Советский Союз технически опередил нас.»

Под «нас» имелась в виду, конечно, Англия, и основания для печали у Блэкберна были. Активные атомные работы начались в Англии раньше, чем в США — в 1940 году, английские специалисты принимали участие в американском Манхэттенском проекте, и в начале января 1947 года специальный правительственный комитет с кодовым наименованием «Джен-163» под председательством премьер-министра Клемента Эттли принял решение о курсе на обретение ядерного статуса. Однако лишь утром 3 октября 1952 года у островов Монте-Белло, неподалёку от северо-западных берегов Австралии, на борту

списанного фрегата, была взорвана первая английская атомная бомба.

То есть дело было не столько в «атомных» секретах, которые способна добыть разведка, сколько в общем экономическом и научно-техническом потенциале державы, начавшей атомные работы.

У Блэкберна хватило объективности высмеять предположения, что Советский Союз обязан своей бомбой информации разведки. Он признал:

«Прежде всего вопрос о производстве в значительном количестве атомной энергии не зависит от секретов, для этого необходимы организованные усилия учёных, техников и инженеров, и это открытие являлось скорее производственным, чем научным чудом».

Спорить с таким заявлением не приходится.

Политический обозреватель еженедельного итальянского журнала «Темпо» Роберто Канделупо иронически заметил:

«Американцам пришлось скоро признать, что в отношении атомной бомбы в СССР американский 1952 год (ожидаемый в США срок реализации советского Атомного проекта. — *С.К.*) наступил в 1949 году.

Россия дала потрясающее доказательство своей воли, своей способности к труду и умения сохранять тайну. Колоссальными были их научные усилия, колоссальной была их организационная работа, титаническая воля Сталина победила».

Всё написал итальянец верно, в том числе — относительно титанической воли Сталина и умения России сохранять тайну. Но вряд ли даже западные спецслужбы знали тогда, что слова «колоссальная организационная работа» следовало относить прежде всего к Лаврентию Берии, «разменявшему» в год нашего первого испытания полсотни лет.

Что же до Америки, то она испытала такой шок, подобные которому она испытала впоследствии ещё лишь три раза — осенью 1957 года после сообщения о запуске в СССР первого искусственного спутника Земли, весной 1961 года — после запуска Гагарина, и осенью 1962 года в период Карибского ракетного кризиса.

Член палаты представителей Конгресса США Ренкин предложил перевести столицу США из Вашингтона в небольшой городок Падьюка в штате Кентукки.

Сенатор Уайли направил министру обороны США Джексону письмо, где настаивал на переводе управлений Министерства обороны США из здания Пентагона и рассредоточении их по стране.

Это, конечно, были проявления политической паранойи, но помнить о них нам не мешает — как только Америка начинает чувствовать свою уязвимость, она тут же теряет всякую выдержку и сразу же поджимает хвост.

И что интересно и показательно — все четыре «вселенских» шока Америки были прямо связаны с деятельностью Лаврентия Берии — не только в Атомном советском проекте, но ив проекте Ракетном.

И далее я именно на последнем остановлюсь.

УЖЕ АРЕСТОВАННЫЙ и унижаемый, Берия в «письме из бункера» писал Маленкову 1 июля 1953 года:

«Особо должен отметить нашу совместную активную многолетнюю работу в Специальном Комитете при Совете Министров по созданию атомного оружия, а позже по системе «Комета» и «Беркут» — управляемых снарядов. <.>

По «Беркуту» испытания закончены удачно. Теперь все дело обеспечить производство в серии и соответствующими кадрами, и в этой области делается очень много соответствующими министерствами. Главное на основе «Кометы» и «Беркута» есть колоссальные возможности дальнейших улучшений в области управляемых снарядов как в смысле точности, так и по скорости и дальности. Специальный доклад готовится для правительства. Это оружие надо двигать вперед, это настоящее будущее, которым надо вооружить армию нашей Страны. США и Англия придают этому исключительное значение. Повторяю, все это достигнуто потому, что этого хотела Партия и Правительство, но хотел сказать, и тут мы совместно работали…»

Угу!

«И мы пахали.» — Берия, находясь в бедственном положении, напоминал

Маленкову об их «совместной активной многолетней работе» по руководству оборонными проектами, явно преувеличивая «заслуги» последнего.

Хотя формально возразить было нечего — Маленков действительно входил в официальное руководство и атомными, и ракетными работами. Однако не только атомщики, но и ракетчики знали Берию. И курирование Берией ракетных работ шло по трём направлениям:

— разработка крылатой ракеты «Комета»;

— разработка системы «Беркут» для ракетной обороны Москвы от воздушного налёта;

— разработка баллистических ракет дальнего действия.

Первые два момента известны сегодня лучше хотя бы потому, что проекты «Комета» и «Беркут» вёл сын Берии — Серго Берия.

Но то, что Лаврентий Берия много сделал и для развития советских работ по тем ракетам, которые позже стали называть «межконтинентальными баллистическими», известно гораздо хуже.

Поэтому я, достаточно кратко остановившись на «Комете» и «Беркуте», больше места отведу под третью, менее известную, «ракетную» «ипостась» Берии.

ПЕРВОЕ Постановление Совета Министров СССР № 3140-1028сс о начале разработки беспилотного авиационно-ракетного комплекса «Комета» с ядерным боевым оснащением было принято в сентябре 1947 года — ещё до того, как это самое оснащение было создано. Впрочем, предусматривалось оснащение комплекса и обычной боевой частью.

Разработкой комплекса «Комета» должно было заниматься — как головное — специальное конструкторское бюро КБ-1 под руководством П.Н. Куксенко и С.Л. Берии — сына Л.П. Берии. В качестве первого носителя использовался поршневой бомбардировщик Ту-4, а позднее — реактивный бомбардировщик Ту-16.

Павел Николаевич Куксенко (1896–1980) — советский учёный и конструктор в области радиотехники, был человеком талантливым, но и Серго Берия был в КБ-1 отнюдь не «свадебным генералом».

КБ-1 занималось не только (да, пожалуй, долгое время и не столько) системой «Комета», но и системой «Беркут», разговор о которой ещё будет. Поэтому отработана «Комета» была только к 1952 году, и в мае этого года Берия вместе с сыном Серго, который был техническим руководителем комплексных испытаний, руководил Государственными испытаниями «Кометы».

Испытания проходили в Крыму на Чёрном море на базе «атомного» 71-го полигона ВВС, который базировался в районе г. Керчи (посёлок Багерово). Крылатая ракета, похожая на самолёт со стреловидным крылом, прошила борт списанного крейсера «Красный Кавказ» и вышла с другого борта. Но этому успеху предшествовала длительная и опасная работа.

Специфика отработки «Кометы» — *беспилотного* в принципе летательного аппарата заключалась в том, что для отработки систем отцепки ракеты и её конструкции требовалось совершить много полётов в *пилотируемом* режиме.

Кабина лётчика в «самолёте»-малютке была при этом не то что тесной, а теснейшей — в «штатном» варианте лётчик ведь не требовался, и на риск подобного «пилотирования» могли пойти только «штучные» асы.

Основную лётную отработку беспилотного авиационно-ракетного ядерного комплекса «Комета» провёл Султан Амет-Хан (1920–1971), дважды Герой Советского Союза, крымский татарин, во время войны лично сбивший 30 самолётов и 15 в группе. Появление третьего лётчика — трижды Героя Советского Союза в мирное время вызвало бы слишком много толков, и только поэтому Амет-Хан третью Золотую Звезду за свои героические полёты не получил, в 1953 году ему в числе других разработчиков комплекса была присуждена Сталинская премия.

Султан стал верным другом Серго Берии. Обращаю внимание читателя: Амет-Хан был крымским татарином, однако это не помешало ему подружиться с сыном того, кто руководил выселением его соплеменников из Крыма. Одно это показывает, что крымские татары — именно как народ — очень провинились перед Родиной. И честный до последней капли крови Султан это понимал. Погиб он уже в 1971 году — при испытаниях нового двигателя на самолёте-лаборатории.

Двумя другими испытателями «Кометы» стали Сергей Николаевич Анохин (1910–1986) и Василий Георгиевич Павлов (1916 — не раньше 1998). За проявленные мужество и героизм при испытании системы «Комета» оба 3 февраля 1953 года были удостоены звания Героя Советского Союза. Втроём с Амет-Ханом они совершили 150 пилотируемых испытательных полётов на беспилотном летательном аппарате. Это был не только огромный риск, но и проявление высочайшего профессионального мастерства.

Однако «Комета» была системой ударной, а после войны для СССР наиболее жизненно важными оказывались оборонительные системы, и именно такой системой являлась система «Беркут», призванная исключить прорыв к Москве даже одного американского бомбардировщика — носителя ядерного оружия.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ Совета Министров СССР № 3389-1426сс/оп («особая папка») о начале работ по системе противовоздушной обороны (ПВО) Москвы «Беркут» было принято 9 августа 1950 года. Система была настолько засекречена, что о её разработке военное ведомство не осведомляли.

Эта система — «праматерь» всех последующих систем ПВО СССР, а «крёстным» её «отцом» был Лаврентий Берия.

Чтобы читателю были понятнее масштабы этой первой в СССР и, собственно, первой в мире комплексной системы ПВО, приведу её основной состав. В систему «Беркут» входили как составные части:

— радиолокационная станция дальнего обнаружения цели;

— радиолокационная станция наведения на цель;

— зенитная управляемая ракета (ЗУР) В-300 разработки КБ Лавочкина;

— истребитель-перехватчик, оснащённый ракетами «воздух — воздух».

А чтобы было понятнее напряжение работ, сообщу, что, по словам Главного конструктора, Героя Социалистического Труда Семёна Алексеевича Лавочкина, создателя знаменитых истребителей времён войны Ла-5 и Ла-7 и затем ряда реактивных истребителей, работать по «Беркуту» было так трудно, как не было трудно даже в годы войны.

Беспрецедентная спешка была вызвана тем, что Сталин и Берия имели достоверные сведения о реальной угрозе атомной войны Запада против СССР, которая началась бы, безусловно, с атомной бомбардировки Москвы.

Почему система ПВО Москвы получила наименование «Беркут», точно установить сегодня нельзя, однако ветераны КБ-1 сходятся на том, что оно образовано из начальных слогов фамилий Главных конструкторов системы — Берии и Куксенко. Ведь система «Беркут», как и «Комета», разрабатывалась в КБ-1.

Павел Куксенко и Серго Берия имели статус Главных конструкторов, единственным же заместителем Главного конструктора был назначен будущий академик и Герой Социалистического Труда А. А. Расплетин, создатель центрального радиолокатора наведения Б-200, обеспечившего одновременное сопровождение до 20 целей.

Радиолокаторы первых американских зенитных ракетных комплексов «Найк-Аякс» в отличие от многофункционального секторного локатора Расплетина могли сопровождать лишь одну цель.

Начальником же КБ, фактически — заведующим опытным производством Берия выбрал Героя Социалистического Труда Амо Сергеевича Гляна.

Во время войны генерал Глян руководил головным артиллерийским заводом по выпуску самых массовых полевых и танковых пушек среднего калибра (ко дню Победы было выпущено 100 тысяч орудий). Тогда Глян и вошел в сферу интересов Берии как опытный и умелый управленец.

Как и в «атомном» деле, Берия видел залог успеха «ракетных» дел в компетентных кадрах и поэтому перебросил Гляна, работавшего до этого в системе ПГУ, в систему нового Третьего ГУ. Забегая вперёд, сообщу, что после ареста Берии генерал Глян от него публично не отрёкся, хотя судьба Гляна изменилась после этого резко и худо.

Для «обеспечения разработки, проектирования и

изготовления средств, входящих в ко млеке ПВО системы «Беркут». 3 февраля 1951 года постановлением СМ СССР № 307-144сс/оп было образовано Третье главное управление при Совете Министров СССР.

Руководил Третьим ГУ тоже давний знакомец Берии-отца ещё со времён войны Василий Рябиков (1907–1974), бывший замнаркома, а позднее — первый зам министра вооружений.

ТГУ непосредственно подчинялось Специальному комитету Берии.

Надо сказать, что одно время кроме Специального комитета № 1 был образован и Специальный Комитет № 2 — по реактивной технике. С мая 1946 по май 1947 года во главе его стоял Маленков, с мая 1947-го по август 1949 года — Булганин (в августе 1949 г. СК № 2 упразднили). Но и здесь реальную руководящую организационную «лямку» то и дело тянул Берия.

Рябиков был управленцем опытным, однако в острых ситуациях Берия подключал к Рябикову ещё и начальника «атомного» ПГУ Ванникова.

Причём Ванников — по свидетельству одного из разработчиков системы «Беркут» Григория Кисунько (мы с ним ещё встретимся) — разговаривал порой очень жестко, например, так: «Я. собираюсь доложить ЛП, что все вы здесь забыли, что такое ответственность. Вы избаловались и думаете, что вам все позволено. Вам давали все, что вы просили. А теперь хватит, теперь вы давайте».

Однако, как признаёт даже ненавидящий, непонятно с чего, обоих Берия — и отца, и сына, Кисунько, обходилось «без поисков. козлов отпущения».

Замечу, к слову, что полуфамильярных, но проникнутых теплотой, неофициальных заглазных аббревиатур типа «ЛП» (от «Лаврентий Павлович») удостаивались в среде оружейников немногие, и только те, кого уважали неформально: «ЮБ» — Юлий Борисович Харигон, «АД» — Андрей Дмитриевич Сахаров, «СП» — Сергей Павлович Королёв и т. д.

Но это — к слову.

Итак, в разгаре были работы по Урановой проблеме, а Сталин подбрасывал Берии и ещё одну — ту, надо сказать, — работёнку.

В результате Лаврентий Павлович курировал одновременно:

— «атомное» Первое главное управление во главе с Б.Л. Ванниковым;

— «атомное» Второе главное управление во главе с П.Я. Антроповым, которое ведало вопросами добычи и переработки уранового сырья в концентрат, а также осуществляло производственно-техническое руководство добычей урана из

месторождений, разрабатываемых в Германии, Чехословакии, Болгарии и Польше, и контроль за геологоразведкой на уран и торий;

— «ракетное» Третье главное управление по управляемым ракетам и системам ПВО во главе сВ.Н. Рябиковым.

Но и это было не всё, что курировал Лаврентий Берия в оружейной сфере, — были ещё и дальние ракеты , но о них — позже.

В 1951 году в проекте «Беркут» начался этап изготовления опытных образцов.

В ноябре 1952 года прошёл первый пуск ЗУР В-300 по воздушной цели. 26 апреля 1953 года был сбит специально переработанный — дистанционно управляемый беспилотный — бомбардировщик Ту-4, использованный в качестве само лета-мишени. А в мае 1953 года был завершён первый этап программы пусков по реальным радиоуправляемым самолетам.

Вот две позднейшие оценки вклада Берии-старшего в эти достижения.

Генерал М.И. Науменко:

«Он неоднократно бывал на полигоне Капустин Яр (в Астраханской области. — *С.К.*), где, кстати, участвовал в испытаниях его сын Сергей. За время строительства, вплоть до 1953 года, пока Берия отвечал за осуществление проекта, ни одного сбоя не было с самого начала.».

Генерал-лейтенант, академик А.Г. Басистов (величина в советских работах уже по противоракетной обороне выдающаяся):

«В августе 1952 года я докладывал Лаврентию Берия о состоянии полигонного образца системы ПВО Москвы. Берия приехал к нам на объект. Разговаривал спокойно, уважительно. В тот приезд он решил для нас проблему питания. Работали мы по 18 часов, а поесть толком было негде. А после его визита сразу все появилось.»

Не думаю, что здесь требуются особые комментарии.

Прибавлю только, что можно привести немало сохранившихся для истории подобных примеров искренней заботы о быте тех людей, которыми руководил бывший член бакинской Чрезвычайной Комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих Лаврентий Берия.

А ТЕПЕРЬ вернёмся к воспоминаниям Григория Кисунько (1918–1998), ставшего уже после смерти Берии-старшего генерал-лейтенантом, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии, член-кором АН СССР, Генеральным конструктором системы ПРО Москвы А-35.

Во взглядах этого действительно крупного и заслуженного

оружейника самым причудливым образом соединилась искренняя любовь к той Советской Державе, которая так высоко подняла бывшего крестьянского сына Грицько Кисунько, и искренняя же кулацкая, «куркульская» ненависть к великой стране коллективистов, созданной под рукой Сталина и Берии, о которых Кисунько отзывается только негативно.

Что ж, тем ценнее свидетельства подобного свидетеля.

Вот как Кисунько описывает некое совещание у Берии, на которое Кисунько вызвали в конце февраля 1953 года с полигона «Капустин Яр».

За год до этого пути Кисунько и Берии уже пересекались, но — заочно. Тогда, в феврале 1952 года, пригласив Кисунько к себе в кабинет, главный инженер 8-го главка Министерства вооружений Сергей Николаевич Савин положил перед ним на стол папку с «телегой», начинавшейся так:

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС ГЕНЕРАЛИССИМУСУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!

Не могу больше молчать о, мягко говоря, вредительских действиях руководителей разработки системы «Беркут»: доктора технических наук Кисунько.»

И Т. д.

В левом верхнем углу имелась резолюция: *«Тт. Рябикову, Устинову, Гляну. Разобраться и доложить. Л. Берия»*.

Писать ответ министра вооружений СССР Дмитрия Устинова на эту «телегу» Савин предложил самому Кисунько, что тот и сделал.

Кончилось же всё ничем.

Причём Кисунько даже через много лет не понял, что Берия заслуживает его благодарности уже хотя бы за то, что адресовал донос для разбирательства исключительно техническому руководству, не подключая сюда ведомство министра ГБ Игнатьева.

А ведь отец Кисунько был расстрелян в 1938 году как раскулаченный в 1930 году.

Прошёл год, и теперь предстояло очное знакомство, но по какому точно поводу, Кисунько не знал. В Кремль его привёз на своём ЗИМе Куксенко.

В кабинете заместителя Председателя Совета Министров СССР Л.П. Берии собрались начальник ТГУ В.М. Рябиков, министр вооружений Д.Ф. Устинов, «локаторщик» профессор А.А. Расплетин, «радист» В.Д. Калмыков (будущий министр радиопромышленности СССР), заместитель Рябикова по научно-технической части академик А.Н. Щукин.

Присутствовал также помощник Берии Сергей Михайлович Владимирский (его вежливую улыбку при приглашении гостей в кабинет Берии Кисунько определил как «гримасу, входящую в трафарет любезности»).

В описании Кисунько облика Берии явно прослеживаются следы рассматривания Григорием Васильевичем фотографий Берии, опубликованных в «катастроечную» пору.

Но вот в то, что не лишённый щегольства (а уж позы — тем более, стихи писал, да ещё и с «чуйствами») Кисунько точно запомнил одежду Берии, я верю.

Вот как это описано Кисунько: «великолепный, с иголочки костюм из мягкой тёмной ткани, белоснежная рубашка с изысканно повязанным галстуком в вырезе однобортного пиджака».

Кисунько словно упрекает Берию за его стиль одежды, как будто было бы лучше, если бы заместитель Председателя Совета Министров великой державы явился на люди в заношенном пиджачишке с кургузыми брюками, рубашке с грязным воротником и сбившимся на бок «вечным» галстуком на резинке.

Несомненно, точно описание Григорием Васильевичем и огромного письменного стола Берии, «уставленного телефонными аппаратами».

Что ж, огромный рабочий стол — необходимое, хотя и недостаточное условие эффективной работы очень загруженного человека. За такими столами не *руководят*, а действительно *работают*, удобно раскладывая множество бумаг, чтобы все их держать в поле зрения и т. д.

Когда все устроились в креслах, Берия.

Впрочем, вначале признаюсь, что далее цитирую Кисунько с одним коррективом: те слова из уст Берии, которые Кисунько даёт с «кавказским» акцентом (думая, очевидно, что тем вызовет у читателя дополнительные негативные чувства), я привожу в обычной нормативной транскрипции — для удобства читателя.

Итак:

«.Сначала познакомимся с одним документом, — начал Берия, поднявшись с кресла (я крайне благодарен Кисунько за эту ценную деталь, ибо она доказывает, что Лаврентий Павлович был воспитанным человеком, а не начальственным хамом, который, развалившись в кресле, изрекает «глубокие» указания подчинённой «шушере». — *С.К.*) и взяв со стола папку. — *Я* его вам сейчас прочитаю:

«Дорогой Лаврентий Павлович! Докладываем Вам, что пуски зенитных ракет системы «Беркут» по реальным целям не могут быть начаты из-за того, что поставленные на полигон заводом

№ 92 антенны оказались некачественными. Завод отнесся к своей работе безответственно. а представитель КБ-1 Заксон самовольно разрешил отгрузку антенн с этими отступлениями. Просим Ваших указаний. Калмыков, Расплетин»

— Кто писал эту шифровку? — спросил Берия.

— Мы, Лаврентий Павлович, — поднявшись по-военному, ответили Калмыков и Расплетин. — Мы вдвоём.

— Как это вдвоём? Кто держал ручку?..»

Тут я цитирование временно прерву, чтобы заметить, что лично меня восхитили точность и «сочность» последнего вопроса Лаврентия Павловича! Он сразу, «на корню» отсекал возможность напускать туман, разводить турусы на колёсах и т. д., зато устанавливал атмосферу конкретности.

Засим продолжаю цитирование воспоминаний Кисунько:

«.Текст обсуждали вдвоём, а в блокнот вписывал я своей авторучкой, — пояснил Калмыков.

Я (Кисунько. — *С.К.*) понял, что зачитанная шифровка была неожиданностью не только для меня, но и для всех присутствующих.

Вот чем, оказывается, занимались авторы шифровки втайне от меня и Заксона на полигоне. Страшно работать с такими людьми.»

Здесь я опять вынужден прервать цитату. Кисунько выше выразился неточно! Для Расплетина и Калмыкова неожиданностью было лишь то, что Берия так вот прямо и сразу их пасквильную шифровку прочтёт при всём честном народе! Тоже, между прочим, не такой чтобы тривиальный приём — публично вскрывать организационные «гнойники» без уклончивой «терапии», а «хирургическим» методом.

Далее же события развивались так:

«.А теперь прочитаем ещё один документ, — продолжал Берия. — «Дорогой Лаврентий Павлович! Докладываем Вам, что антенны А-11 и А-12, изготовленные серийными заводами с отступлениями от ТУ (технических условий. — *С.К.*), зафиксированными военной приёмкой, согласно принятому нами решению отгружаются для монтажа на боевые объекты системы «Беркут». Рябиков, Устинов, Калмыков, Щукин, Куксенко, Расплетин, Кисунько».

— Какому документу прикажете верить? — спросил Берия. — На полигоне антенны негодные, а для боевых объектов такие же антенны оказываются годными? Объясните мне этот парадокс, товарищ Рябиков.

— Лаврентий Павлович, по-видимому, товарищи Калмыков и Расплетин погорячились, и, ни с кем не советуясь, поторопились с

шифровкой. Мы посоветовались с главными конструкторами и

считаем, что антенны годные, — ответил Рябиков.

— А может быть, они не погорячились, а на них в Москве надавили и заставили подписать этот другой документ об отгрузке антенн на объекты? А оттуда куда будем отгружать? На свалку?..»

Любой человек, когда-либо занимавшийся делом, а не болтовнёй, и принимавший участие в совещаниях, уже по тому, как Берия начал это совещание, поймёт, во-первых, насколько сильным управленцем тот был, а, во-вторых, и как к человеку отнесётся к нему с уважением.

Так разговаривать и «заворачивать» дело будет лишь человечески яркая и *доброкачественная* личность!

Берия ещё задал ряд конкретных уточняющих вопросов, выслушал ответы

Кисунько, Куксенко, а затем:

«… После паузы Берия подытожил:

— *Я* убедился, что дело здесь не простое. Надо разобраться специальной комиссии. Рябиков, Устинов, Глян, Куксенко.

— И Щукин, — добавил Рябиков.

— Хорошо. Результаты работы комиссии доложить мне шестого марта в понедельник».

И на этот раз всё для Кисунько кончилось «ничем».

Причину этого он видит, впрочем, не в объективности Берии, а в последовавшей почти сразу после совещания смерти Сталина. Однако эта смерть не нарушила обычного порядка работ ни в Первом, ни во Втором, ни в Третьем главном управлениях, да и порядок работы самого Берии изменила лишь на недолгое время, о чём свидетельствуют документы.

Так что и после 5 марта 1953 года Берия, если бы за Кисунько выявились действительные грехи, о нём не забыл бы. Да и аппарат у Лаврентия Павловича (не репрессивный, а управленческий) был не таков, чтобы упускать из виду серьёзные вопросы, особенно — кадровые.

На этом я с проектом «Беркут» расстаюсь, и далее речь у нас будет о Берии — «дальнем ракетчике».

РАБОТЫ по управляемым баллистическим ракетам (БР) в СССР велись давно, в частности этим занимался знаменитый будущий «Главный конструктор космонавтики» Сергей Павлович Королёв. Но всерьёз над БР у нас начали работать лишь после окончания войны, когда удалось в полной мере узнать, насколько здесь оторвались ото всех — не только от СССР, но и от США — немцы со своей фантастической по тем временам БР V-2 («Фау-2»).

Баллистическими такие ракеты называются потому, что, получив начальный импульс на активном участке полёта за счёт работы ракетного двигателя, дальше ракета — после окончания работы крайне «прожорливого» двигателя — летит по баллистической траектории, как летит камень, брошенный рукой мальчишки в простор небес.

Весной 1945 года советские специалисты обследовали германский ракетный научно-исследовательский центр в Пенемюнде, и 8 июня 1945 года нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин докладывал в ГКО Маленкову:

«.Институт в Пенемюнде представляет собой огромный комбинат, занимавшийся разработкой и испытанием ракетных снарядов.

Институт располагался на территории площадью около 80 кв. километров, имея более 150 зданий и сооружений общей площадью более 200 тысяч квадратных метров. Мощность сохранившейся электростанции института 30 тысяч киловатт. Число сотрудников в институте доходило до 7500 человек.»

Начались работы по демонтажу оборудования и вывозу его в СССР из Пенемюнде, с ракетного завода фирмы «Рейнметалл-Борзиг» в пригороде Берлина Мариенфельде и т. д. Вывозили и тех германских ракетчиков, которых не успели захватить американцы, хотя к последним уже инициативно ушли главный ракетчик рейха Вернер фон Браун, генерал Дорнбергер и многие другие.

В самой Германии одно время работал институт «Норденхаузен». Начальником института был гвардии генерал-майор артиллерии Л. Гайдуков, а главным инженером — С. Королёв, тот самый. В институте работали и советские специалисты, и немцы.

17 апреля 1946 года Сталину была направлена записка об организации научно-исследовательских и опытных работ в области ракетного вооружения в СССР. Записку подписали (в порядке очерёдности) Л. Берия, Г. Маленков, Н. Булганин, Д. Устинов и Н. Яковлев — начальник ГАУ, Главного Артиллерийского управления Красной Армии.

Заметим, что документ первым подписал Берия, и — отнюдь не в алфавитном порядке.

В этой, без преувеличений исторической, записке говорилось, в частности, что в Германии вопросами ракетного вооружения занимались 25 научно-исследовательских организаций и было разработано до 15 образцов ракетных снарядов, в том числе — ракета дальнего действия «Фау-2» с предельной дальностью 400 километров.

Заканчивалась записка словами: «Для обсуждения всех этих вопросов целесообразно было бы собрать у Вас специальное совещание».

29 апреля 1946 года такое совещание у Сталина состоялось в составе: И.В. Сталин, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Н.А. Булганин, М.В. Хруничев, Д.Ф. Устинов, Б.Л. Ванников, И.Г. Кабанов, М.Г. Первухин, Н.Н. Воронов, Н.Д. Яковлев, А.И. Соколов, Л.М. Гайдуков, В.М. Рябиков, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, Л.А. Говоров.

Совещание шло с 21.00 до 22.45, после чего у Сталина остались только Булганин и Маленков.

Как мы уже знаем, вскоре был образован Специальный комитет по реактивной технике при СМ СССР, возглавлявшийся вначале Маленковым, а затем, уже как Комитет № 2, - Булганиным.

Берии и без дальних ракет дела хватало, но 28 декабря 1946 года Уполномоченный Специального комитета по реактивной технике в Германии Н.Э. Носовский — через уезжавшего в Москву за новым назначением члена «ракетного» Спецкомитета генерал-полковника Н.А. Серова — направил Председателю Комитета Маленкову подробнейший многостраничный отчёт о структуре и работе ракетного института «Нордхаузен».

Иван Серов в бытность Берии наркомом внутренних дел был его заместителем и на сопроводительном письме к отчёту наложил резолюцию, адресуясь к одному из помощников Берии Ордынцеву: «Тов. Ордынцеву! Когда будет свободное время у Л.П. Берия, прошу кое-что из документов, а главное — фотографии, показать. 29.12.1946. Серов».

31 декабря 1946 года отчёт поступил в секретариат Берии, а уже оттуда — в ЦК ВКП(б) Маленкову.

Любопытно и показательно, что Серов предлагал Ордынцеву ознакомить Берию с важными, но прямо к Берии не относящимися документами тогда, когда у Берии будет *свободное* время.

Вообще-то с понятием «свободное время» связывают менее утомительные мероприятия, чем чтение объёмной и насыщенной по содержанию деловой бумаги. Но такое уж, оказывается, было у Лаврентия Берии «свободное» времяпрепровождение.

Это я всё к тому, что у многих по сей день сохраняется стойкое заблуждение о том, что «сластолюбец» Берия в свободное время увлекался исключительно гаремом из подхваченных в «чёрный воронок» юных москвичек, которых после «утех» растворяли то ли в серной, то ли в соляной, то ли вообще в какой-то хитроумной кислоте.

Но ничего подобного в реальности не было.

А что было?

Было то, о чём рассказано в этой книге — ежедневный многочасовой труд, результатом которого оказывались растущие мощь Советского Союза и благосостояние его народов.

Иван Серов хорошо знал реального, а не демонизированного клеветниками Берию, поэтому и выразился так, как выразился. Серов знал, что писал, потому что знал: в своё *рабочее* время Берия занят тем, что ему конкретно Сталиным поручено. А вот в *свободное* время он сможет отвлечься на изучение и тех проблем, которые объективно важны для государства, но в сферу *рабочих* интересов Берии в данный момент не входят.

Тем более, что — чем чёрт не шутит! Сегодня дальние ракеты для Берии — необязательный «факультатив», а завтра, смотришь, — уже прямое поручение товарища Сталина.

Отчёт из «Нордхаузена» Берия, конечно, прочёл, но кураторство работ по дальним ракетам было тогда поручено другому, а у Берии был хлопот полон рот с атомными работами.

Впрочем, как мы увидим из дальнейшего, и работы по дальним ракетам без Лаврентия Берии не обошлись.

10 МАЯ 1947 года в Специальном комитете реактивной техники при СМ СССР — в соответствии с особо важным Постановлением СМ СССР № 1454-388 «Вопросы реактивной техники» — произошла «смена караула».

Первым пунктом Постановления Специальный комитет реактивной техники переименовывался в Комитет № 2, но суть заключалась во втором пункте (всего их было пять), гласившем:

«Назначить заместителя Председателя Совета Министров СССР т. Булганина Н.А. председателем Комитета № 2 при Совете Министров СССР, удовлетворив просьбу т. Маленкова Г.М. об освобождении его от этой обязанности».

В особых комментариях эта руководящая «чехарда», пожалуй, не нуждается — и так ясно, что Маленков провалился.

Но кое-что прояснить всё же надо. Замена Маленкова Булганиным никак не была связана с так называемым «авиационным делом», когда Маленкова вывели из Секретариата ЦК ВКП(б) вследствие того, что Маленков, как было сказано в Постановлении Политбюро ЦК, «морально отвечает за те безобразия», которые были вскрыты в Министерстве авиационной промышленности СССР и ВВС. (Выяснилось, что во время войны НКАП наркома Шахурина выпускал, а ВВС маршала авиации Новикова принимал недоброкачественные самолёты.)

Повторяю: отход Маленкова от руководства «ракетной» тематикой не был связан с «авиационным» делом. Постановление

Политбюро по «авиационному» делу, снимавшее (ненадолго, впрочем) Маленкова, было принято 4 мая 1946 года, а быть председателем Спецкомитета по реактивной технике № 2 он перестал только через год.

Был главным «ракетчиком» Маленков — стал главным «ракетчиком» Булганин. А ракеты всё так же не летали, или летали плохо.

Почему?

Ни Маленков, ни Булганин не были бездарными управленцами — в классической «команде» Сталина неумёх и бездарей не было, даже Хрущёв при Сталине на протяжении многих лет из общей упряжки не выбивался.

И Маленков, и Булганин много и толково поработали и до войны, и во время войны, и после войны. Но вот со Спецкомитетом № 2 ни у того, ни у того не заладилось.

Почему?

Маленков был загружен работой в ЦК, Булганин — в Совмине, но ведь и Берия — председатель просто Спецкомитета тоже имел обширные обязанности по Совмину СССР, как и Булганин. Но у Берии всё ладилось и в Спецкомитете, и с «Кометой», и с «Беркутом».

Почему?

Не потому ли, что ни у Маленкова, ни у Булганина, как — к рубежу 40 — **X**-50-**X** годов — и у других членов сталинской команды, не было ни того вкуса к новому, который был у Берии, ни того вкуса к людям, который был у Берии?

Практически все послевоенные оборонные проблемы отличались небывалой до этого новизной: атомное оружие, реактивная авиация, ракетная техника различных классов во главе с дальними ракетами, многофункциональная радиолокация, новая электроника, цифровые электронные вычислительные машины, новые, нередко экзотические, ранее не производившиеся материалы.

Даже испытанные «сталинские зубры» терялись, а Берия — нет!

Почему?

Ну, во-первых, потому, что был талантливее — имел быструю и точную реакцию, сразу ухватывал суть, широко мыслил.

Во-вторых, был крайне работоспособен и свободное от порученного дела время использовал тоже для работы.

И наконец, Берия умел не только подобрать людей, вместе с ним делающих то, что было поручено Родиной и Сталиным, но и умел не мелочиться, доверяя им.

На этот счёт есть, например, свидетельство человека, к Берии

отнюдь не расположенного — известного ракетчика Бориса Чертока. В своём капитальном труде «Ракеты и люди» он сообщает, что Дмитрий Устинов, возглавив возникающую ракетную отрасль, к 1949 году понял всю «несуразность» структуры ведущего НИИ отрасли — НИИ-88, однако на реорганизацию не отважился, поскольку над ним стоял аппарат Оборонного отдела ЦК ВКП(б) во главе с Иваном Сербиным, имевшим прозвище «Иван Грозный».

Без санкции Сербина были невозможны никакие изменения, поощрения и т. п., причём Черток вспоминает, что не раз имел возможность лично убедиться: министры этого аппаратчика побаивались и никогда не рисковали спорить с ним.

А вот в «атомном» проекте и в проекте «Беркут» всё было, по словам Чертока, принципиально иначе, и он даже с некой грустью сообщает, что там, где руководил Берия, все кадровые, например, решения принимал Ванников, согласовывая их с Курчатовым и представляя на утверждение Берии.

Конечно, Черток тут перебрал — ключевые кадровые решения Берия принимал сам, начиная с привлечения в атомные работы того же Ванникова и поддержки Курчатова и заканчивая назначениями директоров предприятий, как это было, например, с директором «плутониевого» комбината № 817, которого Берия «высватал» с «Уралмаша».

Но показательно, что, по оценке Чертока, аппарат «Спецкомитета № 1» был «небольшим». На Секретариат «атомного» Спецкомитета ложилось много обязанностей, включая подготовку проектов Постановлений СМ СССР, включая и Постановления о назначениях, которые Берия давал на подпись Сталину. И этот коллектив ближайших помощников Берии действительно был небольшим. А работал эффективно.

Почему?

Да потому, что стилем Берии было доверие — к тем, кто его заслуживал.

Собственно, так же руководил и сам Сталин.

И ещё одна черта стиля Берии была крайне плодотворной — в том числе и потому, что не так уж она у руководителей и распространена, а подчинёнными ценится… *Я* имею в виду явный вкус Берии к коллективному мышлению, его умение привлекать к выработке решений всех, кто мог полезно высказаться по существу вопроса. «Каждый солдат должен знать свой манёвр» — это всё же более эффектная фраза, чем деловой принцип. Но вот каждый офицер, а уж тем более — генерал, свой манёвр должны знать и понимать крепко.

У Берии так и было, и анализ его деловых резолюций говорит

о нём многое. Как правило, в резолюциях Берии есть слова: *«Тт. таким-то. Прошу обсудить .»*, *«Прошу сообщить Ваше мнение.»*, и т. п.

Как известно, ум — хорошо, а два — лучше. Но, изучая то, как руководил Берия, убеждаешься, что он принимал к исполнению эту истину в усовершенствованном варианте: «Ум — хорошо, а ***двадцать*** — лучше». При этом сказанное ни в коем случае не означает, что Берия «размазывал» свою личную ответственность за решение на многих. Окончательное решение — если это было решение, требующее уровня Берии, — принимал Берия, за спины подчинённых не прячась. И перед Сталиным он всегда отвечал сам.

Собственно, так же руководил и Сталин, с той лишь разницей, что Сталин за свои решения отвечал уже не перед кем-то лично, а непосредственно — перед народом и историей.

ШЛИ годы.

К началу 1949 года в Урановой проблеме — у Берии — наметился близкий успех, а с созданием ракетной техники — у Булганина — дела шли значительно хуже. 8 января 1949 года Начальник головного ракетного НИИ-88 Лев Гонор и парторг ЦК ВКП(б) при НИИ-88 Иван Уткин обратились прямо к Сталину с особо важной докладной запиской, где сообщали, что «работы по созданию реактивного вооружения проводятся медленно» и «Постановление правительства от 14 апреля 1948 года за № 1175-440сс находится под угрозой срыва.»

«Нам кажется, — писали Гонор и Уткин, — что это происходит вследствие недооценки важности работ по реактивному вооружению со стороны ряда министерств.»

А далее следовало нечто такое, что я выделю особо:

«Вопрос о. работе основных смежников… неоднократно был предметом обсуждения Комитетом № 2 при Совете Министров СССР., однако все попытки резко улучшить их работу, а главное — поднять у руководителей ведомств и основных предприятий чувство ответственности за качество и сроки работ не дали желаемых результатов».

Надеюсь, читатель уже понял, почему я выделил именно это место. Ведь в СССР тогда вёл работы и Спецкомитет Берии, и возможные меры репрессивного (если уж ставить вопрос так!) воздействия на нерадивых у Председателя Спецкомитета № 1 Берии были не *бо* льшими, чем у руководства Спецкомитета № 2. А результаты различались принципиально.

То есть есть руководство, и есть руководство.

Закончили Гонор и Уткин свою записку просьбой к Сталину: «Для коренного улучшения дел по изготовлению ракет просим

Вашего личного вмешательства».

Дела, однако, шли по-прежнему ни шатко, ни валко, и к концу августа 1949 года Комитет № 2 при СМ СССР был ликвидирован и ответственность за разработку дальних ракет особо важным Постановлением СМ СССР № 3656–1520 от 28 августа 1949 года возложили на Министерство вооружённых сил СССР. Приказом Министра Вооружённых сил СССР маршала Василевского № 00140 от 30 августа 1949 года было положено начало формированию Управления по реактивному вооружению МВС СССР.

Ничего путного из этого, конечно, не получилось. И это можно было понять, между прочим, уже из анализа приказа Василевского — там было много слов, но мало дельных мыслей и конкретных идей.

Сегодня никто не сможет сказать точно — была ли связана ликвидация Комитета № 2 с тем, что Атомный проект под руководством Берии добился первого исторического успеха — атомная бомба РДС-1 взорвалась? Во всяком случае, я не исключаю, что Сталин сразу хотел нагрузить Берию ещё и дальними ракетами — коль уж в атомных работах наметился обнадёживающий просвет. Однако не исключено, что тут заартачились военные и решили, что они — «сами с усами».

ТАК ОНО было или не так, но разрабатывать новую технику и воевать — занятия разные, и особых успехов у Управления по реактивному вооружению МВС СССР замечено не было.

А тут подоспел проект «Беркут», для реализации которого 3 февраля 1951 года Постановлением СМ СССР № 307-144сс/оп было образовано, как мы уже знаем, Третье главное управление, замыкавшееся на Л.П. Берию.

Итог был ожидаемым — 4 августа 1951 года Сталин подписал Постановление СМ СССР № 2837–1349 с грифом «Совершенно секретно. Особой важности», начинавшееся так:

«Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Ввиду того, что разработка ракет дальнего действия Р-1, Р-2, Р-3 и организация серийного производства ракеты Р-1 родственны с работами по «Беркуту» и «Комете», возложить наблюдение за работой министерств и ведомств по созданию указанных ракет на заместителя Председателя Совета Министров СССР товарища Берия Л.П.»

Нужны комментарии?

Думаю — нет!

Положение с разработкой дальних ракет в СССР — а это становилось всё более жизненной задачей, сразу стало выправляться. Уже 10 декабря 1951 года была принята на

вооружение ракета дальнего действия Р-1 с дальностью полёта 270 километров с боевой частью, содержащей 750 кг взрывчатого вещества с рассеянием по дальности ±8 км, боковым ±4 км.

Это было только начало — не очень пока удачное, но ведь ещё летом 1951 года предшественники Берии никак не могли наладить серийное производство Р-1 на Днепропетровском автомобильном заводе (будущем знаменитом «Южмаше»).

Стали готовиться инженерные кадры для возникающей ракетной промышленности, улучшаться быт ракетчиков — всё по давно отработанной Берией и его соратниками схеме.

ВЕРНЁМСЯ в весенние дни 1946 года, когда 14 и 29 апреля в кремлёвском кабинете Сталина прошло два совещания на «ракетную» тему, а 13 мая 1946 года вышло Постановление СМ СССР № 1017-419сс «О вопросах реактивного вооружения».

Как читателю уже известно, тогда был образован Специальный комитет по реактивной технике под председательством Г.М. Маленкова.

В состав Спецкомитета Маленкова вошли: министр вооружения СССР Д.Ф. Устинов и министр промышленности средств связи СССР И.Г. Зубович (заместители председателя), начальник Главного Артиллерийского управления Министерства вооруженных Сил СССР Н.Д. Яковлев, заместитель Председателя Госплана СССР П.П. Кирпичников, член Совета по радиолокации при СМ СССР академик А.И. Берг, министр сельскохозяйственного машиностроения («мирное» название прикрывало оборонный профиль) П.Н. Горемыкин, заместитель Главноначальствующего советской военной администрации в Германии (с декабря 1946 г. — заместитель министра внутренних дел СССР) И.А. Серов, начальник 1-го ГУ министерства вооружения СССР Н.Э. Носовский.

Выделю здесь Петра Ивановича Кирпичникова (1903–1980), заместителя Председателя Госплана СССР и начальника Управления оборонной промышленности Госплана СССР. Его ещё в начале войны заметил Берия, и во время войны Кирпичников, как и другой выдвиженец Берии из числа сотрудников Госплана — Николай Андреевич Борисов, работали в группе при члене ГКО Берии.

Были кроме Кирпичникова в Спецкомитете Маленкова и другие люди, давно и прочно связанные с Берией деловым образом — тот же Иван Серов, да и Дмитрий Устинов.

Сам же Берия в «ракетный» Спецкомитет не входил, но вот оценка П.И. Качура, автора статьи «Ракетная техника СССР: послевоенный период до 1948 г.» в № 6 журнала Российской академии наук «Энергия» за 2007 год. В РАН Сталина, Берию —

как и вообще советский строй, любят не очень-то, но тем дороже то, что опубликовал академический журнал о герое этой книги:

«Фактически ракетостроением руководил Л.П. Берия. Г.М. Маленков не занимался организационными и производственными вопросами и был формальным председателем комитета»…

Упоминавшийся мной Б.Е. Черток тоже подтверждает, что Маленков, как и сменивший его вскоре Булганин, «особой роли в становлении, отрасли не играли. Их высокая роль сводилась к просмотру или подписанию проектов постановлений, которые готовил аппарат комитета».

Всё повторялось, как в случае с «авиатором» Маленковым и «танкистом» Молотовым во время войны. Они председательствовали, а Берия тянул воз, хотя и не сразу это было оформлено официально.

Причём роль Берии в становлении советской «ракетной» отрасли науки и техники была тем более значительной, что у ракетчиков, кроме Берии, в высшем руководстве страны был вначале лишь один влиятельный сторонник — сам Сталин.

Авиационные конструкторы, исключая Лавочкина, к ракетной технике относились, мягко говоря, сдержанно. Как, впрочем, на первых порах и к реактивной авиации. По свидетельству того же Б.Е. Чертока, Александр Сергеевич Яковлев «недружелюбно относился к. работам по БИ (ракетный перехватчик Березняка и Исаева с жидкостным ракетным двигателем Душкина. — *С.К.*) и к работам А.М. Люльки по первому отечественному варианту турбореактивного двигателя», и даже опубликовал в «Правде» нашумевшую статью, где характеризовал немецкие работы в области реактивной авиации как *агонию* инженерной мысли фашистов.

Не жаловали новый вид оружия (которому, правда, ещё лишь предстояло стать оружием) и генералы. В 1948 году на совещании у Сталина маршал артиллерии Яковлев резко высказался против принятия ракетной техники на вооружение, мотивируя отказ сложностью и низкой надёжностью ракет, а также тем, что те же задачи решаются авиацией.

Сергей Королёв столь же резко выступал тогда «за», но в 1948 году маршал Яковлев и «полковник» Королёв были величинами очень уж различающихся калибров.

Зато Берия ракеты поддержал сразу. Собственно, тот факт, что ракетные дела изначально стал курировать нарком вооружений Устинов (которого в какой-то мере можно считать «человеком Берии»), а не нарком авиационной промышленности Шахурин (которого в какой-то мере можно считать «человеком Маленкова»), сразу обнаруживает влияние Берии. Именно с

Устиновым у него во время войны установились рабочие контакты, и назначение Устинова в «ракетчики» вряд ли могло произойти помимо Лаврентия Павловича.

Но тщетно мы будем искать имя Берии на страницах истории советских ракетных работ.

Что ж, хорошо, что хоть нынешняя «атомная» наша история «сатрапом» и «палачом» не погнушалась.

ПОСЛЕ того как Берия стал официально назначенным Куратором и Ракетной проблемы, наше ракетостроение начало прочно становиться на ноги и развитие работ по дальним ракетам происходило всё возрастающими темпами.

13 февраля 1953 года было принято Постановление СМ СССР № 442-212сс/оп «О плане опытно-конструкторских работ по ракетам дальнего действия на 1953–1955 гг.» с обширной программой.

Так, к октябрю 1953 года на зачётные испытания должна была быть представлена баллистическая ракета Р-5 с прицельной дальностью полёта 1200 км при максимальном отклонении от цели на наибольшей прицельной дальности: по дальности ±6 км, боковым ±5 км.

Это уже был успех, а к августу 1955 года должны были быть готовы ракеты Р-12 с дальностью 1500 км при тех же максимальных отклонениях от цели, что и для Р-5.

«РАКЕТЧИК» Берия мог бы сделать ещё больше, причём — не только для мощных ракет военного назначения. Скажем, с 1949 года, когда началась программа пусков первых советских геофизических ракет типа В-2А, в СССР стали готовить первые запуски собак в верхние слои атмосферы. Этим занимались, в частности, профессор В.И. Чернов и доктор медицинских наук В.И. Яковлев.

Сергей Павлович Королёв ещё зимой 1948 года выдал первое задание на проектирование кабины для пилота, размещаемой на высотной ракете. Королёв умел мечтать деловым образом, умел смотреть далеко вперёд..

Но это же умел делать и Лаврентий Берия.

Увы, 1953 год оказался для России чёрным — в марте был убит Сталин, а через несколько месяцев — и герой этой книги.

Но кое-что Берия, когда ещё входил в руководство страны, успел и после смерти Сталина. 16 марта 1953 года было принято — по инициативе Берии, конечно, — Постановление Совета Министров СССР № 697-355сс/оп «О руководстве специальными работами».

Все работы — «атомные», по «Беркуту» и «Комете», по ракетам дальнего действия возлагались на единый Специальный

комитет под председательством

Берии при первом заместителе Ванникове.

Однако Хрущёв, устранивший Сталина, уже задумывал свой новый заговор — против Берии.

Я УЖЕ говорил, что наиболее полно документирована «атомная» деятельность Берии и многие документы ныне опубликованы в многотомной серии «Атомный проект СССР. Документы и материалы», изданной под общей редакцией Л.Д. Рябева Минатомом РФ — Федеральным агентством по атомной энергии.

В книге 5-й тома II этого издания приведена черновая версия сборника по истории овладения атомной энергией в СССР.

И это — факт небезынтересный!

В США в 1945 году была открыто издана книга Г.Д. Смита «Атомная энергия для военных целей. Официальный отчёт о разработке атомной бомбы под наблюдением правительства США».

В 1946 году книгу перевели и издали в СССР.

Берии же принадлежала идея написания русского аналога отчёта Смита. По указанию Лаврентия Павловича и под его редакцией секретариат Специального комитета при участии специалистов атомной отрасли подготавливал в 1952–1953 годах к открытой публикации сборник «История овладения атомной энергией в СССР».

В разделе «Успех советской науки не является случайным», где говорилось о работе русских и советских учёных, были и такие строки:

«В 1922 году Вернадский предсказывал: «.Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не может сравняться всё им раньше пережитое. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет.

Это может случиться в ближайшие годы, может случиться через столетие. Но ясно, что это должно быть.

Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить её на добро, а не на самоуничтожение?

Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?

Учёные не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса. Они должны чувствовать себя ответственными за последствия их открытий. Они должны связать свою работу с лучшей организацией всего человечества…»

Обширное (в очерке по истории наших атомных работ цитата имеет объём в два с лишним раза больший, чем здесь) цитирование мыслей великого русского и советского учёного было предпринято в тексте, который готовился к широкой публикации и имел *официальный* характер.

Фактически сборник «История овладения атомной энергией в СССР» должен был стать отчётом правительства СССР перед народами СССР — приходило время, когда люди должны были узнать, что они недоедали, долго носили ватники, тесно жили после войны не в последнюю очередь потому, что средства шли на обеспечение мирного будущего России.

Должен был советский народ узнать и то, какой величественный подвиг и в какие краткие сроки он совершил, создав не только атомную бомбу, но и новую мощную отрасль экономики — атомную.

Показательно для характеристики российско-советской цивилизации то, что цитированные выше мысли Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) высказал за 33 года до манифеста Рассела — Эйнштейна, где содержался призыв к учёным мира «помнить о своих обязанностях перед человечеством.»

Но показательно для характеристики российско-советской цивилизации и то, что один из руководителей СССР — Лаврентий Павлович Берия включал в официальный правительственный сборник именно эти мысли Вернадского.

А это значило, что, в отличие от лидеров Запада, лидеры СССР были проникнуты *естественным* для них стремлением к миру, *естественным* для них чувством ответственности за мирное, свободное и развитое будущее мира.

Недаром именно в СССР Сталина родился великий лозунг: «Миру — мир!»

В проекте сборника «История овладения атомной энергией в СССР» были и такие слова:

«Атомная бомба в руках советского народа — это гарантия мира.

Премьер-министр Индии Неру правильно оценил значение советской атомной бомбы, заявив: «Значение атомного открытия может способствовать предотвращению войны».

Подчеркну ещё раз: выше приводимый текст — это изложение советского официального взгляда на проблему ядерных вооружений.

Вот как смотрели на эту проблему Сталин, Берия и вообще всё советское руководство.

На Западе атомная бомба США официально и открыто (!)

рассматривалась как средство диктата, как оружие для вполне возможного ядерного удара по СССР. Руководство же Советского Союза, в том числе и Л.П. Берия, сразу рассматривало советское ядерное оружие как фактор стабилизации и сдерживания потенциальной агрессии.

И это — исторический факт!

Негодяи пытаются представить Сталина, Берию некими моральными уродами, бездушными манипуляторами судьбами сотен миллионов людей. А Сталин, Берия и их соратники жили и работали для мира и созидания.

Им были органически чужды разрушение, смерть, война — в отличие от нынешнего Запада и США, которые всё более не могут жить, не убивая, не разрушая, не подавляя волю и свободу народов.

Закончу же я свой рассказ об «атомно-ракетной» победе Лаврентия Берии для России вот как.

В «атомном» «Арзамасе-16»-Сарове и сегодня живёт 88-летняя Людмила Дмитриевна Павлова-Головина (в девичестве — Катаева). В Саров она приехала в 1947 году молодым врачом-кардиологом, многие годы лечила всю «Саровскую» «верхушку» Атомного проекта: академиков Харитона, Щёлкина, Зельдовича, Сахарова и других. Лечила она и директора «Объекта», дважды Героя Социалистического Труда, генерал-лейтенанта инженерной службы Бориса Глебовича Музрукова.

Музруков (читатель с ним уже знаком) — фигура историческая, легендарная. Первую Звезду он получил как директор военного «Уралмаша», а одним из первых дважды Героев стал в 1949 году как директор Плутониевого комбината № 817. Ив обеих своих должностях он часто имел дело с Берией, во время войны — по телефону, после войны — зачастую и «живьём».

Людмила Дмитриевна была другом семьи Бориса Глебовича, хорошо знала и его, и его жену. И вот уже в семидесятые годы врача Головину вызвали к Музрукову, почувствовавшему себя плохо. В итоге Людмиле Дмитриевне пришлось выводить его из состояния клинической смерти.

Когда всё благополучно закончилось, и за жизнь Бориса Глебовича можно было не бояться, она решилась задать Музрукову давно мучивший её вопрос: «Борис Глебович, чего уж тут таить в такой момент, скажите, пожалуйста, как вы относитесь к Сталину и Берии?»

Музруков со Сталиным никогда не встречался, но стиль Сталина знал и по личным впечатлениям — директор «Уралмаша», выпускавшего танки, в поле зрения Сталина

попадал. Что же до Берии, то, как уже сказано, Музрукову приходилось много взаимодействовать с ним ещё во время войны, а после неё именно Берия привлёк Музрукова к «атомным делам».

И вот в момент, который был, безусловно, «моментом истины», вновь вернувшись с *того* света на *этот*, Музруков ответил так: «Людмила Дмитриевна, никого не слушайте, не верьте никому. Запомните: тем, что мы сейчас с вами разговариваем, что мы живём и что живёт страна, мы обязаны прежде всего двум людям — Сталину и Берии».

Так человек, который сам много сделал вначале для того, чтобы день 9 мая 1945 года стал для России днём Победы, а позднее сделал не меньше для того, чтобы обеспечить России прочный мир, оценил вклад в историю России двух великих её сынов, потрудившихся в середине XX века для России больше, чем кто-либо другой.

Впрочем, совершить так много Сталин и Берия смогли только потому, что не отделяли своей судьбы ни от судьбы России, ни от судьбы и будущего её народов.

Глава 6. 1945–1953. Нам нет преград: новая мощь экономики

МОЁ ПОВЕСТВОВАНИЕ о наиболее крупных победах и заслугах Берии перед Россией разворачивается во времени *последовательно*: Закавказье, НКВД, война, Урановая и Ракетная проблемы.

Однако начиная с работы первым секретарём Закавказского крайкома ВКП(б) и первым секретарём КП(б) Грузии Берии пришлось осваивать ремесло управленца-«многостаночника», который решает самые разнородные проблемы не последовательно, а параллельно, то есть — *одновременно*!

После перевода в Москву необходимость параллельного решения разных, нередко очень далеко друг от друга отстоящих, проблем для Берии лишь возросла и сопровождала его уже до последнего дня его государственной деятельности.

Есть занятный документ — «Выписка из протокола № 81 заседания Политбюро ЦК ВКП (б) о распределении рабочего времени Л.П. Берия».

Вот его полный текст:

«15 марта 1951 г.

Строго секретно

Решение от 15 марта 1951 года.

1. Вопросы Совета Министров СССР.

<…>

4. Тов. Берия обязать половину своего рабочего времени отдавать делу № 1, 2 и 3.

Секретарь ЦК».

Как это расшифровывалось?

А вот как.

«Секретарь ЦК» — это Сталин.

«Дело № 1» — это обязанности члена Политбюро ЦК ВКП(б) и заместителя Председателя Совета Министров СССР «тов. Берия» по «атомному» Специальному комитету и Первому Главному управлению при СМ СССР во главе с Б.Л. Ванниковым, то есть — по тому ПГУ, которое руководило бурно развивающейся атомной отраслью — НИИ, КБ, заводами, фабриками, строительными организациями.

«Дело № 2» — это обязанности члена Политбюро ЦК ВКП(б) и заместителя Председателя Совета Министров СССР «тов. Берия» по Второму главному управлению при СМ СССР во главе с П.Я. Антроповым, то есть — по тому ВГУ, которое в 1949 году

выделилось из ПГУ и отвечало за геологическую разведку, добычу, переработку и металлургию урана.

«Дело № 3» — это обязанности члена Политбюро ЦК ВКП(б) и заместителя Председателя Совета Министров СССР «тов. Берия» по Третьему Главному управлению при СМ СССР во главе с В.М. Рябиковым, то есть — по тому ТГУ, которое образовалось в феврале 1951 года и отвечало за работы по системе ПВО Москвы «Беркут».

Обо всех этих «делах № 1, 2 и 3» читатель уже достаточно осведомлён.

Но, как следовало из Постановления Политбюро, эти дела официально должны были занимать лишь *половину* рабочего времени Берии.

В скобках замечу, что объективной загрузки даже по курированию любого из трёх этих дел вполне хватило бы на весь, причём — ненормированный, рабочий день.

А дел было три.

И все три касались вопросов стратегической обороны.

И Сталин обязывал Берию отдавать этим делам лишь половину своего рабочего времени.

Чему же обязан был Лаврентий Берия отдавать *вторую половину* своих сил, энергии и рабочих суток (слова «рабочий день» здесь будут вряд ли уместны)?

Напомню, что с 4 августа 1951 года за «товарищем Берия Л.П.» Сталин закрепит и ещё одно оборонное дело — так сказать, «дело № 4», то есть — наблюдение за работой министерств и ведомств, занятых работами по дальним ракетам.

Однако пока на календаре — лишь март 1951 года, и половину своего рабочего времени Берия должен отдавать пока чему-то другому.

Чему?

Ответ мы находим в документах, и ответ этот кратко можно сформулировать так: восстановлению и развитию народного хозяйства.

То есть «полёт» Берии в историю совершался — как и положено нормальному полёту — на двух крыльях.

Одно «крыло» — военное, оборонное.

Другое «крыло» — мирное.

МАЙСКИМИ короткими ночами 1945 года, отгремев, закончились бои.

8 мая 1945 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Калинин подписал Указ об объявлении 9 мая «днём всенародного торжества — ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ».

9 мая объявлялось нерабочим днём.

Советские танки, не доехав до Ла-Манша, тем не менее доехали до Берлина. Однако летом 1945 года многие танковые соединения железно дорожными эшелонами стали перебрасывать на восток — уже в августе им предстоял переход через Большой Хинган с выходом на оперативный простор в Маньчжурии.

2 сентября 1945 года в 10 часов 30 минут утра по токийскому времени, когда в Москве стояла ночь, на борту вошедшего в Токийский залив американского крейсера «Миссури» был подписан акт о капитуляции Японии, и 2-го же сентября Калинин подписал ещё один Указ — в ознаменование победы над Японией установить, что 3 сентября «является днём всенародного торжества — ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над Японией».

3 сентября тоже объявлялось нерабочим днём, о чём сегодня вряд ли помнят даже многие профессиональные историки.

Два «красных» дня календаря позднее украл у советского народа Хрущёв, но один день — великое 9 мая Брежнев народу всё же возвратил. О втором «красном» победном дне так и забыли, а зря.

Впрочем, в 40-е годы во главе СССР стоял Сталин, оба дня были выходными, но особо отдыхать ни Сталину, ни сталинской «команде», ни всему советскому народу не приходилось — пол страны лежало в развалинах.

Последние слова давно стали трафаретом и ду ши, особенно — молодые, трогают не очень или вообще оставляют равнодушными. Поэтому обратимся к языку цифр — он иногда впечатляет больше, чем самые горячие «глаголы».

Итак, за годы войны СССР потерял около 30 % своего национального богатства. Было полностью уничтожено или разграблено около 32 000 промышленных предприятий, и среди них — Днепрогэс, «Запорожсталь», «Криворожсталь», «Азовсталь», Харьковский и Сталинградский тракторные заводы, украинский «Уралмаш» — Ново-Краматорский машиностроительный завод, Новороссийский цементный завод.

Было полностью или частично уничтожено или разграблено 98 000 колхозов, 1876 совхозов, 2890 машинно-тракторных станций (МТС), 216 700 магазинов, столовых, ресторанов, 4100 железно дорожных станций, 36 000 предприятий связи, 6000 больниц, 33 000 поликлиник, диспансеров и амбулаторий, 976 санаториев, 656 домов отдыха, 82 000 школ, 1520 техникумов, 334 вуза, 427 музеев, 43 000 библиотек, 167 театров.

Только прямой урон, нанесённый экономике и населению, составил в ценах 1941 года 679 миллиардов рублей при годовом народном доходе в 1938 году в 105 миллиардов рублей.

Плюс расходы на войну и потери доходов в результате

оккупации — ещё 1890 миллиардов рублей.

Ни умом, ни сердцем всё это сегодня не охватывается, не осознаётся! Четыре года назад жила счастливая, бурно развивающаяся страна, преодолевшая жестокие бури и кризисы.

А теперь — груды обгорелых кирпичей и искорёженное железо.

И всё это надо было восстанавливать.

Чем?

Как?

В 1945 году только по стройматериалам процент производства к 1940 году составлял по цементу — 29,6 %; по стеклу оконному — 45,1 %, по кирпичу -18,6 %, по извести — 33,1 %.

О промышленности же строительных машин и оборудования приходилось вообще говорить в прошлом — пока — времени.

СРАЗУ после окончания войны с Японией — 6 сентября 1945 года Политбюро приняло Постановление об образовании двух Оперативных бюро Совета Народных Комиссаров СССР.

Первое Оперативное бюро — Государственного Комитета Обороны было образовано 8 декабря 1942 года в составе: Молотов, Берия, Маленков, Микоян, и оно руководило деятельностью ключевых для экономики наркоматов. Образованное тогда же Бюро Совнаркома СССР в составе: Молотов, Микоян, Андреев, Вознесенский, Шверник имело хотя и важнейшие, но менее масштабные задачи.

Теперь же вместо Оперативного бюро ГКО и Бюро СНК общее руководство экономикой возлагалось на два Оперативных бюро СНК, но суть и распределение обязанностей остались примерно теми же — одно Бюро было ключевым, второе — менее, так сказать, ключевым.

В Постановлении СНК от 6 сентября 1945 года первым шло Оперативное бюро во главе с Молотовым (Вознесенский — заместитель, члены: Микоян, Андреев, Булганин и Шверник).

Бюро Молотова ведало вопросами работы сельскохозяйственных и пищевых наркоматов, наркоматов торговли и финансов, а также Комитетов и Управлений при СНК СССР.

Скажем, в ведении бюро Молотова были наркоматы юстиции, здравоохранения, морского и речного флота, Главные управления Гражданского Воздушного Флота и Трудовых Резервов, Северного морского пути, Комитеты по делам физкультуры, архитектуры, кинематографии и т. п.

Были записаны за бюро Молотова также наркомат обороны и наркомат ВМФ, но было ясно, что они были записаны за

Молотовым просто «для солидности» — эти два наркомата всегда контролировал лично Сталин.

Второе же Оперативное бюро возглавил Берия (Маленков — заместитель, члены: Вознесенский, Микоян, Каганович и Косыгин), и это Бюро ведало «вопросами работы промышленных наркоматов и железнодорожного транспорта».

За бюро Берии были записаны следующие наркоматы: чёрной металлургии, цветной металлургии, тяжёлой промышленности, угольной промышленности, нефтяной промышленности, химической промышленности, резиновой промышленности, электростанций, электропромышленности, среднего машиностроения, станкостроения, путей сообщения, авиационной промышленности, танковой промышленности, боеприпасов, вооружения, миномётного вооружения, судостроительной промышленности, лесной промышленности, бумажной промышленности, текстильной промышленности, лёгкой промышленности, строительства, строительных материалов.

Кроме этого — Главные управления военного строительства, топливной промышленности, угольного и нефтяного снабжения, Глав кислород, Главснаблес, Главлесохрана и Комитет по делам Геологии.

Иными словами, **за бюро Берии были записаны все те ведущие отрасли, которым и предстояло в первую голову восстановить страну и обеспечить её нарастающее развитие, следствием которого должно было стать и всё возрастающее народное благосостояние.**

Причём именно Берия уже со времён войны лучше, чем кто-либо из Политбюро (кроме, естественно, Сталина), был знаком с большинством наркоматов из предложенного ему Сталиным «джентльменского набора».

А у Берии ещё и «атомный» Спецкомитет был, в состав которого тогда ещё входил академик Капица, рекомендовавший Берии при организации «атомных» работ использовать зарубежный опыт прокладки трансатлантического кабеля.

Дела-а-а.

ГОВОРЯТ: назвался груздем — полезай в кузов. Берия ни груздем, ни рыжиком не назывался — его и без этого Сталин не забывал.

18 марта 1946 года Берия стал, наконец, полноправным членом Политбюро — Пленум ЦК ввёл его в состав высшего партийного руководства одновременно с Маленковым. А 19 марта 1946 года Совет Народных Комиссаров СССР был преобразован в Совет Министров СССР, где Сталин занял посты Председателя СМ СССР и Министра Вооружённых Сил СССР.

Теперь у Сталина было восемь заместителей по Совмину, в списке которых первым шёл, как и всегда, Молотов, но вторым — не по алфавиту — Берия.

Впрочем, уже назавтра — 20 марта 1946 года стало ясно, кто из двух первых замов генерал скорее «свадебный», а кто — действительно боевой.

20 марта 1946 года вместо двух прежних Оперативных бюро Совнаркома СССР было образовано «бюро Совета Министров СССР в составе заместителей Председателя Совета Министров», и председателем этого единого Бюро был утверждён Л.П. Берия, а его заместителями — Н.А. Вознесенский и А.Н. Косыгин.

По распределению обязанностей между заместителями Председателя Совета Министров Постановлением Совмина СССР № 674 от 28 марта 1946 года за Берией были закреплены министерства путей сообщения, чёрной металлургии, цветной металлургии, угольной промышленности западных районов СССР, угольной промышленности восточных районов СССР, нефтяной промышленности западных и южных районов СССР, нефтяной промышленности восточных районов СССР, транспортного машиностроения, строительства предприятий топливной промышленности, внутренних дел, государственной безопасности и государственного контроля, а также Главгазтоппром.

Итого — дюжина важнейших министерств для Лаврентия Берии! Столько же было закреплено лишь за Алексеем Косыгиным, но тот был «чистым» хозяйственником, а Берия — кроме прочего, ещё и крупнейшей политической фигурой, не считая забот по Урановой проблеме.

Даже у мнящего себя непревзойдённым управленцем Николая Вознесенского было одиннадцать позиций.

У Ворошилова было, правда, семнадцать позиций, но лишь пять «министерских», включая Министерство кинематографии, а также Комитеты по делам мер и измерительных приборов, по делам искусств, Совет по делам русской православной церкви и т. д.

Андреев курировал сельское хозяйство, Микоян в основном — «пищевой» «блок».

Каганович вёл два крупных министерства и Комитет по делам архитектуры.

За Молотовым «числились» Министерство юстиции, Комитет по делам высшей школы, Комитет по радиофикации и радиовещанию и ТАСС.

Сталин контролировал Министерство вооружения и как министр — Министерство Вооружённых Сил.

ВОЗМОЖНО, читатель, знакомясь с перечнем закреплённых

за Берией 28 марта 1946 года министерств, обратил внимание на факт существования в то время в СССР не одного министерства угольной промышленности, а двух: угольной промышленности западных районов СССР и угольной промышленности восточных районов СССР.

С этой, не очень долговечной, реорганизацией связан один любопытный и характерный эпизод, рассказанный в своих воспоминаниях «атомным» академиком Харитоном, которому, в свою очередь, рассказал о нём генерал А.С. Александров.

Анатолий Сергеевич Александров работал с Берией со времён войны по линии ГКО, с 1947 года был заместителем начальника ПГУ, ас 1951 по 1955 год руководил Саровским КБ-11, разрабатывавшим атомные бомбы.

Так вот, в марте 1946 года при реформировании Совнаркома в Совмин было принято решение — скорее всего, самим Сталиным, разделить бывший Наркомат угольной промышленности СССР на два министерства — угольной промышленности западных районов и угольной промышленности восточных районов.

Первое должен был возглавить прежний «общий» министр В.В. Вахрушев, второе — Д.Г. Оника. Делить их должен был Берия — как куратор отрасли.

Берия, вызвав Вахрушева и Онику к себе, предложил им разделить всё, включая кадры и социальную сферу, полюбовно.

По истечении назначенного срока он вызвал свежеиспечённых министров вновь и спросил: нет ли взаимных претензий?

Вахрушев сказал, что нет (вообще-то у него было, конечно, больше возможностей при разделе), а Оника запротестовал — мол, Вахрушев себе и кадры лучшие забрал, и санатории, и прочее.

Решение Берии было мгновенным и системно точным: раз так, пусть Вахрушев берёт себе министерство, предназначенное Онике, а Оника — «вахрушевское».

Это решение можно приводить как образцовый пример во всех учебниках по управлению, ибо логика Берии была несокрушима:

а) если Оника возводил на Вахрушева напраслину, и раздел был честным, то в обиде никто не остаётся;

б) если Вахрушев слукавил, то теперь будет за это расплачиваться;

в) если же Оника капризничал, то теперь он даже заикнуться не посмеет о том, что у него были плохие «стартовые» условия».

Была тут и дополнительная польза: случай, безусловно, стал

известен в управленческих кругах Москвы, и попутно всем остальным был преподан предметный урок насчёт того, что с Берией выгоднее быть честным, чем нечестным!

СИСТЕМА бюро Совмина ещё не раз претерпевала реорганизации. Так, 8 февраля 1947 года было принято Постановление Политбюро о новой организации работы СМ СССР. Были образованы восемь отраслевых бюро во главе с Л.П. Берией, Н.А. Вознесенским, К.Е. Ворошиловым, Л.М. Кагановичем, А.Н. Косыгиным, Е.М. Маленковым, А.И. Микояном и М.З. Сабуровым.

Вначале Сталин предполагал иметь шесть бюро (по сельскому хозяйству, промышленности, топливу, транспорту, внутренней торговле и культуре), но сама жизнь заставляла иметь более дробное управление экономикой.

При этом Сталин вначале колебался, кому отдать бюро по промышленности — Вознесенскому или Берии, кому бюро по топливу — Берии или Маленкову и кому бюро по сельскому хозяйству — Андрееву, Вознесенскому или Маленкову.

В итоге Е.М. Маленков возглавил бюро по сельскому хозяйству, Н.А. Вознесенский — по металлургии и химии, Л.П. Берия — по топливу и электростанциям.

Кроме того, как на заместителя Председателя Совета Министров, на Берию возлагалось наблюдение за Министерством внутренних дел СССР, а также за вопросами строительства многоэтажных зданий в Москве, о чём у нас будет отдельный разговор позднее.

(В скобках замечу, что наблюдение за Министерством госбезопасности шло отдельно, по линии Политбюро и вёл его секретарь ЦК А.А. Кузнецов.)

Впрочем, уже 27 февраля 1947 года — через три недели — бюро Берии (по топливу и электростанциям) объединили с бюро Кагановича (по транспорту и связи) в одно бюро по топливу и транспорту под председательством неизменного сталинского «Фигаро» — Лаврентия Берии.

Но при любой структуре управления послевоенной экономикой СССР обязанности Берии в Совете Министров СССР были первостепенными. Это хорошо видно и из того, какие послевоенные проекты, осуществляемые, например, только Министерством внутренних дел СССР, шли через Берию.

Остановлюсь немного и на этом, поскольку ранее эту тему не затрагивал.

ТОТ, кто думает, что ряд крупных послевоенных мирных проектов СССР, к которым имело отношение МВД СССР, осуществлялся исключительно «рабским» трудом и в «нечеловеческих» условиях, заблуждается.

Вот, например, такой крупнейший проект, как строительство канала «Волга-Дон». «Страшную» его статистику дам строго по «демократическому» сборнику документов «Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953», изданному в 2005 году в Москве Международным фондом «Демократия» (Фондом Александра Н. Яковлева):

«По состоянию на 1 января 1950 г. на Волгодонстрое работали 15 397 вольнонаемных и 37 247 заключённых, а также: 80 экскаваторов,

150 скреперов с тракторами «С-80», 56 бульдозеров, 10 земснарядов,

960 грузовых машин (из них 50 самосвалов), 7 буксирных пароходов,

22 баржи, 19 катеров, 67 тракторов «С-80» и 410 металлорежущих станков…»

Итак, кайло Беломорканала ушло в прошлое.

2 ноября 1950 года МВД СССР в докладе Сталину сообщало, что всего на строительстве Волго-Донского водного пути трудятся 68 500 человек, из них заключённых — 53 800 человек. При этом количество техники на строительстве самого канала, Цимлянского гидроузла и оросительных сооружений постоянно возрастало, и основная часть работ велась не под «Дубинушку», а за рычагами машин, что хорошо видно из нормативных уровней механизации работ, которые были установлены на Волгодонстрое: земляные работы — 97 %; приготовление и транспортировка бетона — 100 %; укладка бетона — 98 %; добыча бутового камня

— 100 %; добыча камня и дробление его в щебень — 100 %; добыча гравия и песка

— 100 %; забивка свай и монтаж металлоконструкций — 99 %; строительство жилых и промышленных зданий — 90 %; крепление откосов и дна канала железобетонными плитами — 50 %.

А вот как обстояли дела на Волгодонстрое со статистикой «страшной» смертности — вновь даю прямую цитату со страницы 121-й сборника документов о ГУЛАГе:

«За 1948–1952 гг. через. лагеря МВД прошло 236 778 заключенных, из них: было освобождено — 114 492 человека, умерло 1766 (0,746 %. — *С.К.*), бежало — 1123. Максимальная численность заключенных пришлась на 1 января 1952 г. — 118 178 человек».

Что значит смертность в 1766 смертей за пять лет, то есть 353 смерти в год? Это означает меньше одной смерти в день в почти стотысячном городе, то есть — ниже уровня естественной

смертности в СССР Сталина и намного ниже, чем уровень смертности в «демократической» России, где в 2003 году на 1000 человек населения приходилось 16,4 умерших, то есть — 1,64 %.

Дай Бог обеспечить Владимиру Путину такую смертность по всей «демократической» России, которую имел в начале 50-х годов «тоталитарный» сталинский ГУЛАГ!

Впрочем, в послевоенные 40-е годы Берия не руководил МВД, но курировал его, и через непосредственно Берию шли вопросы, связанные с очень крупными проектами, в частности: по железнодорожному строительству на Севере и Дальнем Востоке, строительству в районе Игарки на Енисее лесного порта, паромной переправы с материка на Сахалин через Татарский пролив.

О выполнении годовых планов добычи золота, платины, серебра, редких металлов, кобальта, олова и т. д. доклады в конце 40-х и начале 50-х годов доклады МВД СССР шли в три адреса: Сталину, Берии и Маленкову.

Но и в восстановление и послевоенное развитие советской чёрной и цветной металлургии Берия тоже внёс выдающийся вклад, особенно — в первые, самые сложные годы восстановительного периода.

Отвечал Берия, кроме прочего, и за восстановление угольных шахт, однако отдельной статьёй всегда была для Берии нефть — тут он и сам давно стал экспертом, причём получше многих «чистых» профессионалов.

На нефти надо бы остановиться подробнее.

В речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 9 февраля 1946 года Сталин говорил — как о важнейшей перспективной задаче — о необходимости увеличения ежегодной добычи нефти до 60 миллионов тонн. При этом Сталин сказал, что на решение этой задачи пойдёт, пожалуй, три новые пятилетки, если не больше, и прибавил: «Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Простой подсчёт показывает, что по директивам Сталина Советский Союз должен был производить примерно 60 миллионов тонн сырой нефти к 1961 году. Тогдашний министр нефтяной промышленности Байбаков (фигура лично для меня малопочтенная) уже значительно позднее убийства Берии заявлял, что такой план был якобы бериевской авантюрой и что на цифру в 60 миллионов тонн Сталина безответственно спровоцировал именно Берия — якобы без консультаций со специалистами.

Однако разберёмся.

Накануне войны СССР добывал 34 миллиона тонн нефти в год, сразу после войны — 19 миллионов тонн. А в 1960 году, когда имя Берии давно было хрущёвцами проклято, в СССР было добыто 148 (сто сорок восемь) тонн нефти, не считая того, что к этому году в 15 (пятнадцать) раз возросла добыча природного газа.

Так кто лучше знал возможности и резервы нефтедобывающей отрасли — «профессионал» Байбаков или «дилетант» Берия?

Но так же профессионально Лаврентий Берия вникал в вопросы, например, механизации лесозаготовок, лесосплава, развития бумажной промышленности — документы на сей счёт сохранились в архивах по сей день.

А сохранились они — несмотря на все последующие антибериевские чистки и подчистки архивов — потому, что здесь повторилась история «вырезания» Берии бритвой из Большой Советской Энциклопедии. Основную-то статью о Берии из 5-го тома БСЭ убрали, а о рассыпанных по различным томам многочисленных упоминаниях имени и заслуг Берии перед Россией забыли.

Да и невозможно было все эти упоминания убрать, разве что приказать чернилами имя Берии вымарывать, или изымать из общественных и личных библиотек многие тома БСЭ полностью.

Так же вышло и с архивными документами. Уничтожали их, дающих нам подлинного, а не демонизированного Берию, хотя и много, но уничтожали, в основном, документы, касающиеся его политической деятельности.

С деятельностью же Берии в сфере экономики это сделать оказалось невозможно — иначе соответствующие государственные архивы были бы просто-напросто опустошены.

БЕРИЯ курировал и все крупные послевоенные гидротехнические проекты СССР, причём не только по линии кураторства МВД СССР, а и как зампред Совмина. Скажем, 5 июля 1951 года заместитель министра внутренних дел СССР В.С. Рясной докладывает заместителю Председателя Совета Министров СССР Л.П. Берии о ходе работ по строительству Волго-Балтийского водного пути. Ориентировочная стоимость строительства оценивалась в 2 миллиарда 200 миллионов рублей — сталинских!

Вот лишь один из участков работ:

«На Волжском склоне Волго-Балтийского водного пути на реке Ковже, Белозерском обводном канале и реке Шексне вместо существующих 8 маломерных шлюзов сооружаются два гидроузла на реке Ковже — Шумкинский и Константиновский, каждый в

составе плотины, шлюза и насосной станции, и на реке Шексне — Череповецкий гидроузел в составе плотины, шлюза и гидроэлектростанции мощностью 300 тыс. квт.».

А 6 июля 1951 года уже министр речного флота ЗА. Шашков докладывает Берии в подробной справке о транспортном использовании Беломорско-Балтийского канала имени Сталина, Мариинской системы, канала имени Москвы, Рыбинского и Угличского шлюза на Волге.

Курировал Берия и строительство Волгодона. 13 июня 1946 года министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов и начальник и главный инженер Гидропроекта МВД СССР, крупнейший советский гидротехник С.Я. Жук направили на имя Сталина и Берии письмо, в котором говорилось:

«По Вашему указанию (обращаю внимание читателя на это «по Вашему.», то есть указание исходило не только от Сталина, но и от Берии. — *С.К.*) НКВД СССР в начале 1941 года разработал ряд схем водного соединения Волги с Доном. Рассмотрев эти схемы, Вы остановились на варианте, по которому Волго-Донской канал начинается у г. Красноармейска на Волге и выходит к Дону у г. Калача; далее путь проходит по реке Дону, глубина на котором обеспечивается попусками воды из крупного водохранилища с плотиной у хутора Кумовского. Дальнейшая разработка была прервана войной.»

Теперь же, после войны, проектные разработки по Волго-До ну возобновились. Между прочим, показательной была приписка в конце письма: «Основные показатели Волго-Донского водного пути посланы только в адрес тов. Берии».

11 сентября 1948 года Круглов и Жук в очередной раз докладывают Берии о ходе строительства, и Берия пишет на этом письме резолюцию, которую привожу полностью — личность и деловой стиль Берии видны из неё очень отчётливо:

«Решениями Правительства от 27/II и 19/III-1948 г. МВД СССР выделено всё необходимое для обеспечения работ по плану текущего года и подготовки к развороту строительства Волго-Донского канала в 1949 году.

Между тем подготовительные работы на Волгодонстрое идут пока слабо, что объясняется непринятием должных мер со стороны Главгидростроя.

Главгидрострой плохо дерётся за реализацию указанных решений Правительства.

Вам необходимо послать т. Жука на строительство для оказания на месте необходимой помощи. А т. Рапопорт (начальник Главгидростроя МВД СССР, с 14.01.49 по совместительству и начальник Волгодонстроя. — *С.К.*) заставить

как следует заняться вопросами материально-технического обеспечения Волгодонстроя.

Волго-Дон является одной из важнейших строек МВД СССР — поэтому и Вы лично обязаны заниматься этой стройкой повседневно, оказывая помощь Главгидрострою.

Л. Берия».

Указания Берии особо впрок не пошли, и 18 мая 1949 года выходит секретное Постановление СМ СССР № 1978-748с «Об ускорении строительства Волго-Донского водного пути». Подписано Постановление было, как и всегда, Сталиным, но готовил его, несомненно, «совминовский» аппарат Берии при личном участии Берии, внимательно ознакомившегося с материалами.

Но и после этого не всё было ладно, и 31 октября 1949 года выходит ещё одно Постановление СМ СССР № 4960-1909с «Об укреплении руководства строительством Волго-Донского водного пути» — ещё более «бериевское» по стилю и духу, то есть — точное, деловое, конкретное как в части констатации недостатков, так и путей их выправления.

Кроме прочего, в Постановлении говорилось:

«… в процессе подбора руководящих и инженерно-строительных работников для Волгодонстроя Управлением кадров Министерства внутренних дел СССР (начальник Управления т. Обручников) Главгидростроем и Волгодонстроем (начальник т. Рапопорт) на некоторые руководящие должности были назначены лица, не внушающие доверия (Райкин, Гринман, Курзон, Ляховецкий). Продолжительное время не был назначен заместитель начальника Волгодонстроя по общим вопросам. нет заместителя главного инженера по гидротехническим сооружениям.», и т. д.

Бери., то бишь — официально — Сталин, намечал в Постановлении Совмина ряд мер. В частности, **Главгидрострой МВД СССР был переведён из Москвы непосредственно на строительство Волго-Дона** и объединён с управлением «Волгодонстрой» в Главное управление «Главгидроволгодонстрой» под руководством С.Я. Жука.

Тем же Постановлением заместителем главного инженера по гидротехническим сооружениям Главгидроволгодонстроя назначался Н.А. Филимонов (как и Жук, за строительство Волго-Донского канала в 1952 году он получил звание Героя Социалистического Труда).

Характерно то, что в Постановлении, официально подписанном главой Правительства, было записано: «Сохранить за т. Филимоновым Н.А. занимаемую им жилплощадь в г.

Ленинграде».

Как видим, Берия не забыл даже о такой, казалось бы, «мелочи» — в государственных-то масштабах! Однако Берия прекрасно понимал, что те, от кого он требовал «драться» за реализацию решений Правительства, не щадя сил и времени, очень чутки к тому, что Сталин и Берия о подобных «мелочах» не забывают.

К весне 1952 года работы на Волго-Доне заканчивались, 19 мая 1952 года была утверждена Правительственная комиссия по приёмке готовых сооружений Волго-Донского водного пути. А 12 июня 1952 года министр МВД СССР С.Н. Серов и его зам И.А. Серов в чисто деловой записке на имя Берии докладывали о ходе первых проводок судов по новому каналу.

Причём Волго-Дон был лишь одной из множества повседневных «мирных» забот Берии, кроме «оборонных» «дел № 1, 2 и 3», которым он повседневно был обязан — официально обязан! — отдавать половину своего рабочего времени.

Когда тут по женщинам шастать и гарем содержать? Пожалуй, на такой вопрос способны внятно ответить лишь сочинители небылиц о Берии, с детства уверенные, что булки на берёзах растут, а молоко течёт из коров по трубам.

ПОСЛЕДНЕЕ же — по счёту, но не по значению, что мне остаётся здесь сказать о победах Лаврентия Берии во имя экономической мощи России, это оценить его роль в становлении в СССР новых, наукоёмких, как стали говорить позднее, отраслей экономики.

Насколько я знаю, данную сторону послевоенной деятельности Лаврентия Павловича ранее *особо* не подчёркивал никто, в том числе и я сам. Как-то не осознавалось ранее *со всей отчётливостью*, насколько много здесь было сделано лично Берией.

А сделал он на удивление много — лично, сам.

Берия курировал Атомный проект, работы по ПВО Москвы и позднее — по дальним баллистическим ракетам. И каждый из этих проектов был особо наукоёмким. Однако наибольшее число разнообразнейших проблем создавали, конечно, потребности «атомных» работ.

И во все, *абсолютно во все*, значащие проблемы, связанные с потребностями Атомного проекта, Берия входил самым тщательным и внимательным образом. Через него шёл ежедневный огромный поток не пустых канцелярских, а чисто деловых бумаг — входящих и исходящих.

Входящие он читал, вникал в них, делал подчёркивания, накладывал резолюции. Исходящие, подготовленные с учетом его

деловых указаний и решений, он редактировал и подписывал.

Через Берию же шли и все многочисленные «атомные» Постановления и Распоряжения Совмина СССР, которые нередко подписывались хотя и именем Сталина, но реально визировались Берией — он имел такое право, делегированное ему Сталиным.

Вышесообщённый мной факт не умаляет, конечно же, значения и роли личного участия Сталина в Атомном и других оборонных проектах — они были перво степенными, выдающимися. Но к рубежу 40-50-х годов работоспособность

Сталина снизилась, и оперативное руководство оборонными работами, и вообще работой экономики, всё чаще переходило к Берии.

Итак, в конце концов всё замыкалось на Берию и затем, оплодотворённое его решениями и энергией, возвращалось на уровни, где решения претворялись в материальный результат.

И вот тут.

И вот тут я должен признаться, что колебался — знакомить ли читателя с той суховатой «аннотацией» тех основных наших послевоенных «наукоёмких» достижений, где организующая роль Берии оказалась выдающейся?

Многое из того, что я всё же решился сообщить ниже, в полной мере может оценить лишь специалист. Однако, надеюсь, даже люди, далёкие от проблем науки, техники и промышленности, смогут понять и оценить по достоинству то, насколько сложно было Берии разбираться и принимать решения в пределах своих государственных обязанностей *только по одному* порученному ему делу — «№ 1», то есть — «атомному».

Начну с проблемы получения чистого урана, то есть — получения не просто металлического урана, что само по себе было труднейшим делом, но именно *чистого* урана, то есть урана, очищенного от посторонних примесей.

Без чистого урана оружейной кондиции бомбы нет! А очистка урана представляет собой чрезвычайно трудную техническую задачу.

В уже известной читателю книге Смита «Атомная энергия для военных целей» сообщалось, что «эта задача была одной из наиболее сложных и для Америки и потребовала привлечения на длительное время крупных специалистов и ряда фирм».

Нужны были, например, чистый аргон и металлический кальций, без которых нельзя организовать получение урана в металлическом виде. В СССР имелось небольшое производство аргона, но этот аргон содержал большое количество азота и не мог применяться для плавки урана. Производства же металлического кальция в Советском Союзе ранее не было

совершенно.

До начала Второй мировой войны во всём мире было только два завода, изготовлявших металлический кальций: один завод во Франции и один в Германии. В 1939 году, ещё до оккупации Франции немцами, американцы по технологии, полученной из Франции, построили третий завод по получению металлического кальция.

России, начавшей свой Атомный проект, передавать современные технологии никто не собирался, и новая оригинальная технология производства металлического кальция высокой степени чистоты была разработана работниками Уранового комбината и там же внедрена в производство.

Промышленное производство фтористого урана было немыслимо без производства чистого фтора, а промышленного производства фтора в стране тоже не было, и его тоже надо было создавать!

Среди трудностей получения чистого металлического урана есть и та, что содержание примесей в уране, тормозящих или останавливающих ядерные реакции. допускается не более чем на уровне миллионных долей процента. Уже ничтожные доли вредных примесей делают уран непригодным с оружейных позиций.

До 1945 года в СССР не было не только высокочувствительных методов определения примесей в уране, но не было и необходимых реактивов для проведения тонких аналитических работ, а для получения чистого металлического урана требуются очень чистые химические реагенты и реактивы — более 200 различных реактивов и свыше 50 различных химических реагентов высокой степени чистоты с содержанием некоторых элементов не выше одной миллионной и даже до одной биллионной доли процента (то есть 1 грамм примесей на 100 000 (сто тысяч) тонн чистого продукта! — *С.К.*)

В США имелось более десятка фирм, занимающихся изготовлением химически чистых реагентов и реактивов. В число этих фирм входили такие концерны, как «Дюпон де Немур», «Карбид энд Карбон корпорейшн», связанные с немецким концерном «И.Г. Фарбенидустри».

Советские химики задачу создания производства многих десятков химических веществ исключительно высокой степени чистоты, ранее не изготовлявшихся в стране, должны были решать самостоятельно.

Помимо того, что были необходимы особо чистые химикаты, производство которых надо было организовать заново, необходима была совершенно новая аппаратура для всех

химических процессов.

Большинство материалов, обычно используемых в химическом машиностроении, оказалось для этих целей непригодными — обычные марки нержавеющих сталей здесь не подходили.

А проблема новых специальных материалов!..

Кроме делящихся материалов — урана, плутония, для создания атомной бомбы необходимы многие другие материалы и химикаты, которые в СССР ранее не производились или производились, но — неподходящего качества.

Прежде всего необходим был графит высокой степени чистоты, такой чистоты, которой не знала ни одна отрасль промышленности Советского Союза.

Первые отечественные графитовые изделия для промышленности — графитовые электроды были изготовлены в 1936 году, но для сооружения уран-графитового атомного реактора был нужен графит очень высокой степени чистоты в виде блоков определённой формы. Общее содержание золы в графите не должно было превышать 0,02 %.

Без графита же сверхвысокой чистоты атомный реактор невозможен, а даже сорта наиболее чистого графита, изготовлявшегося советской промышленностью до 1945 года, содержали до 2 % примесей, то есть в 100 раз больше, чем это необходимо.

И вот в достаточно короткие сроки, в результате упорных исканий, удалось создать промышленную технологию получения чистейшего графита с содержанием золы менее 0,01 %.

Необходимо было заново организовать производство и ранее совершенно не производившихся в стране материалов: чистой окиси бериллия, чистой окиси тория, хлористого кальция, окиси кальция, ряда кислот исключительно высокой степени чистоты, специальной резины и резиновых изделий.

Для создания атомных агрегатов необходимо иметь и «тяжёлую» воду.

Обычная вода — всем известная «Н20» содержит лёгкий изотоп водорода — протий. «Тяжёлая» вода содержит также более тяжёлый изотоп водорода — дейтерий. Но производство «тяжёлой воды» — сложный и энергоёмкий процесс. Во время войны союзники сумели разбомбить в Норвегии завод по производству «тяжёлой» воды, работавший на немецкий атомный проект, и это стало одной из причин того, что немцы сделать свою бомбу не успели.

В Америке все сведения о производстве «тяжёлой» воды имелись за много лет до начала работ по атомной проблеме, а в

Советском Союзе необходимо было начинать эту работу с исследований по изучению методов получения «тяжёлой» воды и методов её контроля. Необходимо было разработать эти методы, создать кадры специалистов, построить заводы.

И всё это надо было сделать в очень короткие сроки.

ЧИТАТЕЛЬ не утомился?

А ведь я только начал!

Вот, скажем, проблема точного приборостроения.

Физики, химики, инженеры-исследователи нуждались в новых разнообразных приборах высокой степени чувствительности и высокой точности.

Довоенные пятилетки — впервые в истории России дали нам и отечественное приборостроение, однако после войны с гитлеровской Германией приборостроение страны не оправилось от её последствий. Приборостроительные заводы Харькова, Киева и других, ранее оккупированных, городов были разрушены. Заводы Ленинграда и Москвы тоже в военные годы пострадали и не были полностью восстановлены. Надо было быстро восстановить разрушенные заводы и строить новые.

А новые требования к точности приборов создавали ещё и новые трудности — таких точных приборов промышленность ранее не изготовляла. Многие сотни приборов необходимо было разрабатывать заново.

В США конструированием и изготовлением приборов занималось большое количество фирм. Только изготовлением приборов по измерению и контролю ядерных излучений в США занималось 78 фирм, а многолетние связи с приборостроительными фирмами Германии, Англии, Франции, Швейцарии облегчали специалистам США конструирование новых приборов.

У нас же.

До войны приборостроительная промышленность Советского Союза отставала по сравнению с другими отраслями отечественной экономики — эта отрасль промышленности была наиболее молодой. Теперь же попытки приобрести приборы за границей встретили прямое противодействие правительственных организаций США. Многие фирмы США отказывались принимать заказы от Амторга — советской внешнеторговой организации для торговли с США.

А на один только атомный реактор требовалось установить около восьми тысяч различного рода приборов.

Оставался единственный выход — организовать разработку и изготовление новых приборов у себя в стране. Среди них было очень много совершенно новых, работающих на совершенно

новых принципах, ранее не использовавшихся в мировом приборостроении.

С 1946 года по 1952 год приборостроительные заводы СССР изготовили для нужд атомной отрасли 135,5 тысячи приборов новых конструкций и более 230 тысяч типовых приборов.

Наряду с созданием контрольно-измерительных приборов и разного рода регуляторов была разработана и изготовлена серия специальных манипуляторов. Манипулятор воспроизводит движения рук и кистей рук человека и позволяет дистанционно выполнять тонкие и сложные операции.

Нужно было создать новые марки стекла для химической посуды и аппаратов, новые марки эмалей, новые материалы тиглей и форм для плавки и разливки урана, а также новые составы пластических масс, стойкие в агрессивных средах.

Остро стоял вопрос о печах для плавки урана. Получить такие печи было неоткуда — вакуумные печи строились в США, но правительство США наложило запрет на продажу таких печей Советскому Союзу. И советским трестом «Электропечь» было создано 50 различных типов электропечных установок.

Отсутствие нужной вакуумной техники по всему спектру задач стало тоже серьёзной проблемой, а её разрешение — крупной победой. Без вакуумного оборудования невозможно развитие многих важнейших физических исследований и работа важнейших инженерно-физических сооружений.

До начала Атомного проекта в СССР развитие научно-исследовательских работ по вакуумной технике было ограничено очень слабой базой двух лабораторий, а возникшая потребность в вакуумном оборудовании была огромной: одних вакуумметров различных типов требовалось только на один 1947 год свыше 3000 штук, форвакуумных насосов свыше 4500 штук, высоковакуумных диффузионных насосов свыше 2000 штук.

Требовались специальные высоковакуумные масла, замазки, вакуумплотные резиновые изделия, вакуумные вентили, клапаны, сильфоны и т. п.

И это мы тоже сделали — сами! Наши НИИ смогли создать мощные высоковакуумные агрегаты производительностью в 10–20 и даже в 40 тысяч литров в секунду. По мощности и качеству советские высоковакуумные насосы начала 50-х годов превосходили новейшие американские модели.

ЧИТАТЕЛЬ не утомился?

Скорее всего — утомился. Устал, просто *читая* обо всём том, что надо было *сделать*, и сделать не одно за другим, а сразу, параллельно!

А каково было герою этой книги?

Конечно, не Берия разрабатывал методы получения, например, чистой окиси бериллия и проекты заводов по его производству, но те, кто этим занимался, имели *только одну* эту задачу.

А Берии необходимо было держать в голове ход *сотен* различных дел — от строительства бараков для рабочих на «атомных» объектах до организации фундаментальных исследований в области физики.

Да, наряду с широким развитием научно-исследовательских и экспериментальных работ в институтах, конструкторских бюро и лабораториях, связанных с наиболее насущными «атомными» задачами, то есть с проектированием и строительством атомных реакторов, установок по разделению изотопов, и, в итоге, созданием атомного оружия, возникали и другие — перспективные, задачи. На новый уровень становилась организация экспериментальных работ по изучению частиц высоких энергий и вызываемых ими реакций.

На начальной стадии работ по ядерной физике мы не имели мощных ускорителей, необходимых для получения ядерных частиц высоких энергий, и были всемерно расширены исследования в области космических лучей. В Армении, на горе Алагез, на высоте 3200 метров над уровнем моря построили станцию по изучению космических лучей с магнитом весом в 55 тонн, под Москвой была создана лаборатория высотных полётов для изучения космических частиц на высоте 20–30 километров с использованием шаров-зондов.

Но это были меры, так сказать, «худосочные», паллиативные, и проблема мощных ускорителей тоже стала предметом забот Специального Комитета Берии. Уже в феврале 1946 года было принято решение о сооружении самого мощного в мире циклотрона, обеспечивающего получение протонов с энергией в полмиллиарда электрон-вольт. Ускоритель должен был обслуживать все основные институты и лаборатории, работающие в области ядерной физики.

Ко времени начала проектирования циклотрона в СССР не было никакого опыта и никаких данных о способах осуществления таких огромных установок.

Американский циклотрон в Беркли с магнитом весом в 4200 тонн в мировой литературе расценивался как одно из замечательных сооружений современности, однако советский циклотрон должен был превзойти американский не только по размерам электромагнита (магнит советского циклотрона весил 7000 тонн) и по величине энергии ускоренных частиц, но и по своему техническому совершенству. В связи с сооружением

циклотрона было выполнено 69 крупных научно-исследовательских работ. Проектирование и конструирование вело Особое конструкторское бюро Министерства электропромышленности СССР, а основным изготовителем стал ленинградский завод «Электросила».

Циклотрон (установка «М») был построен в районе Иваньковской ГЭС в 125 километрах от Москвы к декабрю 1949 года. Главный корпус, в котором размещался электромагнит, представлял собой монолитное железобетонное сооружение высотой до тридцати шести метров со стенами толщиной в два метра.

Однако уже весной 1952 года было принято решение о реконструкции установки «М» для повышения энергии протонов до 650–680 млн электрон-вольт.

Сегодня трудно поверить, что *этакое* и *в такие* сроки совершалось на той же земле, по которой ныне ходят руководящие кремлёвские ельциноиды.

И это было не всё!

В мае 1946 года Владимир Векслер предложил спроектировать мощный синхротрон — ускоритель электронов с магнитом весом около 400 т и энергией электронов 400–450 млн электрон-вольт, с доведением частиц в дальнейшем до 900 млн электрон-вольт.

А 2 мая 1949 года было принято Постановление СМ СССР о строительстве мощного кольцевого ускорителя протонов — синхрофазотрона на энергию в 10 миллиардов электрон-вольт! Начатый разработкой под контролем Л.П. Берии, синхрофазотрон был введён в эксплуатацию уже после смерти Сталина и Берии -5 декабря 1957 года. Но это тоже было одной из побед Берии — уже посмертных.

ЕЩЕ одной его, и тоже во многом — посмертной, победой стало мощное развитие в СССР с начала 50-х годов отечественной вычислительной техники.

Как уж за последние десятилетия — ещё даже до 1991 года, нам все уши прожужжали о якобы «зажиме кибернетики» в 40-е годы, что привело-де к отставанию СССР в сфере разработки компьютеров.

Однако реальные работы по советским компьютерам начались уже в 1948 году в Энергетическом институте АН СССР и в Институте электротехники АН Украинской ССР под руководством С.А. Лебедева. 4 декабря 1948 года И.С. Брук и Б.И. Рамеев получили авторское свидетельство на изобретение «Автоматическая цифровая электронная машина».

11 января 1949 года принимается Постановление Совмина

СССР о разработке двух ЭВМ — БЭСМ Лебедева и «Стрела» Базилевского-Рамеева. В 1952 году Малая электронная счетная машина (МЭСМ) Лебедева начинает практически использоваться.

А нам талдычат, что в СССР Сталина и Берии компьютеры считались буржуазной выдумкой.

С весны 1949 года Министерство машиностроения и приборостроения СССР в кооперации с АН СССР приступило к организации проектирования и производства счётно-аналитических и математических электронных цифровых машин, о чём министр машиностроения и приборостроения СССР Пётр Иванович Паршин (1899–1970) сообщал Берии 30 апреля 1949 года.

Паршин докладывал:

«.Большие успехи, достигнутые в последние годы в развитии импульсной электроники, создали предпосылки для осуществления новых средств вычислительной техники — быстродействующих автоматических цифровых машин, способных выполнять вычисления в темпе тысячи и более арифметических действий в секунду.»

Министр просил Берию обязать ПГУ «принять участие в составлении технических условий на проектирование электронной цифровой машины». Это и есть то, что сейчас называется «компьютеры», нужные для расчётов и термоядерных зарядов, и систем ПВО, и плотин новых ГЭС.

Ровно за год до смерти Сталина — 6 марта 1952 года Президиум Совета Министров СССР дал указание «о строительстве здания для размещения быстродействующих математических вычислительных машин и расчётных математических бюро Академии наук СССР».

ЧУТЬЕ на новое у Берии было развито как минимум не меньше, чем у Сталина. Убивший Сталина и Берию Хрущёв в этом отношении — как, впрочем, и во всех остальных отношениях — и близко рядом с ними не стоял.

Все наши достижения в области ядерной физики, включая успехи и открытия фундаментального характера, полученные к концу «хрущёвских» 50-х годов, имели в своей основе соответствующую научно-техническую политику Сталина и Берии, понимавших, что новой России надо идти здесь на равных с мировыми научными лидерами, особенно — с США.

Первая в мире атомная электростанция, первый в мире атомный ледокол «Ленин», вторая в мире — после американского «Наутилуса» атомная подводная лодка «Ленинский комсомол» — всё это было задумано и начато ещё Сталиным и Берией, а воплотилось в металл тогда, когда ни Сталина, ни Берии уже

несколько лет не было в живых, когда Сталин был оболган Хрущёвым «под занавес» XX съезда КПСС, а Берия и вовсе ошельмован.

Берия был к учёным и к их запросам — как деловым, так и бытовым — искренне внимателен. Хрущёв же учёных не любил — естественная реакция уже не классического мольеровского «мещанина во дворянстве», а новоявленного *партоплазматического* чинуши во власти.

Скажем, Берия курировал работы по баллистическим ракетам с пониманием перспективы, а увлечение Хрущёва ракетами было чисто дилетантским.

Берия уважительно относился к крупным людям — к тому же Сергею Королёву, однако Королёв никогда не смог бы при Берии проводить ту линию, которую считал верной он — Королёв, но которая нередко была далеко не верной объективно.

Хрущёв не относился уважительно ни к кому, а уж тем более — к людям независимым, человечески крупным. Но, как любой высокомерный чинуша, Хрущёв был склонен делать вид, что он «понимает» то, что ему говорят профессионалы, хотя они далеко не всегда были правы.

Берию не обманывали широковещательные обещания разработчиков новых систем оружия, он быстро улавливал слабости тех или иных проектов, а невежда Хрущёв возразить по существу не умел и то и дело шёл у разработчиков на поводу, а если и был с ними крут, то глупо, из чистой «вкусовщины».

Хрущёв не умел видеть проблемы верно, и, скажем, в то время как в США межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) уже в середине 50-х годов имели примерно получасовую и менее готовность к старту, первые советские МБР надо было заправлять окислителем — жидким кислородом десяток часов при сохранении стартовой готовности всего в течение восьми часов, потому что работы по МБР, использующим высококипящие ракетные топлива, вначале не продвигались у нас так, как того требовала ситуация и позволяли отечественные возможности.

Наша первая МБР — знаменитая «королёвская» Р-7, «семёрка», на развитии которой полетел в космос Гагарин, имела кислородно-керосиновые двигатели, но для боевых межконтинентальных ракет более подходили хотя и более дорогие, токсичные и намного более сложные в эксплуатации, но позволяющие долговременную стартовую готовность и почти немедленный старт двигатели, использующие азотнокислые окислители и токсичное углеводородное горючее — несимметричный диметилгидразин (НДМГ), называемый в США гептилом.

Сторонником высококипящих топлив был Михаил Кузьмич Янгель, будущий создатель могучего семейства МБР Р-36, а противником — Королёв. После смерти Берии Королёва поддерживали промышленники, да и военные — ведь кислородные двигатели уже были серийно освоены, были проще в эксплуатации и по конструкции. Однако если бы Сталин и Берия были живы, все эти ухищрения «мадридского двора» ни к чему бы не привели.

Американцы на чём работают? На кислоте и гептиле? А раз так, то и вы, дорогие товарищи ракетчики, осваивайте для боевых ракет кислоту и гептил. А хотите посылать человека в космос на надёжных двигателях — мы вам не препятствуем, но вначале решите первоочередные оборонные задачи!

Собственно, последнее крупное постановление Совмина СССР по дальним ракетам от 13 февраля 1953 года, принятое под руководством Берии при живом ещё Сталине, как раз и ориентировало ракетчиков на высококипящий окислитель — азотную кислоту с окислами азота, применяемый на дальней ракете Р-12.

Но Хрущёв не был способен сделать верный выбор — у него для этого просто не хватало ни знаний, ни хватки, ни масштаба Берии.

Берия умел не мелочиться тогда, когда это было оправданно, однако уже после первых реальных успехов Атомного проекта стал заставлять атомщиков копейку считать.

(И не только, к слову, атомщиков! Так, 5 июня 1953 года, отвечая на письмо министра внутренних дел УССР Павла Мешика — 23 декабря того же года Мешика расстреляют по «делу Берии», — Лаврентий Павлович расценивал как непродуманную и необоснованную просьбу своего давнего соратника об увеличении штатной численности органов МВД УССР.)

Хрущёв же даже в своих «мемуарах» не стеснялся признаваться: «Запустить ракету стоит миллионы. *Я* сейчас не могу конкретно назвать сколько, не из-за секретности, а просто *не знаю* (жирный курсив везде мой. — *С.К.*), но это *огромные* средства».

Угу! Как писал Чехов: «Море было большое».

Для Берии подобные «количественные» оценки были невозможными — он и сам ничего расплывчатого не терпел и не допускал, и подчинённых воспитывал в том же духе.

Параллели можно продолжить, но стоит ли?

Глава 7. 1947–1952. Памятник на века: «высотки» над Москвой

В НАЧАЛЕ 1943 года Лазарь Каганович, выполняя поручение Сталина, был ещё в Тбилиси и писал оттуда дочери Майе — по профессии архитектору:

«Дорогая и любимая Маюся!

Спасибо тебе за. подробное описание чествования Жолтовского. Несмотря на его некоторые странности, он безусловно заслужил орден и чествование юбилея. Хотел я было ему написать, да не та обстановка.»

Ивану Владимировичу Жолтовскому 28 ноября 1942 года исполнилось 75 лет — он родился в 1867 году. Звание академика архитектуры получил в 1909 году и мог бы, уехав после революции в Европу, в отличие от столбовых «графьёв» и князей не половым в ресторане «а-ля рюсс» прозябать, а неплохо зарабатывать своим ремеслом не только на хлеб с маслом, но и на чёрную икру «а-ля рюсс».

Однако Жолтовский остался с народом и свои лучшие проекты реализовал уже в советский период творчества.

Чтобы было понятнее дальнейшее, сразу напомню читателю также о том, какое место в русской и советской архитектуре занимал Алексей Щусев (1873–1949), четырежды лауреат Сталинской премии. До революции он успел построить Казанский вокзал в Москве, с 1913 года преподавал в Строгановском художественно-промышленном училище. В советской России Щусев стал известен также проектом Мавзолея В.И. Ленина, зданием НКВД на площади Дзержинского, станцией Московского метро «Комсомольская-кольцевая».

Так вот, далее Каганович писал:

«Что Щусев допустил некоторые оговорки (имеется в виду речь Щусева на юбилее Жолтовского. — *С.К.*), это вполне естественно, потому что кроме элемента ревности здесь есть принципиальные расхождения. Жолтовский до фанатичности последователь классики, Щусев же эклектик, он берет у всех понемногу, но больше всего он барокканец. Должен, однако, сказать, что построенное Щусевым здание ИМЭЛ (Тбилисского филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина. — *С.К.*), за которое он получил Сталинскую премию, замечательно и внешне, и внутренне, видно, что Щусев перестраивается. Он дал на 5 этажей мощные гранитные колонны, а внутри замечательное расположение и оформление — богато (мрамор) и скромно. Но

как ни странно (жирный курсив мой. — *С.К.*), в этом здании видно влияние Жолтовского и его последовательности. Щусев, конечно, это делал не сознательно, но он человек деловой и практичный; когда он убедился, что Советская (с большой буквы у Кагановича. — *С.К.*) архитектура не отказывается от лучших элементов старого наследства и что классические формы применяются к жизни, применил и он свои недюжинные способности.»

К слову — каков Лазарь Каганович! От нынешних «демократов» ему достаётся хотя и меньше, чем «извергу» и «палачу» Берии, но тоже, как говорится, получает по полной программе: «невежда», «сатрап», да нередко — и «палач». Но дай бог подобного «невежества» нынешним обитателям кремлёвских стен, во время оно знавших «железных» сталинских наркомов.

Вспомнил же я о письме Кагановича постольку, поскольку просматривается здесь любопытный поворот сюжета.

Каганович постоянно, всю жизнь, занимался самообразованием и был человеком глубоких мыслей и точного взгляда. Поэтому он необычность для «традиционного» Щусева архитектурных решений, принятых в здании Тбилисского филиала ИМЭЛ, уловил, но усмотрел в том влияние Жолтовского.

Но — Жолтовского ли?

Как, надеюсь, читатель помнит, реконструкция Тбилиси проводилась при активном участии в ней первого секретаря ЦК Компартии Грузии, и стиль Берии в новом облике грузинской столицы проявился ярко и вполне определённо. Так мог ли Берия обойти стороной такой важный элемент архитектурного обновления Тбилиси, как здание ИМЭЛ?

Не думаю.

При этом, как подметил Каганович, Щусев был, с одной стороны, эклектик, а с другой стороны, как подметил всё тот же Каганович, — человек деловой и практичный. А кроме того, в отношении Жолтовского Щусев был ревнив настолько, что даже на юбилее не смог удержаться от вежливых шпилек в адрес юбиляра.

Нет, не похоже, что Щусев так уж и испытал, работая в Тбилиси, влияние Жолтовского — они были каждый сам себе голова.

А вот к мнению Берии Щусев не мог не прислушаться хотя бы потому, что Берия был, как-никак, заказчиком.

Конечно, если бы Берия, подобно Агафье Тихоновне из гоголевской «Женитьбы», возжелал иметь здание в стиле Ле Корбюзье, но с чередованием по фасаду колонн всех классических ордеров — и коринфских, и ионических, и дорических, а портик

предложил «изобразить в лучшем виде» в стиле ампир или рококо, то вряд ли Щусев к таким пожеланиям прислушался бы.

Но Берия был архитектором и вкус имел — об этом мы можем судить не только по Тбилиси, но и по тому, как строились с самого начала закрытые «атомные» города, к генпланам и застройке которых Берия равнодушным быть тоже не мог никак. Поэтому предположение, что Берия мог конструктивно влиять даже на такого крупного и самолюбивого архитектора, как Щусев, не будет недопустимым.

Берия имел строительно-архитектурное образование, причём получил он его в одном из наиболее, пожалуй, сильных — в своём классе — учебных заведений дореволюционной России, в Бакинском механико-строительном училище. Это училище было одним из немногочисленных центров технического образования на Кавказе, если не единственным. Во всяком случае, по данным на 1913 год, в Кавказском учебном округе Министерства народного просвещения имелось всего одно среднее техническое училище — скорее всего, это и была «альма-матер» Берии.

Насчитывало училище чуть более 400 учащихся, примерно по 100 на курс. Для сравнения — за 1900–1913 годы в России было выпущено из вузов всего 1360 инженеров-строителей и архитекторов, тоже примерно по 100 в год. Иными словами, получивший даже среднее строительное образование Берия входил в весьма немногочисленную в России профессиональную группу, и уровень его подготовки низким быть не мог — даже безотносительно к факту несомненной талантливости молодого Лаврентия.

При этом бурное строительство в уже дореволюционном Баку давало начинающему архитектору немало поводов для размышлений и самообразования. «Нефтяной» Баку рос как на дрожжах: с 1863 по 1897 год число бакинцев выросло с 14 тысяч до 112 тысяч человек. И хотя основное новое население — рабочие нефтепромыслов ютилось в казармах по окраинам, городское строительство в Баку развивалось стремительно — в центре возникали роскошные особняки и дворцы нефтепромышленников, строились загородные резиденции, да и «средний класс» в Баку был не без денег. Поэтому и массовая городская застройка велась быстрыми темпами и была значительной.

Всё это, конечно же, способствовало как развитию строительного и архитектурного образования в Баку, так и развитию толковых неофитов, образовывающихся в Бакинском училище.

ОДНАКО всё сказанное выше — всего лишь своего рода

присказка. Основное же будет сказано ниже.

В 1947 году по предложению Сталина было принято Постановление Совета Министров СССР о строительстве в Москве восьми высотных зданий.

В Постановлении были сформулированы и требования к их архитектуре:

«Пропорции и силуэты. зданий должны быть оригинальны и своей архитектурно-художественной композицией должны быть увязаны с исторически сложившейся архитектурой города и силуэтом будущего Дворца Советов. В соответствии с этим проектируемые здания не должны повторять образцы известных за границей многоэтажных зданий.»

Венцом советского высотного зодчества должно было стать здание Московского Государственного университета на Ленинских горах — к ноябрю 1951 года оно уже было в основном возведено.

На площади Восстания и на Котельнической набережной должны были вырасти жилые дома; на Дорогомиловской набережной и на Каланчевской улице (Комсомольской площади) — гостиницы «Украина» и «Ленинградская»; а в Зарядье, на Лермонтовской площади у Красных ворот и на Смоленской площади — три административных здания.

Итого — восемь, причём в высотке на Смоленской площади должно было разместиться Министерство иностранных дел СССР, а у Красных Ворот — Министерство путей сообщения.

Каждое из зданий и само их назначение представляли собой символ и маяк.

МГУ — это высоты образования.

Великолепные жилые дома — ориентир для всех строителей СССР. Ориентир не столько технический — в райцентре «высотку» не построишь, сколько моральный.

Гостиницы — высокое гостеприимство новой Москвы.

Здания министерств — высокое величие России как могучей мировой державы.

У каждого здания были свои архитекторы — цвет советской архитектуры.

Появление этих зданий в столице СССР вызвало к жизни новое, оптимистично звучащее слово «высотки», и в этом тоже был глубокий смысл. Наши «высотки» никак нельзя было называть «небоскрёбами».

«Высотки» проектировали Посохин, Руднев, Минкус, Чечулин, Поляков, Душкин, Мордвинов, Чернышев, Гельфрейх, Абросимов, Хряков. Каждый был личностью, у каждого были свои архитектурные принципы. Однако во всех проектах бросалось в

глаза то, что все они — при несомненной самобытности их авторов, были несомненно и поразительно похожи в своём архитектурном облике — стройные, логично вырастающие из окружающих более низких каменных массивов, увенчанные башнями со шпилями.

В полном соответствии с требованиями Постановления Совмина СССР силуэты зданий никак не повторяли ни один известный за границей небоскрёб, были оригинальны, но полностью увязаны с исторически сложившейся архитектурой Москвы, архитектурным и композиционным центром которой был, конечно же, Кремль.

Все московские «высотки» были схожи с кремлёвскими башнями, причём не только по силуэту, но и по удивительному сочетанию строгости, величия и лёгкости, устремлённости ввысь.

Высота московских зданий достигала 275 метров, и при низкой облачности они вполне «скребли» небо и облака.

Но это были не «небоскрёбы».

Небоскрёбы Нью-Йорка — как самые первые, так и современные, восхищают прежде всего блеском чисто инженерных решений и технологий, но никак не архитектурой. Получается так потому, что само появление небоскрёбов было вызвано не смелыми архитектурными идеями, а необходимостью максимально использовать каждый квадратный фут дорогой земли в центре крупных городов.

То есть идею небоскрёбов породило не творчество, а торгашество.

Советские же «высотки» — подчёркнутый простор.

Если продолжить эту мысль, то можно вспомнить и перестроенный уже в брежневские времена Калининский проспект — Новый Арбат. Плоские остряки называли его «вставной челюстью Москвы». Что ж, над «высотками» кое-кто тоже немало потешался, да и сейчас потешается или презрительно пожимает плечами.

Но сравним впечатление от гипертрофированно вытянутых в высоту, теснящихся на Манхэттене небоскрёбов, уже не только скребущих небо, но и заслоняющих его от людей вследствие крайней скученности, и впечатление от свободно стоящих, подчёркивающих небо над ними высотных «параллелепипедов» Нового Арбата.

Думаю, различие тут налицо.

Вернёмся, впрочем, в 1947 год.

В СВОЁМ месте *я* уже сообщал, что 8 февраля 1947 года было принято Постановление Политбюро о новой организации работы СМ СССР, по которому — кроме прочих обязанностей, на

заместителя Председателя Совета Министров СССР Л.П. Берию возлагалось наблюдение за вопросами строительства многоэтажных зданий в Москве.

Имелись в виду прежде всего высотные здания, хотя новое массовое многоэтажное крупноблочное строительство с использованием поточных методов и приёмов тоже не ускользнуло от внимания Сталина — он справедливо считал, что послевоенная Москва не должна расползаться, как тесто из квашни, а застраиваться 8-14-этажными домами.

С начала 50-х годов в этом отношении делалось на удивление много, и даже на дальних от центра Москвы улицах начали возникать многоэтажные здания, которые столицу весьма украшали. И совершалось всё это не без участия Берии.

Однако далее я буду говорить лишь о «высотках» — в их истории личность Берии проявилась наиболее ярко.

Задуманные как *целостный* ансамбль *в масштабах* огромного *города* , восемь высотных зданий создали яркий облик послевоенной Москвы. Они стали не только её украшением, но и символом — достаточно вспомнить официальную эмблему Московской олимпиады 1980 года.

Забегая вперёд, замечу, что в 2000-е годы были предприняты попытки стилизовать ряд новых зданий постсоветской Москвы под «сталинско-бериевские» «высотки», однако реализация этих проектов просто лишний раз подчеркнула величие и яркую суть той эпохи на фоне сегодняшней бледной немочи во всех сферах жизни общества.

Закладка высотных зданий в Москве состоялась 7 сентября 1947 года — в дни празднования 800-летия города. На каждой строительной площадке присутствовал кто-то из заместителей Председателя Совета Министров СССР.

Строительство комплекса зданий Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова развернулось в полную силу в конце 1948 года и было закончено к 1 сентября 1953 года, когда новое здание МГУ впервые приняло студентов.

К тому времени Лаврентий Берия был, скорее всего, тайно и бессудно расстрелян.

Как сообщает в своей книге «Записки строителя» генерал-полковник-инженер Комаровский, Управлением строительства МГУ руководили опытнейший строитель-практик Алексей Воронков и талантливый инженер Сергей Балашов, однако участие самого Комаровского в этом проекте было тоже активным — в качестве вновь назначенного руководителя Управления строительства Дворца Советов Комаровскому предписывалось

курировать строительство МГУ и высотного административного здания в Зарядье.

Но кому он был этим «обязан»?

Сам Алексей Комаровский (1906–1973) ссылается на разговор в середине 1948 года с Вознесенским, тогдашним председателем Госплана СССР, однако не приходится сомневаться, что инициатива такого назначения принадлежала Берии, знавшему Комаровского прекрасно и с лучшей стороны. С 1944 года генерал-майор Комаровский стал начальником Главпромстроя НКВД — МВД СССР и пребывал в этой должности почти до конца 1951 года, когда был — тоже «с подачи» Берии — назначен начальником Главнефтеспецстроя МВД СССР.

С 1945 года Комаровский параллельно находился в должности одного из заместителей «атомного» Первого ГУ при СМ СССР, много поработал под рукой Берии в Атомном проекте и именно за это в 1949 году получил звание Героя Социалистического Труда.

В своей книге, изданной Воениздатом в 1972 году, Комаровский не поминает Берию, естественно, ни одним словом. Но Берии он был известен, повторяю, прекрасно, и поскольку строительство комплекса зданий МГУ оказалось делом особо сложным и поначалу ладилось не очень, Берия и «подбросил» «протеже» ещё одну «непыльную работёнку».

Впрочем, в одном месте книги Комаровского речь идёт, вне сомнений, именно о Берии:

«Вся дальнейшая работа по проектированию велась управлением проектирования в совершенно исключительных темпах одновременно с разворотом строительства МГУ.

Чертежи во многих случаях прямо на ватмане шли на производство, так как правительство (читай: «Берия». — *С.К.*) доверяло нам утверждение всех технических решений и проектов без промежуточных инстанций…»

Здесь вполне угадывается стиль Берии — единственный и неповторимый, а если и повторяемый, то всё равно — подчинёнными и соратниками только Берии.

НО ЕСТЬ один вопрос, ответить на который точно и однозначно сегодня не сможет уже, как *я* понимаю, никто. И вопрос этот: «Кто же дал единый замысел для всех восьми проектов высотных зданий?»

Кто-либо из ведущих советских архитекторов?

Но они — и те, кто к проектам привлечён не был, и те, кто ими занимался, — были вполне самостоятельно мыслящими людьми и вряд ли согласились бы в разработке такой эпохальной темы руководствоваться чужими идеями, пусть объективно и

великолепными.

В статье «Высотные здания», помещённой в 9-м томе БСЭ, подписанном к печати 3 декабря 1951 года, было сказано:

«В высотных зданиях, в соответствии с указаниями правительства (sic! — *С.К.*), сочетается близость к традициям архитектуры Москвы со смелым стремлением к новым образам, проникнутым мыслью о настоящем и будущем страны Советов. Скульптурная законченность многоярусных уступчатых объёмов, живописность силуэтов, богатая пластическая обработка фасадов сближают высотные здания с историческими архитектурными памятниками Москвы. С Дворцом Советов (тогда этот проект хотя и формально, но ещё существовал. — *С.К.*) высотные здания объединит общее для их архитектуры сочетание величавого спокойствия и уравновешенности масс со стремительной динамикой вертикального развития объёмов.»

Всё это было верно и хорошо, но кому принадлежала общая идея?

Не могли же восемь разных коллективов архитекторов одновременно и независимо друг от друга прийти к одному!?

В то же время и принять идею одного семь коллективов вряд ли смогли бы — ведь отличиться хотелось каждому. А с окончательным проектом Дворца Советов Иофана, Щуко и Гельфрейха проекты всех «высоток» имели — в итоге — весьма относительное сходство.

При этом тот же Борис Иофан (1891–1960) после войны был в форме, в 1947–1950 годах по его проектам построили комплекс Нефтяного и Горного институтов в Москве.

Владимира Щуко (1878–1939) не стало ещё до войны.

Владимир Гельфрейх, которому в конце 40-х годов едва перевалило за шестьдесят, продолжал, правда, работать и был автором проекта здания МИД СССР на Смоленской площади. Но не Гельфрейх же дал общий образец для всех!

Статья в БСЭ, правда, намекала на некие обезличенные «указания правительства», но ведь и правительство — это коллектив конкретных лиц. А там кому первому пришла в голову идея повторить в высотных зданиях Москвы силуэты Кремля (это в облике «высоток» чувствуется сразу)?

Ведь кому-то она, эта гениальная идея, должна была прийти в голову первому — архитектору ли, члену ли правительства!

Так кому?

Сталину?..

В принципе, это очень не исключено — Сталин был гением универсальным, полифоническим, он умел чувствовать тонко и мыслил самобытно не только в политике.

Современный историк архитектуры Д. Хмельницкий, давно живущий в Германии, в книге «Зодчий Сталин» пишет, что в самой истории возникновения «высоток» много странного — в литературе совершенно не упоминается о том, кто и когда разработал схему размещения высотных зданий на генеральном плане Москвы. При этом Хмельницкий, хотя к Сталину и не очень-то лоялен, считает, что именно Сталин — автор и первоначальной градостроительной идеи, и фактический автор архитектуры высотных домов, а далее поясняет, что поскольку Сталин «мелочно тщеславен» не был, то и не претендовал на официальное авторство.

Возможно и так, но тогда, скорее всего, статья БСЭ всё-таки сообщала бы: «.по указаниям великого вождя, товарища Сталина» и т. д. Сталин-то действительно тщеславием не страдал, но сколько других имели его в избытке, в том числе — ив редакции БСЭ.

Но вот же — в тексте статьи БСЭ конкретный автор идеи обозначен не был.

А как там товарищ Берия?

Он ведь был единственным архитектором среди членов правительства и единственным членом правительства среди архитекторов.

Так не Берия ли высказал идею первым?

А если это сделал и не он, а кто-то из общавшихся с ним архитекторов, то Берия вполне мог сразу же, с лёту, эту идею оценить и довести до Сталина. А тот её тоже с лёту оценил по достоинству и сделал руководящей для всех, кого было решено привлечь к проектированию высотных зданий.

А может быть, мысль пришла в голову первому Сталину, а он поделился ею с Берией, а Берия её сразу же горячо поддержал?

Нет, как ни прикидывай, а уже к общему замыслу московских «высоток» Лаврентий Берия в какой-то — и немалой — мере был причастен.

Конечно, всё сказанное выше — не более чем гипотеза, догадка, однако — на мой взгляд, гипотеза вполне правомерная.

ВО ВСЯКОМ случае несомненным историческим фактом является то, что Берия официально курировал проектирование и строительство «высоток», а делать что-либо формально, осуществляя «общее вмешательство в дела подчинённых», он не умел.

Д. Хмельницкий, любящий Берию не более Сталина, тем не менее прямо заявляет, что, «видимо», благодаря блестящим организаторским способностям Берии к 1953 году, то есть в кратчайшие сроки, были построены семь зданий из восьми.

Хмельницкий их называет «небоскрёбами», но тут уж, надо полагать, проявился его благоприобретённый «европеизм» — в Москве Сталина и Берии были возведены не «небоскрёбы», а высотные здания!

О том, как Берия конкретно работал с их проектировщиками и строителями, сохранилось по крайней мере одно достоверное свидетельство. В великолепной почти во всём книге Ивана Ивановича Чигирина «Грязные и белые пятна Истории. О тайне смерти И.В. Сталина и о некоторых обстоятельствах его правления» приводятся рассказы на сей счёт Виктора Михайловича Абрамова, главного инженера проекта и главного инженера строительства высотного здания у Красных Ворот.

В 1951 году Абрамову исполнилось 43 года, и он применил при строительстве своей «высотки» крайне дерзкий новаторский способ временного укрепления грунта-«плывуна» под фундамент — попросту заморозил его.

Но легко сказать: «попросту заморозил». Земляные массивы — не куриная ножка, тут требовались уникальные, масштабные технологии замораживания грунтов и соответствующее оборудование!

Огромное здание строилось со значительным ***расчётным*** отклонением от вертикали (своего рода аналог Пизанской «падающей» башни!), а после размораживания грунта должно было медленно-медленно качнуться (!) в обратную сторону и занять строго вертикальное положение.

Только инженер может понять всю самобытность замысла Виктора Абрамова, но только, как я догадываюсь, инженер-строитель (лично я — инженер-зарядостроитель, что означает нечто иное) может в полной мере понять всю *рискованность* его идеи.

Однако всё закончилось блестяще, а это и другие строительные решения Абрамова вошли позднее в учебники.

Так вот, 14 апреля 1951 года, накануне Первомая, Абрамова пригласил к себе Берия, чтобы дать задание: на здание у Красных Ворот надо установить к празднику шпиль с пятиконечной звездой.

Через много лет В.М. Абрамов говорил хорошо знающему его П.П. Чигирину, что беседа была доброжелательной и корректной, без намёка на угрозы, и «больше походила на просьбу человека, который действительно хочет сделать людям подарок к празднику».

Абрамов встречался потом с Берией многократно и никогда никакого страха не испытывал, а когда после ареста Лаврентия Павловича услышал «шокирующие истории о Берии», был ими

«немало удивлён».

Абрамов рассказывал Чигирину, что в общении Берия был человеком вежливым, деловым, без вельможного барства. Но был очень пунктуален и требователен в выполнении решений. Не можешь что-либо выполнить в срок — доложи, скажи, чем требуется помочь.

При этом Лаврентий Павлович хорошо читал строительные чертежи, с лёта вникал в строительные проблемы и, по словам Виктора Михайловича, он и Берия, «как инженеры», «разговаривали на одном языке».

В 1949 ГОДУ авторы проектов всех семи высотных зданий были удостоены Сталинской премии — ещё до окончания строительства.

Но и оно было не за горами — «бериевские» «высотки» строились «бериевскими» темпами. Пожалуй, не лишним здесь будет сообщить, что на территории, теперь занимаемой МГУ, и в Зарядье ранее стояли старые дома, и всем переселяемым надо было предоставить новое благоустроенное жильё со всеми коммуникациями, инфраструктурой, дорогами и прочим. Один такой жилой массив был построен в районе станции Лобня, второй — в Текстильщиках, а третий — в Черёмушках, тогда деревне в 5 километрах от Москвы, ставшей новым посёлком городского типа в Ленинском районе Московской области. Со временем Черёмушки вошли в черту столицы, а название «черёмушки» в хрущёвские времена стало нарицательным для всех новых жилых массивов в самых разных городах СССР.

Однако в действительности и это весёлое, полное когда-то радости и надежд, название связано, как видим, с работой для народов СССР Лаврентия Берии! Главным же памятником Берии на века — рукотворным, но, увы, безымянным, стали в Москве её высотные здания.

Но он этой своей заслуги никогда и никак не выпячивал и до рекламы (о саморекламе вообще не разговор!) охоч не был. После его ареста Управляющий делами Совмина СССР Помазнев в записке в ЦК от 2 июля 1953 года писал:

«Высотные здания Берия считал своим детищем. Однажды я слышал, как он говорил, [что] другие уже десять раз фотографировались бы на фоне этих зданий, а тут строим, и ничего.»

Итак, даже нелояльный к Берии, срочно и мелко клевещущий на него, Помазнев невольно отметил личную скромность Берии.

В той же кляузе на Берию от 2 июля 1953 года Помазнев писал:

«По распределению квартир в высотном здании на

Котельниках я доложил, что просьб около 1,5 тысячи, а квартир 110. Он предложил сделать на каждую (! — *С.К.*) просьбу справку и доложить. Тут же был вызван находившийся в приемной т. Комаровский (тот самый. — *С.К.*), при котором мне было сказано, чтобы были прекращены всякие разговоры об отказе от эксплуатации университета (Управлением делами СМ СССР. — *С.К.*). По этому вопросу я с ним спорил, доказывая, что чистить уборные в университете Управлению делами не подходит. Он мне сказал, что Пономаренко, если и попросит себе это дело, ему не дадут, т. к. это здание равно капиталам Дюпона и других американских миллиардеров.»

Что ж, уже Маяковский сказал: «У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока». Теперь, через двадцать с лишним лет после того, как это было сказано впервые, после войны, после успеха РДС-1 и возведения «высоток», у Берии было ещё больше оснований испытывать чувство законной гордости и за себя, и за державу, и за её новый архитектурный символ!

ДАВНО и хорошо было сказано Сергеем Есениным: «Большое видится на расстоянье.» Вот так вышло и с московскими сталинско-бериевскими «высотками». В истории высотного градостроения они оказались отдельной и, если вдуматься, наиболее яркой, человечной и поучительной главой.

Первые небоскрёбы (русское «небоскрёб» является точной калькой с английского «skyscraper») были построены в Чикаго в 80 и 90-е годы XIX века.

С тех пор небоскрёбы лишь росли и росли ввысь. В 1995 году в Куала-Лумпуре был воздвигнут двухбашенный (по 88 этажей в каждой башне) небоскрёб «Петронас» высотой в 450 метров. В инженерном отношении это, конечно, выдающееся достижение, да и архитектура — две круглые рубчатые «свечи» впечатляет, но.

Вот то-то и оно, что имеется и «но.»

Удивить «Петронас» способен, способен и восхитить.

И восхищает.

Но согреть душу?

А вот с этим — сложнее.

Блеск мысли — пожалуйста!

А теплоты искреннего чувства почему-то нет.

Почему?

Современные небоскрёбы призваны быть «знаковыми», как ныне приспособились говорить, признаками преуспеяния, их так и называют — «престиж-билдинги».

Сталинско-бериевские «высотки» тоже, казалось бы, имеют схожую смысловую нагрузку, но в действительности здесь есть две, как говорят в Одессе, большие разницы.

Архитектуру метко называют «застывшей музыкой». И коль так, то советские «высотки» — это великие симфонии. А самые наивысочайшие «престиж-билдинги» — не более чем эффектные шлягеры.

В некотором смысле различие между советскими «высотками» и капиталистическими небоскрёбами точно выражают принципиальную разницу между целями социализма и капитализма.

Цель социализма — свободный, всесторонне развитой и образованный, а поэтому — раскрепощённый человек.

Цель капитализма — прибыль.

Сегодня в жизни мира всё более властвует тотальный кич, то есть — намеренно, подчёркнуто дурной, неразвитый, примитивный вкус, который сознательно прививают миллиардам людей для того, чтобы они не учились быть людьми.

Ведь развитой человек для мировой Золотой Элиты опасен смертельно. Он *думает* и, думая, рано или поздно придёт к мысли о том, что человечество не только может, но и должно обходиться без разного рода «элит», и особенно — без «золотой» их разновидности.

Человек, имеющий хороший вкус, никогда не наденет костюм, осыпанный дешёвой «голографической» позолотой, а дикарь будет смотреть на такое одеяние с вожделением.

В высотной архитектуре сегодня происходит нечто подобное, дикарское, а противостоят этому — самим фактом своего существования — советские сталинско-бериевские высотные здания.

Не заносчивые небоскрёбы, а гордые высотные здания.

В 1943 году Каганович писал дочери из Тбилиси:

«Вот кончим победоносно войну, наступит великая страда строительства — восстановление подло, варварски, дико разрушенных городов и сел. Пойдут годы гигантской, творческой строительной работы, десятков тысяч домов, сооружений новых заводов, парков, садов., и вот здесь великая историческая роль советских зодчих будет в том, чтобы дать социалистические города и села.

Всем архитекторам необходимо сейчас готовиться, сегодня думаем только о победе, изыскиваем способы для уничтожения врага, но сегодняшнее рождает завтрашнее, а завтрашнее после победы — это гигантское Сталинское строительство.»

Любой человек с умом и сердцем сразу уловит разницу между теми мыслями и чувствами, которые волновали Кагановича, и устремлениями тех, кто задумывает и строит «престиж-билдинги».

Причём так, как сталинский нарком Лазарь Каганович, думали и чувствовали в СССР Сталина миллионы и десятки миллионов людей. И среди них был, конечно же, великий «прораб» социализма Лаврентий Берия.

«Я памятник воздвиг себе нерукотворный.», — писал Пушкин, но он был поэтом и мог обессмертить себя словом.

Берия поэтом не был — хотя он был натурой творческой, чувствующей. Он мог обессмертить себя лишь делом, а если и словом, то лишь таким, которое сразу же становится делом. И поднявшиеся над столицей народа-Победителя «высотки» стали не только олицетворением высоких человеческих надежд миллионов людей, но и рукотворным памятником на века одному из тех, кто эти высотки над Москвой вознёс, — Лаврентию Берии.

Хотя сегодня об этом никто, по сути, из тех, кто любуется московскими «высотками», и не догадывается.

Наше Мутное времечко вызвало к жизни много уродливых, карикатурных явлений. Так, в 2004 году в антисоветской столице антикоммунистической России соорудили некий жилой комплекс «Триумф-Палас». Огромное уступчатое здание внешне повторяет контуры сталинско-бериевских «высоток», но идейно и эстетически соотносится с ними, как Мона Лиза в Лувре и её изображение на майке прыщавого юнца, как опера и «мыльная опера».

Что ж — каждому времени — свои символы.

Глава 8. После 5.03.53. Преданный своими

В ПРЕДИСЛОВИИ к этой книге я написал, что Берия всю свою жизнь шёл от победы к победе и потерпел лишь одно поражение, и оно стоило ему жизни.

Ну что же, вот и пришло время рассказать об этом, начав с того, что падение Берии было предрешено смертью, а точнее — убийством Сталина. Об этом трагическом моменте нашей истории есть ряд верных книг, из которых я особенно рекомендую читателю давнюю книгу Юрия Мухина «Убийство Сталина и Берии», недавнюю книгу Ивана Чигирина «Отец», более раннюю его же книгу о смерти Сталина, мной уже упомянутую, а также свою собственную «Зачем убили Сталина».

Убийство Сталина Хрущёвым — вначале физическое, на рубеже зимы и весны 1953 года, а затем моральное — зимой 1956 года на излёте XX съезда КПСС, создало исходные предпосылки для убийства Советского Союза осенью 1991 — зимой 1992 годов. Арест, а через какое-то время и убийство Берии стали в будущей драме советского социализма вторым актом, следующим непосредственно за первым — убийством Сталина.

Берия был предан своими, но нельзя не задаться вопросом — все ли из этих формально «своих» были и после смерти Сталина такими уж своими?

Иногда оказывается, что многое, если не всё, в судьбах государств и даже человечества зависит от нескольких людей, а то и от одного человека. Так произошло и с СССР Сталина — без Сталина он, по виду всё более усиливаясь, на деле всё более слабел.

И причин тому было две.

Об одной скажу здесь очень коротко, на второй остановлюсь подольше.

Первой причиной стало забвение высшим «хрущёвским», а затем — «брежневским» руководством СССР того очевидного факта, что по мере успехов, особенно — мировых успехов социализма, капиталистический лагерь будет усиливать и усиливать подрывную работу внутри социализма, и формы этой работы будут всё более изощряться и совершенствоваться, а цель у всего этого будет одна — падение СССР и уничтожение социализма и его достижений, особенно — в деле формирования свободного духом человека.

Второй причиной стала абсолютная новизна

социалистического строя жизни, небывалость того общества, которое народы России начали создавать под рукой Сталина, при этом только Сталин в полной мере осознал, что укрепление и развитие нового, социалистического, порядка отношений между людьми — задача настолько же плодотворная, насколько и труднейшая.

Доказательством политической и цивилизационной прозорливости Сталина стала его последняя работа, опубликованная осенью 1952 года, — «К вопросу об экономических проблемах социализма в СССР», а доказательством политической и цивилизационной близорукости и даже слепоты как его формальных преемников, так и народов СССР, стало то, что после смерти Сталина эта его работа — вершина всего предшествующего мирового социального анализа, была тут же в СССР забыта и позднее даже подвергнута осмеянию.

В мировой истории нет другого такого примера, когда один человек, лидер нации, так полно и точно был бы воплощением исторической необходимости. Как о сходной фигуре можно говорить лишь о нашем же Петре Великом, но Пётр, при всей его гениальности, был рождён на троне, он получил высшую власть и возможность преобразовывать Россию по праву рождения.

А Сталин это право обрёл в сложнейшей ситуации подъёма к возможности преобразовывать Россию из самых общественных «низов». Сталин не родился Вождём, а стал им потому, что сама жизнь показала и доказала, что Сталин безальтернативен, если Россия хочет развиваться и иметь будущее.

В 70-80-е годы Лазарь Моисеевич Каганович, знавший Сталина так, как его знал мало кто, говорил:

«Сталин никогда не заискивал ни перед кем. Это оригинальный человек, между прочим. Причём его надо брать по временам, по периодам, разный он был. Послевоенный — другой Сталин. Довоенный — другой. Между тридцать вторым и сороковым годами — другой. До тридцать второго года — совсем другой. Он менялся. *Я* видел не менее пяти-шести разных Сталиных.»

И на вопрос — в зависимости от чего менялся Сталин? — Каганович ответил: «От напряжённости работы. От напряжённости обстановки. От напряжённости борьбы».

Каганович очень точно это сказал — о разных Сталиных в разные периоды его жизни. Но вся жизнь Сталина после революции, то есть его жизнь как государственного деятеля, это и есть история СССР. Поэтому надо говорить и о нескольких СССР Сталина, причём нельзя сказать, что СССР был разным в разное время только потому, что менялся Сталин. Нет, напротив, Сталин

менялся и был в разное время разным потому, что менялся СССР, хотя страна менялась прежде всего под воздействием идей и воли Сталина.

Но и противодействие этим идеям и этой воле было огромным и весьма опасным постольку, поскольку оно было многослойным: оно существовало как внутри высшего руководства, так и в низовом антисоветском меньшинстве общества.

Говоря о последнем, надо иметь в виду, что это было действительно *меньшинство*, причём — *абсолютное* меньшинство, но в огромной стране даже *три процента* населения — это примерно *пять миллионов* человек!

Вот как непросто всё было, и коротко можно сказать так.

Когда социализм в СССР окреп, а это произошло тогда, когда в социализм поверило большинство населения, а особенно — молодые, наиболее деятельные поколения, именно Сталин понял, что дальнейшая крепость социализма будет зависеть от того, возникнут ли в обществе устойчивые и эффективные обратные связи между Властью и абсолютным большинством Народа.

Решение он видел в альтернативном характере прямых выборов по новой Конституции СССР 1936 года. Если бы в один избирательный бюллетень с первым секретарём обкома партии *обязательно* были бы вписаны рядовой инженер, колхозный бригадир и учитель средней школы, а избрать надо было одного, то партийного лидера области избрали бы *только* в том случае, если бы он пользовался уважением и авторитетом по крайней мере у половины населения области.

В результате «прозаседавшиеся» и зажравшиеся «лидеры» были бы автоматически из Власти удалены, и Советскую власть осуществляли бы и развивали бы только нужные ей и безмерно, искренне преданные ей руководители.

1 марта 1936 года Сталин дал интервью председателю американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» Рою Говарду, владельцу и редактору ежедневной газеты «New-York World's Telegram and Sun» и главе крупнейшего газетно-журнального концерна, которому принадлежало большинство акций агентства «United Press». 5 марта 1936 года это интервью опубликовала «Правда».

Среди прочих Говард задал тогда и такой вопрос:

— В СССР разрабатывается новая конституция, предусматривающая новую избирательную систему. В какой мере эта новая система может изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия?

Сталин отвечал так:

— Мы примем нашу новую конституцию, должно быть, в конце года. Как уже было объявлено, по новой конституции выборы будут всеобщими, равными, прямыми и тайными. Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая в этих условиях может быть избирательная борьба. Очевидно, избирательные списки на выборах будет выставлять не только Коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации. А таких у нас сотни.

А далее, пояснив, как он понимает всеобщие, равные, прямые и тайные выборы, Сталин сказал главное:

— Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживлённую избирательную борьбу. У нас немало учреждений, которые работают плохо. Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворить те или иные из многосторонних и все возрастающих потребностей трудящихся города и деревни. **Построил ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры…**

Это было сказано и *подсказано* Вождём народу — прямо, внятно, в главной газете страны.

5 декабря 1936 года сталинская Конституция 1936 года была принята, и началась подготовка к первым прямым (ранее они были не прямыми и неравными для рабочих и крестьян) выборам в новый высший орган государственной власти — Верховный Совет СССР.

Летом 1937 года проходил Пленум ЦК ВКП(б), где член образованной 26 мая 1937 года Комиссии Политбюро по подготовке нового избирательного закона Яков Яковлев (Эпштейн), напомнив о том, что выборы будут всеобщими, равными, прямыми и тайными, подчеркнул, что выборы — в полном соответствии с уже действующей Конституцией должны быть ещё и альтернативными!

Альтернативными!

Позднее стало нормой наличие в избирательных бюллетенях только одного кандидата, хотя Конституция допускала их несколько. Тогда же всё начиналось — первые выборы лишь предстояли, а по Конституции 1936 года правом выдвигать кандидатов в депутаты любого Совета пользовались «все

общественные организации и общества трудящихся: коммунистические партийные организации, профессиональные союзы рабочих и служащих (а их, если считать отраслевые профсоюзы, был не один десяток! — *С.К.*), кооперативные организации, молодежные организации, культурные общества.», а также — общие собрания на предприятиях, в колхозах, совхозах и воинских частях!

Яковлев говорил:

— Конституция СССР предоставляет каждой общественной организации и обществу право выставлять кандидатов в Верховный Совет СССР. Эта статья имеет огромное значение, она внесена по предложению товарища Сталина. Её цель развить, расширить демократию. Эта статья обеспечивает подлинный демократизм на выборах.

И дальше Яковлев конкретизировал общий тезис:

— На окружные избирательные комиссии возлагается обязанность зарегистрировать и внести в избирательный бюллетень по соответствующему округу всех без исключения кандидатов в Верховный Совет, которые выставлены общественными организациями и обществами трудящихся.

При этом уже готовились образцы избирательных бюллетеней с несколькими фамилиями.

РЯД современных исследователей считает, что именно последний факт всполошил влиятельных региональных партийных «лидеров» типа Хрущёва, Постышева и Эйхе, и они-де спровоцировали Сталина на репрессивную операцию 1937 года, которая захватила и 1938 год. В итоге выборы в 1937 году прошли не на альтернативной основе.

При всей правомочности такого вывода его нельзя признать единственным, объясняющим причины массовых репрессий 1937–1938 годов. Он верен, но — неполон, и его надо дополнить, во-первых, в той части, что возможность выдвинуть альтернативного кандидата(ов) не только испугала партийных шкурников, но и активизировала весь спектр антигосударственных и антиобщественных сил — от церковников и бывших кулаков до троцкистов и «правых».

Сталин не мог этого, естественно, не предвидеть, но угроза оказывалась более значимой, чем это казалось вначале, да и разного рода эйхе её, надо признать, раздували.

Конечно, антисоветский Верховный Совет СССР от этой угрозы не становился возможным — абсолютное большинство народа было искренне за Сталина, за социализм и Советскую власть. Но крикливая «оппозиция» новой стране тоже не была нужна — приходило время не дискуссий, а согласованной работы,

тем более что уже пахло мировой войной.

Свою роль сыграло, во-вторых, и раскрытие достаточно обширного военного заговора Тухачевского в мае 1937 года. А от этого заговора потянулись нити к троцкистам и «правым», и круг этот всё ширился и ширился — не в вымыслах НКВД, а в реальности.

Думаю, ошеломлённый открывающейся картиной неожиданного предательства вроде бы своих же, Сталин и решился на проведение превентивной репрессивной операции, а она стала вскрывать гнойник за гнойником как в «верхах», так и в «низах».

То есть подлинным «спуском» сжатой «пружины» явились прежде всего военные и штатские Тухачевские, якиры и уборевичи.

А ошибки и перегибы?

Что ж, пусть за меня ответит Молотов. В 1964 году, после снятия Хрущёва, он направил в ЦК КПСС несколько интереснейших и обширных писем, в одном из которых писал прямо:

«Мы рубили лес, и летели щепки.

Были ли ошибки? Ещё раз повторяю, что были. И главнейшей из ошибок Сталина и всего Политбюро того времени я считаю тот непреложный для меня факт, что они *переоценили* в какой-то мере *качество* нашего и государственного и партийного аппарата, переоценили нашу собственную революционную сознательность и совесть. Они полагались на нас, а мы, и в немалом числе, оказались заражёнными элементами карьеризма, сведения личных счётов, и, зачастую, самой обыкновенной политической близорукости».

Выше приведены поразительно искренние и точные слова, однако надо не забывать, что Стране Советов тогда было всего-то двадцать лет от роду, и ещё недавно Маяковский писал: «Моя страна — подросток.»

Могло ли только осознающее себя, только создающее, *нащупывающее* себя общество не ошибаться даже в крайне серьёзных вещах?! И очень показательно в тексте Молотова это смешение «мы» и «они». Ведь под молотовским «мы» нередко надо понимать «они» и, наоборот, под «они» — «мы». А объясняется это тем, что Молотов понимал всю сложность тех процессов, когда порой в одном и том же человеке боролось высокое, идейное и мелкое, шкурное, и далеко не всегда побеждало первое.

При всём при том Вячеслав Михайлович, конечно же, не отрицал неизбежности и необходимости — по словам самого Молотова — «беспощадной и трудной борьбы по уничтожению

агентуры капитализма, агентуры войны в нашей собственной стране».

12 декабря 1937 года прошли первые выборы в Верховный Совет СССР. Как уже было сказано — безальтернативные. Идея несостоявшихся альтернативных выборов не стала известной широким массам, однако некий её отголосок прозвучал в речи Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 11 декабря 1937 года, на следующий день опубликованной в «Правде».

Он говорил тогда так:

«**Я** хотел бы, товарищи, **дать вам совет** , совет кандидата в депутаты своим избирателям. Если взять капиталистические страны, то там между депутатами и избирателями существуют некоторые своеобразные, я бы сказал, довольно странные отношения. Пока идут выборы, депутаты заигрывают с избирателями, лебезят перед ними, клянутся в верности, дают кучу всяких обещаний. Выходит, что зависимость депутатов от избирателей полная. Как только выборы состоялись и кандидаты превратились в депутатов, отношения меняются в корне. Вместо зависимости от избирателей получается полная их независимость. **На протяжении четырёх или пяти лет, то есть до новых выборов, депутат чувствует себя совершенно свободным, независимым от народа, от своих избирателей** . Он может перейти из одного лагеря в другой, он может свернуть с правильной дороги на неправильную, он может запутаться в некоторых махинациях не совсем потребного характера, он может кувыркаться как ему угодно — он независим».

«**Можно ли считать такие отношения нормальными? Ни в коем случае, товарищи! Это обстоятельство учла наша Конституция, и она провела закон, в силу которого избиратели имеют право досрочно отозвать своих депутатов, если они начинают финтить, если они свертывают с дороги, если они забывают о своей зависимости от народа, от избирателей** ».

По крайней мере, до городов, где жила наиболее сознательная часть избирателей, свежая «Правда» доходила уже наутро, так что речь Сталина оказывалась некой подсказкой людям, собирающимся идти на выборы, прямым советом народу через головы нарождающейся «партоплазмы».

Но тогда не эта «партоплазма» определяла суть процессов, происходящих в стране.

Вторые плановые выборы в Верховный Совет должны были пройти в декабре 1941 года, но в те дни, как и позднее, было не до выборов. Однако сама идея введения реальных обратных

связей путём альтернативных выборов Сталиным в архив сдана не была.

ЧИТАТЕЛЬ, которому показалось, что я ушёл от темы Берии весьма в сторону, ошибается. Здесь всё выходит одно к одному!

К 1952 году широкой *политической* базы для опасных политических заговоров против Советской власти уже не было — для того чтобы она появилась вновь, врагам России понадобилось около сорока лет кропотливой «селекционной» и подрывной работы внутри СССР.

Однако сформировалась весьма опасная для России «*номенклатурная*» база, состоящая из той части партийного и государственного аппарата, которая превратилась в чиновников с кувшинными рылами и рыбьей душой. Ведь новое общество было ещё очень молодо, несовершенно, а к тому же во время войны Советская власть лишилась нескольких миллионов молодых, активных и образованных, строителей социализма, и образовавшиеся пусто ты заполняли далеко не всегда достойные.

Сталин (и я уверен — Берия тоже) видел всю потенциальную опасность ситуации. На XIX съезде партии в октябре 1952 года Сталин — устами своего личного секретаря А.Н. Поскребышева — сказал весьма грозные слова. Вот что говорил на съезде заведующий Особым сектором ЦК ВКП(б):

«Есть у нас, к сожалению, среди партийных и советских работников (sic! Хозяйственные работники не упомянуты. — *С.К.*) такие, которые почему-то уверены в том, что законы обязаны исполнять не они, а кто-то другой, а что они сами могут обходить законы, нарушать или применять их по своему усмотрению по принципу: «Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло». От такого весьма странного понимания законов всего один шаг к… преступлению. <…> Иные руководители почему-то считают, что критиковать дозволено только своих подчинённых, а подчинённые, видите ли, не вправе критиковать свое начальство. Это. ничего общего не имеет с партийностью. Руководитель., ограждающий себя от критики, заведомо роет пропасть между собой и массами…

Критику и самокритику не уважают лишь люди с нечистой совестью, это либо нарушители партийной и государственной дисциплины, либо презренные трусы, либо жалкие обыватели, недостойные носить высокое звание члена партии.»

Конечно же, Поскребышев — всегда подчёркнуто незаметный, ничего подобного по своей инициативе не сказал бы! А это было не всё — дальше следовали ещё более многозначительные слова (жирный курсив мой. — *С.К.*):

«Имеются. случаи, когда некоторые вельможные чиновники,

злоупотребляя своей властью, учиняют расправу за критику, прямо или косвенно подвергают подчиненных репрессиям и преследованиям.

Но всем известно, как строго карает таких вельмож наша партия и её Центральный Комитет, не считаясь при этом ни с чинами, ни со званиями, ни с прошлыми заслугами.»

Итак, Слово было сказано.

Устами Поскребышева Сталин не угрожал, не пугал. Он предупреждал. Но предупреждал всерьёз, по-сталински. То есть, во-первых, сдержанно — потому он и поручил сказать то, что было сказано, другому. Во-вторых, — весомо, напоминая, что у товарища Сталина за словами следуют дела.

И можно было не сомневаться, что вся шкурная «партоплазма» — и сидящая в зале, и орудующая вне его стен — поняла Сталина верно. Конечно, расстрелы ей теперь не угрожали, но и просто расстаться с тёплым руководящим креслом не желал никто. А дело кое для кого шло именно к тому.

Причём пахло отставкой и для министра ГБ Игнатьева, близкого к Хрущёву, и ддя самого Хрущёва.

То есть Сталин был обречён — вопрос был лишь в том, когда конкретно хрущёвцы рискнут его устранить. И дату своей смерти определил сам Сталин — в понедельник, 2 марта 1953 года, должно было состояться расширенное заседание Президиума ЦК КПСС, решения которого изменили бы многое и для многих.

Однако 2 марта отравленный Сталин был уже при смерти. Официально его кончина была зафиксирована 5 марта 1953 года.

Сталин пал, и 9 марта состоялись его государственные похороны.

А Берия?

Что ж, мог ли не быть обречён на заклание после смерти Сталина и его наиболее деятельный и самобытный соратник, не терпящий *перекладывателей бумаг* любого рода: партийных и советских аппаратчиков, профсоюзных «деятелей», возомнивших о себе высших военных, лощёных «мидовцев» и «внешторговцев», вкусивших «европ» и «америк»?..

15 МАРТА 1953 года открылась 4-я сессия Верховного Совета СССР, которая утвердила кадровые назначения, проведённые в связи со смертью Сталина.

Перед XIX съездом состав Политбюро ЦК ВКП(б) был следующим:

Андреев, Ворошилов, Каганович, Микоян, Молотов, Сталин, Хрущёв (все — члены ПБ с 22.3.1939 г.); Берия, Маленков (члены ПБ с 18.3.1946 г.); Булганин (член ПБ с 18.2.48); Косыгин (член ПБ с 4.9.1948 г.).

После XIX съезда вместо Политбюро ЦК ВКП(б) был образован Президиум ЦК КПСС, а внутри него — ещё и Бюро Президиума ЦК. В состав Бюро Президиума ЦК, ставшего чем-то вроде упразднённого Политбюро, вошли Сталин, Берия, Булганин, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров и Хрущёв.

Андреев, Ворошилов, Молотов, Микоян из высшей руководящей «команды» выпали — их деловой потенциал для Сталина исчерпался.

5 марта 1953 года, когда о смерти Сталина ещё не было объявлено, на совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР Председателем Совета Министров СССР вместо Сталина был избран Маленков, а первыми его заместителями: Берия, Молотов, Булганин и Каганович.

Ворошилов стал формальным главой государства, заменив на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР Шверника, «рекомендованного» председателем ВЦСПС.

Молотов был вновь назначен министром иностранных дел СССР вместо Вышинского, Булганин стал вновь военным министром вместо маршала Василевского при первых заместителях маршале Василевском и маршале Жукове.

Микоян вновь возглавил всю торговую сферу в виде объединённого Министерства внутренней и внешней торговли.

Бывший Председатель Госплана СССР Сабуров возглавил новое супер-Министерство машиностроения, а Первухин — объединённое Министерство электростанций и электропромышленности СССР.

Председателем Госплана СССР стал Косяченко.

В сфере руководства партией фактически произошёл возврат к старому Политбюро ЦК, потому что Президиум ЦК сократился с 25 членов при 10 кандидатах в члены Президиума до 11 членов при 4 кандидатах.

Членами Президиума ЦК были утверждены 5 марта 1953 года: Сталин (реально уже умерший), Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущёв, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров и Первухин.

Фактически партию вместо Маленкова возглавил секретарь ЦК Хрущёв. Было признано «необходимым», чтобы «тов. Хрущёв Н.С. сосредоточился на работе в Центральном Комитете КПСС».

Берия возглавил МВД СССР, объединённое с МТБ СССР. Первым заместителем Берии остался бывший МВД, старый — довоенный ещё, «кадр» Берии Круглов. До НКВД он работал, впрочем, в ЦК у Маленкова, так что мог считаться и его «кадром». Бывшего МГБ Игнатьева пригрел у себя в ЦК Хрущёв.

К началу весны 1953 года Сталин уже полностью сложил для себя в нечто единое целое все элементы политической «мозаики» — как внешние, так и внутренние.

Он убедился в том, что «холодная война», провозглашённая Черчиллем и непрерывно расширяемая Трумэном, начинает достигать своего системного пика. Причём впервые в мировой истории ни одна из сторон не могла перевести войну двух мировых лагерей из «холодной» фазы в «горячую» без риска получить — говоря языком более поздних времен — неприемлемый для себя ущерб.

Обе стороны уже имели атомное оружие, а США 1 ноября 1952 года испытали в Тихом океане первое в мире термоядерное устройство «Майк» с мощностью в 10 мегатонн, то есть — в 10 миллионов тонн тротилового эквивалента. Правда, это было сооружение весом в десятки тонн, но и без термоядерной (водородной) бомбы Америка по количеству и суммарной мощности ядерного арсенала сильно обошла. Россию. 16 ноября 1952 года США в испытании «Кинг» успешно взорвали транспортабельную атомную бомбу с тротиловым эквивалентом в несколько сотен тысяч тонн, то есть уже имели *атомные* бомбы такой мощности, которую Курчатов и Берия обещали обеспечить лишь в *водородной* бомбе РДС-6с. Её испытание было намечено на август 1953 года.

Так или иначе, возникал «ядерный пат», и наиболее вероятным и выигрышным для Запада — Сталин понимал это, становился не «горячий», а «холодный» вариант постепенного разрушения социализма за счёт внутренней подрывной работы в лагере социализма, направляемой и координируемой извне.

«Бомбы» не атомные, не водородные, а идеологические, пропагандистские.

Плюс — «пятая колонна».

Предстояла борьба Мирового Добра и Мирового Зла за умы и души людей на планете, и первый серьёзный сталинский удар в *этой* войне Сталин уже обдумал и был готов его нанести 2 марта 1953 года.

Лишить врага народов и свободы — империализм, его внутренней агентуры в СССР, и лишить не путём чисток по образцу 1937–1948 годов, а путём скорого и решительного избавления советского общества от переродившейся и шкурной части руководства.

Лишить шкурников и барахольщиков возможности влиять на общество — вот каким был замысел этого сталинского удара. Из руководящих кресел должны были быть вычищены самодуры, бюрократы, разгильдяи, бездари и рвачи.

А среди них автоматически оказались бы многие из уже имеющихся или потенциальных членов «пятой колонны».

Неожиданная смерть Сталина смешала все карты и перекроила все планы как самого Сталина, так и его соратников.

И БЫСТРО стало ясно, что осознанную программу развития России без Сталина имеет лишь Берия. До его падения оставалось немногим более трёх месяцев, однако история «Ста дней» Берии — это история непрерывных его инициатив. Он имел конкретные предложения во всех важнейших сферах, то есть в области государственного управления; экономики; оборонной политики; внутренней общегосударственной и национальной политики; внешней политики.

Практически все предложения требовали действий и уже поэтому не могли не раздражать более инертных и менее талантливых коллег Берии.

26 марта 1953 года Берия предложил амнистировать около миллиона человек из числа вполне конкретных категорий заключенных, а именно: осуждённых на срок до 5 лет; осуждённых — независимо от срока наказания — за должностные, хозяйственные и некоторые воинские преступления; женщин, имеющих детей до 10 лет, и беременных женщин; несовершеннолетних в возрасте до 18 лет; пожилых мужчин и женщин и больных, страдающих тяжёлыми неизлечимыми недугами.

Замечу в скобках, что такой контингент освобождаемых никак не мог породить мощную «волну насилия».

Между прочим, эта инициатива, была не только гуманна, но и рациональна. От многих из тех, кого Берия предлагал освободить, особых трудовых свершений ждать не приходилось, а содержать и кормить их надо было.

Берия предлагал и вообще смягчить уголовное законодательство в части хозяйственных и других менее опасных преступлений. Это тоже было разумно — зачем пропускать через «университеты» заключения не очень оступившихся и потенциально законопослушных граждан?

13 мая новый МВД подаёт ещё одну объёмную записку в Президиум ЦК КПСС, где, кроме прочего, говорилось:

«т. Маленкову Г.М.

<.>

В настоящее время в Советском Союзе паспортные ограничения распространяются на 340 режимных городов, местностей, железнодорожных узлов, а также на пограничную зону вдоль всей границы страны шириной от 15 до 200 километров.

Таким образом, если взглянуть на карту СССР, то можно видеть, что вся страна пестрит режимными городами и различными запретными зонами, где запрещено проживать гражданам, имеющим судимость и отбывшим наказание.

При существующем положении граждане, отбывшие наказание в местах заключения или ссылки и искупившие тем самым свою вину перед обществом, продолжают испытывать лишения и обречены на мытарство.».

20 мая 1953 года на заседании Президиума ЦК КПСС было принято постановление, которым утверждался проект постановления Совмина СССР, разработанный Берией и снимающий паспортные ограничения.

Ещё до этого Берия принялся за новую, просто-таки революционную в некотором смысле, крупную реформу МВД, принципиально меняющую суть деятельности министерства, которое к тому времени было не только «силовым», но и промышленным. Но 17 марта 1953 года в записке в Совмин Берия предложил передать из МВД в ведение других (чисто промышленных. — *С.К.*) министерств главные производственно-хозяйственные управления, строительные управления, промышленные предприятия со всеми входящими в их состав промышленными и строительными подразделениями, служебными помещениями, подсобными хозяйствами, научно-исследовательскими и проектными учреждениями, с материальными ресурсами.

То есть Берия был намерен свернуть хозяйственную деятельность МВД, чтобы сосредоточиться на таких задачах МВД, которые ему были наиболее свойственны системно.

Более того — **Министр внутренних дел СССР Берия отказывается от ГУЛАГа** — его в своё ведение получает министр юстиции Горшенин. 28 марта 1953 года по предложению МВД принимается постановление Совета Министров СССР «О передаче из Министерства внутренних дел СССР в Министерство юстиции СССР исправительно-трудовых лагерей и колоний».

За МВД остаются лишь особые лагеря и тюрьмы, где содержались «особо опасные государственные преступники, осуждённые к лишению свободы: шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, правые, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты.».

21 марта 1953 года Берия направляет в Президиум Совмина СССР записку с предложениями о прекращении строительства или ликвидации 20 крупных объектов, «осуществление которых в ближайшее время не вызывается неотложными нуждами народного хозяйства», типа тоннеля под Татарским проливом с

материка на Сахалин.

Это экономило силы и средства, более нужные в других местах.

Тут надо, правда, кое-что пояснить.

Сворачивание по инициативе Берии ряда проектов иногда подают как отказ от амбициозных сталинских прожектов, от сталинской «хозяйственной гигантомании, густо замешенной на экономическом скудоумии». Мол, пока был жив «диктатор», замахнуться на это было равносильно самоубийству, но после его смерти.

Не так всё это. Берия не для проформы ведь отметил, что предлагается свернуть те проекты, осуществление которых *в ближайшее время* не вызывается неотложными нуждами народного хозяйства, но. Но Сталин, как это ни удивительно, в своих замыслах не ошибался почти никогда, и многие из тех проектов, которые Берия свернул, в будущем могли быть разумны.

Так, Сталин очень был настроен максимально развивать железнодорожные коммуникации на Севере, причём — в широтном направлении. Одним из таких проектов была железная дорога Салехард — Игарка.

Берия до войны по линии НКВД, после войны по линии Совмина с этим строительством был знаком хорошо и лучше кого-либо сознавал всю техническую сложность такого строительства в условиях вечной мерзлоты. Но замысел был с большой перспективой, так что прав был и Сталин, настаивая на дороге, и Берия, её временно свернувший.

Думаю, с течением времени Берия вернулся бы к этому проекту, но Берия был убит, и после за десятилетия в СССР не было построено ни одной железной дороги на всём бескрайнем Крайнем Севере.

А жаль.

Что же до инициатив Берии весны 1953 года, то я далеко не завершил предельно краткое их описание, причём некоторые из них были и вовсе поразительными!..

СКАЖЕМ, установившееся в стране портретопочитание с годами всё более стало походить на иконопочитание. И 9 мая 1953 года по инициативе Берии принимается Постановление Президиума ЦК КПСС «Об оформлении колонн демонстрантов и зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных торжественных праздников». Постановление предписывало Секретариату ЦК КПСС в двухнедельный срок представить проект постановления ЦК и Совмина, исходя из следующего:

«.отказаться от оформления портретами колонн демонстрантов, а также зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных праздников., отменить практику провозглашения с правительственной трибуны призывов, обращённых к демонстрантам».

Как только Берия был арестован, это решение тут же отменили!

Но это было так — деталью… Существеннее и опаснее для «партоплазмы» было то, что в сфере государственного управления Лаврентий Павлович брал чёткий курс на перенос центра управления экономической и хозяйственной деятельностью, включая масштабные оборонные проекты, из ЦК КПСС в Совет Министров СССР.

Собственно, вся наиболее перспективная оборонная, например, работа и так уже велась в рамках деятельности Спецкомитета при Совмине СССР.

Могло ли это понравиться Хрущёву и региональным партийным секретарям?

Не больший энтузиазм вызывала и линия Берии на устранение перекосов в национальной политике Центра в Западных Украине и Белоруссии и в Литве. В очередной записке в ЦК он писал, имея в виду Западную Украину, что «бестолковое применение репрессий лишь вызывает недовольство населения».

При этом Берия считал важнейшей задачей опору на лояльные национальные кадры в этих трёх «горячих» западных регионах.

Крупный генерал НКВД, бывший разведчик Павел Судоплатов, знавший национализм как свои пять пальцев, после смерти Сталина привлекался Берией к подготовке аналитических записок с детальным анализом ошибок партийных организаций и органов госбезопасности в борьбе с националистическим подпольем на Украине и в Литве. И Судоплатов потом писал, что Берия считал: на руководящие должности надо ставить местных, а в заместители им назначать приезжих.

«.Его заботила проблема воспитания нового поколения национальной интеллигенции, для которой были бы по-настоящему близки социалистические идеалы», — сообщал Судоплатов в 1997 году!

Берия всегда очень точно выстраивал приоритеты и задачи. Западные Украина, Белоруссия и Прибалтика были наиболее молодыми «советскими» территориями в СССР, к тому же и националисты там были особо деятельны и опасны. Поэтому применительно к ситуации там Берия делал упор на создании таких национальных кадров, которые работали бы на всё

возрастающую и всестороннюю интеграцию регионов с СССР.

А, скажем, для восточных республик насущной становилась задача удержания в общесоюзной орбите уже имеющихся там национальных кадров, и Берия выдвигает богатую идею введения кроме союзных орденов ещё и республиканских орденов великих людей национальных республик — в Азербайджане Низами, в Узбекистане — Навои и т. д.

Впрочем, это были дела внутренние, «домашние». Но Берия был не менее активен и в сфере внешней политики — так, он настаивает на нормализации отношений с Ираном и Югославией, на сворачивании войны в Корее.

Выдвигает он и идею отказа от форсирования строительства социализма в Германской Демократической Республике. И за Германию ему позднее досталось особо, но об этом я скажу отдельно.

ПОСЛЕДНЕЙ крупной, вполне системно разработанной, но так и не реализованной идеей Берии стало его намерение реорганизовать МВД.

После того как Лаврентий Павлович был арестован, «обиженный» им (был понижен до поста начальника областного управления МВД по Львовской области) генерал Строкач обвинял бывшего «шефа» в том, что он-де на одном из совещаний после своего возвращения в МВД сказал, обращаясь к Мешику: «Нам нужны хорошие работники, чекисты, а не такие люди, которые только с трибун умеют болтать: «Ленин — Сталин».

Типичный партократ Игнатьев подобными «работниками» наводнил и центральный, и периферийный аппараты МВД, и теперь Берия чистил «игнатьевские» «конюшни». Скажем, ему позднее ставили в вину массовый отзыв из-за гранипы легальных резидентов внешней разведки. Но ведь многие из них не знали не то что языка страны пребывания, но вообще ни одного иностранного языка!

Да, менять надо было многих и многое.

Избавившись от производственной деятельности, МВД по замыслу Берии должно было стать эффективно функционирующим комплексным силовым ведомством по охране государственной и общественной безопасности, охране государственных границ СССР, охране общественного порядка, борьбе с уголовной преступностью, с сохранением обязанностей по противопожарной безопасности, регистрации актов гражданского состояния, государственному геодезическому контролю, и т. п., включая «выполнение специальных заданий правительства СССР».

Не была забыта и задача «подбора, подготовки и

переподготовки оперативных кадров, воспитания всего личного состава Министерства в духе беззаветной преданности делу партии Ленина — Сталина, честности, правдивости и высокой дисциплинированности».

Такое МВД могло бы — при своём естественном развитии — стать структурой, очень эффективно служащей интересам общества, — чем-то вроде так и не ставшего серьёзной силой Наркомата Рабоче-Крестьянской Инспекции (Рабкрина), о деятельной работе которого мечтал Ленин.

Сына Берии Серго Берия не всегда можно рассматривать как источник достоверной информации, но я верю ему, когда он утверждает, что его отец «как специалист, считал, что МВД должно информировать министерства и ведомства, помогать им в решении тех или иных конкретных вопросов».

Серго Берия писал:

«Располагая колоссальными возможностями, МВД республик могли стать аналитическими органами и работать в интересах народного хозяйства. Партийный аппарат, который всегда всё знал, никогда не давал полной картины происходящего. А МВД такой объективный анализ был по силам.

— Не с пистолетом надо гоняться, а головой думать, — говорил отец».

Тут всё очень похоже на правду, потому что — разумно. Региональному партийному аппарату было удобнее давать вышестоящим органам лишь положительную, отлакированную информацию. А органы МВД, напротив, были заинтересованы в подаче «наверх» не просто полных объективных данных о ситуации в регионе, но, прежде всего, «негатива» — для того и поставлены, чтобы быть «государевым оком».

Берия заботился о деле, однако самое первое лживое официальное обвинение, которое было высказано в адрес Берии после его ареста, — это «попытка поставить МВД над партией».

ПОЧЕМУ Берия был так активен, почему он буквально фонтанировал предложениями, деловыми записками?..

Я свои соображения на этот счёт выскажу, но вначале обращу внимание читателя вот на что.

Если вдуматься, то можно понять, что уже факт огромной активности Берии убедительнейшим образом доказывает полное отсутствие у него каких-либо намерений произвести некий «переворот».

Во-первых, потенциальный заговорщик будет вести себя до того, как заговор подготовлен и проведён, тише воды, ниже травы. Зачем зря гусей-то дразнить?

Берия же вёл себя прямо противоположно.

Во-вторых, если бы Берия готовил переворот, то разумной линией было бы придержать все инициативы до того, как Берия станет главой государства. Ведь все, абсолютно все инициативы Берии имели явный потенциал создания всеобщей популярности в народе для того, кто эти инициативы выдвинет и реализует!

Берия же всё проводил через ЦК и Совмин, и всё новое и положительное, что начиналось в стране, оказывалось обезличенным — в рамках концепции «коллективного руководства».

А так всё шло бы «в зачёт» «верному продолжателю дела великого Сталина, товарищу Берии».

Главное же: Берия не мог не понимать, что в той стране, которую мы имели к 1953 году, никакой открытый *личный* переворот не возможен! Страна была уже не та, никакого единоличного «узурпатора» она не приняла бы и не потерпела — хотя бы в лице вооружённой части народа.

Другое дело — проведённый «тихой сапой» *коллективный* переворот, проведённый большинством руководства *против одного* лица — как это проделал Хрущёв по отношению к Берии. Такой переворот мог быть успешным, что на деле и произошло.

Лишним подтверждением как непричастности Берии к смерти Сталина, так и отсутствия у него планов «заговора» оказывается и свидетельство вдовы Л.П.Берии — Нино Берия. В июле 1990 года в интервью грузинской газете «7 дгэ» она заявила:

«Я знала своего мужа: он был человеком практического ума и понимал, что после смерти Сталина стать грузину главой государства — дело невозможное. Поэтому, наверное, он пошёл навстречу нужному ему человеку, такому, как Маленков».

Это ведь так и было! И все версии о заговоре — или досужая болтовня, или злостная клевета.

Но если Берия не спешил к некоему «часу «Ч»», то почему всё же он был так неудержимо, разнообразно и непрерывно инициативен?

Что — нельзя было, что ли, быть чуть сдержанней, быть менее напористым и разнообразным?

Но то-то и оно, что человек дела органически не может работать вполсилы. Берия работал всегда в полную силу, а в пятидесятые годы как хозяйственный и оперативный руководитель начинал уже перерастать Сталина. И когда Сталина не стало, те идеи, которые Сталин придерживал бы, из Берии, что называется, «попёрли».

Много ведь накопилось после войны такого, что надо было или изменять, или отменять.

И вот тут сам собой напрашивается вопрос: а одобрил бы

Сталин, восстань он из гроба, всё, что предложил и успел сделать Берия без Сталина?

Лично у меня ответ может быть один — да!!

Более того, чем внимательнее я всматриваюсь в тот переломный период нашей истории, тем чаще прихожу к мысли — а не были ли многие инициативы, которые пришлось выдвигать Берии, задуманы и обдуманы уже Сталиным?

Не потому ли так сложно было отвергать эти инициативы остальным, что сталинские соратники — кто догадывался, а кто и знал, что всё, или почти всё, что предлагает Лаврентий, это реализация намерений самого Сталина?

В подтверждение такой версии приведу здесь лишь одно соображение.

Примерно через неделю после ареста Берии в Москве без объявления в печати с 2 по 7 июля 1953 года проходил Пленум ЦК КПСС, где о Берии доброго слова сказано не было, зато уж грязи и лжи на него были вылиты не ушаты, а цистерны.

Одним из обвинений было и якобы намерение Берии провести чуть ли не реставрацию капитализма в ГДР.

Берия действительно смотрел на ситуацию в ГДР трезво — трезвее и вернее самих руководителей ГДР, и на перспективы форсированного социалистического развития ГДР смотрел скептически. Он считал, что даже при наличии подкармливаемой по плану Маршалла Федеративной Республики Германия и финансировании Америкой экономического и социального развития ФРГ, успешный социализм в ГДР возможен, но при умной и очень постепенной политике руководства и СССР, и ГДР.

Молотов тогда закусил удила, но у Берии в «германском» вопросе был некий авторитетный единомышленник, хотя поддержать Берию он уже не мог.

И единомышленником этим был не кто иной, как. Сталин. 7 апреля 1952 года Сталин подписал ноту Правительства СССР правительству США по вопросу о мирном договоре с Германией. А ещё раньше — 10 марта 1952 года в ноте в адрес США, Великобритании и Франции сталинский Советский Союз предлагал выработать мирный договор «при непосредственном участии Германии в лице общегерманского правительства» после свободных общегерманских выборов и при гарантии последующего нейтралитета Германии (то есть невхождения объединённой Германии в НАТО).

Приведу, впрочем, ещё одно соображение в пользу версии о «сталинском» происхождении постсталинских инициатив Берии.

Сегодня есть все основания утверждать, что если бы Сталин провёл 2 марта 1953 года тот Президиум ЦК КПСС, который он

провести не смог, то на этом Президиуме не только Игнатьев был бы снят с МГБ, но и Берия получил бы новое назначение — в объединённое с МГБ Министерство внутренних дел СССР.

Берия стал министром объединённого МВД после смерти Сталина, но он стал бы им и в том случае, если бы Сталин остался жив!

Кому, как не Берии, было в очередной раз разгребать чужие грехи?!

И если так, то могли ли Сталин и Берия не обговорить — хотя бы в общих чертах, в основном, — пути реформирования МВД и характера его деятельности? Причём и, по крайней мере, Маленков не мог в таких обсуждениях не участвовать.

Да и Хрущёв.

И Булганин.

В Журнале посещений кремлёвского кабинета Сталина зафиксирован ряд доверительных бесед в конце 1952 — начале 1953 года в узком составе: «Берия, Маленков, Булганин, Хрущёв», «Берия, Маленков, Хрущёв», «Берия, Маленков, Булганин».

Так, 15 декабря 1952 года Сталин провёл совещание по вопросам МГБ. С 20.30 до 21.35 у него были Берия, Маленков, Булганин, Хрущёв, секретари ЦК Михайлов, Брежнев, Аристов, МГБ Игнатьев и его замы Огольцов, Гоглидзе, Рясной и Питовранов.

Но в 21.35 вся «молодёжь» удалилась, а первая «четвёрка» оставалась у Сталина до 23.00. О чём был разговор, как не о том, как надо реформировать МГБ, и прочем подобном?

Два последних в своей жизни совещания в кремлёвском кабинете Сталин провёл 16 и 17 февраля 1953 года с тремя: Берией, Маленковым и Булганиным.

А ведь были же ещё и кремлёвская квартира Сталина, и ближняя дача, где

Сталин не только жил, но и работал.

Между прочим, работая над книгой, я созвонился с Ричардом Ивановичем Косолаповым, крупным советским обществоведом и философом, и поинтересовался его мнением — могли ли постсталинские инициативы Берии быть обговорены им ещё со Сталиным?

И такой авторитетный эксперт по той эпохе, как профессор Косолапов, ответил, что подобное предположение вполне имеет право на существование и более того — верно.

ТАК или иначе, но государственная деятельность Лаврентия Берии была резко, неожиданно и предательски прервана 26 июня 1953 года, когда он был арестован в Кремле, а по уверениям ряда историков — убит у себя в особняке.

О последней версии — чуть позже, а сейчас скажу, что, пожалуй, вполне символично и характерно для жизни и судьбы Лаврентия Павловича Берии то, что в свой последний «державный» день, ставший и днём его падения, он успел подписать свой последний официально зарегистрированный государственный документ.

Это было Распоряжение Совета Министров СССР № 8532рс об утверждении проектного задания на строительство завода «СУ-3» комбината № 813, включая «реконструкцию цехов ревизии машин и КИП, а также культурно-бытовое строительство объемом 7,3 тыс. м3 с общей сметной стоимостью 406 млн руб. в ценах, введённых с 1 июля 1950 г.».

Берия жил, трудясь для мощи и расцвета Большой Страны, и ушёл, санкционировав очередной проект, усиливающий её мощь, но, как оказалось, уже без него.

Затем началось то заседание Президиума ЦК, которое стало для него последним и на котором было принято решение — явно ещё с участием Берии — об образовании на базе 1 и 3-го ГУ при СМ СССР нового «атомного» Министерства среднего машиностроения СССР.

И это было уж точно последнее «прощай» тому делу № 1, в котором Берия сыграл такую выдающуюся и волнующую роль.

Как видим, он до последних часов своей общественной жизни был созидателем, и последние его действия как государственного деятеля были устремлены в будущее.

Затем он был арестован.

Да, Берия — в том не может быть при объективном анализе никаких сомнений — был арестован в Кремле группой военных из войск ПВО и помещён в подвальный бункер в здании Московского военного округа ПВО.

Оттуда он направил в адрес ЦК три письма — 28 июня, 1 июля и 2 июля 1953 года. Первые два были адресованы Маленкову, причём второе было обширным, и уже в тексте содержались отдельные обращения также к Ворошилову, Хрущёву, Булганину, Кагановичу и Микояну, Первухину и Сабурову.

Юрий Мухин и вслед за ним ряд других, вполне лояльных к памяти Берии исследователей считает эти письма подложными, а грузинский биограф Берии — Заза Цквитария в неплохой книге «Берия без джи» оценивает эти письма из бункера как большого интереса не представляющие.

Но это до грустного неверно.

Письма, вне сомнений, подлинные, и они заслуживают самого пристального внимания и анализа. Кроме Берии таких

писем, включая огромное письмо от 1 июля, никто написать не сумел бы.

И суть даже не в стиле — просто в этом письме содержится множество таких конкретных деталей, которые мог тогда знать только сам Берия и его адресаты — Маленков и т. д. Так что, письмо от 1 июля — плод «коллективного разума» всего Президиума ЦК КПСС?

Помилуйте, но до такого маразма бывшие сотрудники Сталина не доходили — даже Хрущёв.

Уже эти три письма опровергают все уверения Серго Берии и прочих о якобы имевшем место быть штурме во Вспольном переулке особняка Берии, в ходе которого он был убит.

Должен заметить, что в той коллективной «Бериаде», которая сегодня насчитывает книги около десятка авторов, *я* особо выделяю — за качество анализа книгу о Берии Алексея Топтыгина. Одной из причин является то, что я познакомился с его книгой — так уж вышло — уже после того, как была практически закончена моя первая, «капитальная», книга о Берии, и был просто-таки поражён тем, как схожи обе книги по структуре, хотя писались совершенно независимо.

К сожалению, Топтыгин не сумел полностью освободиться от некоторых типичных антибериевских штампов и, сам же ярко и убедительно показав человеческую доброкачественность своего героя, не рискнул заявить о ней прямо и внятно. Но анализ у Алексея Топтыгина, как правило, хорош. И он в свою очередь заявляет, что «наличие писем Берии, написанных после 26 июня, опровергает версию Серго Лаврентьевича Берия».

Сегодня мы имеем, впрочем, точное документальное опровержение этой версии. В 1999 году Международным фондом «Демократия» был издан сборник документов «Лаврентий Берия. 1953», где приведена и неправленая стенограмма «антибериевского» Пленума ЦК КПСС, проходившего со 2 по 7 июля 1953 года.

В своей «капитальной» книге о Берии я уделил анализу этой стенограммы немало места, но заниматься этим было удовольствием невеликим — очень уж в неприглядном свете выставили себя многие участники Пленума — люди с вроде бы заслуженными и славными именами. Достаточно сказать, что Вячеслав Михайлович Молотов в течение двадцати минут вначале заявил, что 9 мая 1953 года он позвонил Берии «по-товарищески», и пояснил: «Мы тогда были товарищи ещё.», а чуть позже стал утверждать, что «с тех пор как Берия приехал в Москву (то есть в августе 1938 года. — *С.К.*) атмосфера испортилась. Он отравлял атмосферу, он интриговал.» При этом Молотов исключительно на

Берию свалил вину за то, что «пленумы перестали собирать» и что «съезд затянулся на 13 лет».

Вот как раз в документально зафиксированном выступлении Молотова мы и находим доказательство того, что Берия был арестован в Кремле в ходе заседания Президиума ЦК КПСС.

Молотов сказал тогда, 2 июля 1953 года:

«.Когда 26 июня весь Президиум сидел и обвинял Берия в течение двух с половиной часов во всех его грехах (а их много), мы его попросили объяснить, какие он имел в виду другие коренные вопросы решить при решении вопроса о подписи Секретаря ЦК под протоколами Президиума. На это он отвечает: может быть, надо повестку составлять. Так разве это коренной вопрос?..»

Вопрос, может быть, был и не коренным, но это заявление Молотова ставит в вопросе о факте ареста Берии в Кремле вполне определённую и окончательную точку! Говорил-то Молотов всё это доверенному кругу, как говорится, не для печати.

Дезинформировать же пленум Молотову было ни к чему.

А КОГДА Берия был убит?

Официально следствие по делу Лаврентия Берии и проходивших по одному делу с ним его соратников — Льва Влодзимирского, Сергея Гоглидзе, Владимира Деканозова, Богдана Кобулова, Всеволода Меркулова и Павла Мешика, было закончено в декабре 1953 года, и об этом, как и об их расстреле 23 декабря 1953 года, во всех центральных газетах появилось предельно короткое сообщение.

В том, что подельников Берии казнили действительно 23 декабря 1953 года, сомнений нет — это подтверждают и акты о кремации их трупов.

По Берии такого документа нет. Нет в его многотомном деле и ни одного протокола очных ставок с подельниками.

Так было ли следствие по делу Берии *в части самого Берии*, или он был бессудно убит уже в первые дни после ареста?

Точный ответ на этот вопрос сделали невозможным сами хрущёвцы.

Ранее политических лидеров в СССР, обвинённых в государственных преступлениях, осуждали на открытых политических процессах. Сталин не боялся представить врагов народа народу и показать, что они заслуживают осуждения.

В случае же с Берий всё было иначе, и можно точно назвать дату лишь его гражданской казни — она совершилась 8 августа 1953 года.

В этот день в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Климент Ворошилов подписал, а секретарь

Президиума Верховного Совета СССР Николай Пегов контрассигнировал его подпись на постановлении пятой сессии Верховного Совета, проходившей с 5 по 8 августа 1953 года.

Оно гласило:

«Вследствие вскрытых преступных антигосударственных действий Л.П. Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала, Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик **постановляет** :

Утвердить Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Л.П. Берия полномочий депутата Верховного Совета СССР, снятии его с поста первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и с поста Министра внутренних дел СССР с лишением всех присвоенных ему званий и наград и о передаче дела о преступных действиях Л.П. Берия на рассмотрение Верховного Суда СССР».

Вообще-то, такое постановление верховной власти показывало её нарастающую правовую и интеллектуальную некомпетентность.

Если вина Берии была доказана настолько очевидно, что его публично низвергли с высот государственной власти в пучину государственных преступлений, то к чему тогда было вести ещё какое-то следствие в видах предстоящего суда?

И о каком суде могла быть речь, когда Берию уже осудил высший орган государственной власти?

Но если к 8 августа 1953 года виновность Берии лишь устанавливалась и «следствие» по его «делу» лишь «велось» и было «закончено» лишь поздней осенью 1953 года, то на основании чего Берия был осуждён на гражданскую — пока — казнь уже в августе 1953 года?

8 августа Верховный Совет СССР в рамках закона мог санкционировать, кроме снятия Берии с государственных постов, лишь следственные мероприятия по делу депутата Верховного Совета СССР, приостановив его депутатские полномочия. Но лишать его этих полномочий, а тем более — всех званий и наград, до суда, куда его дело передавалось «на рассмотрение»?

Воля ваша, но тут что-то не то.

Поэтому, скорее всего, в июле 1953 года Берию какое-то время допрашивали, но после официального аутодафе Берии на сессии Верховного Совета СССР, его — имея «фиговый листик» Указа Президиума ВС — на всякий случай расстреляли.

С одной стороны, после этого было проще сломать его соратников, а с другой стороны — чем чёрт не шутит. А вдруг дела для хрущёвцев пошли бы не самым удачным образом, и живой Берия мог стать угрозой.

Так уж лучше его расстрелять — коль уж сам Верховный Совет СССР его казнил, пусть и гражданской казнью.

Послесловие. Победа после поражения: смертью смерть поправ…

СЛОВАРЬ Ожегова сообщает нам, что «поражение» — это «неудача в войне, борьбе, разгром». Похоже ли то, что произошло с Лаврентием Берией после 26 июня 1953 года, на поражение?

Увы, да! Он боролся — не за личную власть, а за укрепление, усиление и уверенное развитие России и в этой борьбе потерпел разгром.

Так о какой победе Лаврентия Берии после 26 июня 1953 года может быть речь? Победа — по всё тому же «Словарю русского языка» Ожегова — это «успех в борьбе за что-нибудь, осуществление, достижение чего-нибудь в результате борьбы, преодоления чего-нибудь».

И, всё же, в полном соответствии с такой трактовкой мы вправе говорить сегодня о возникающей и всё более убедительной победе Берии, как о *преодолении* той лжи, которую выстроили вокруг Берии!

Хрущёв считал, что разгромил его в конце июня и начале июля 1953 года полностью, окончательно и бесповоротно.

Хрущёв предал Сталина и Берию и вовлёк в предательство вначале Берии — в 53-м году а потом и Сталина — в 56-м году, других бывших соратников Сталина и коллег Берии.

Хрущёв думал, что он победил.

Но можно ли говорить о победе Хрущёва сегодня — когда о нём даже духовные внуки и правнуки слякотной хрущёвской «Оттепели» слова доброго не скажут?

Хрущёвцы Берию даже не вычёркивали, не вымарывали из нашей истории, они пытались его из истории вырезать, выдрать — *«с мясом»*!

А Берия сегодня возвращается в историю России. И искренний, неподдельный и нескандальный интерес к нему сегодня всё возрастает и возрастает так же, как с какого-то момента стал всё более возрастать интерес к Сталину.

Ветер истории смёл уже много мусора, которым после смерти Сталина была засыпана его величественная фигура, и Сталин встаёт перед новыми поколениями народов России во весь свой гигантский исторический рост.

А рядом с ним всё отчётливее виднеется фигура Берии. Он стоял рядом со Сталиным при жизни, и теперь опять — через

десятилетия после смерти — занимает своё законное историческое место рядом со Сталиным.

А кто сейчас вспоминает Хрущёва?

А если и вспоминает, то — как?

А Берию знает всё лучше всё большее число людей, и всё меньше людей верит лжи о нём.

Так чем же оказалась обеспечена последняя, восьмая, посмертная, победа Лаврентия Берии?

Владимир Маяковский писал: «Мой стих трудом громаду лет прорвёт, и явится весомо, грубо зримо.»

Хорошо сказано, верно!

Лаврентий Берия был не поэтом, а политиком и государственным деятелем, но ложь, возведённую вокруг него, тоже прорывает *труд!*

Всю свою жизнь Берия трудился, добивался выдающихся успехов, но цель у него была всегда одна: мощь и расцвет шестой части Земли с «названьем кратким» «Русь».

А точнее — Союз Советских Социалистических Республик, который сплачивала Великая Русь!

Сказанное — не красивая фраза и не перехлёст по части ложного пафоса.

Это — правда.

Берия не был записным оратором, хотя выступать ему приходилось много — тогда, когда он руководил Закавказьем. Он не любил «говорить красиво», но сказать сильно умел. В его речи на траурном митинге в день похорон Сталина поражает рефрен:

«**Кто не слеп** , тот видит, что наша партия в трудные для неё дни ещё теснее смыкает свои ряды, что она едина и непоколебима.

Кто не слеп , тот видит, что в эти скорбные дни все народы Советского Союза в братском единении с великим русским народом ещё теснее сплотились вокруг Советского правительства и Центрального Комитета Коммунистической партии.»

Из трёх тогда выступавших, два из которых — Молотов и Маленков, были русскими, лишь грузин Берия не забыл сказать о русском народе.

Актёр Вячеслав Гришечкин, сыгравший (точнее, изобразивший) Берию в телепасквиле Алексея Пиманова «Охота на Берию», в одном из интервью заявил: «Создавая этот образ, я руководствовался напутствием Станиславского: «Играя злого, ищи в нём доброе, тем страшнее будет образ». И я старался показать не монстра, а человека, сделанного из плоти и крови.»

Как всё это скучно: «монстр», «играя злого, ищи в нём доброе, тем страшнее.» Не лучше ли поискать доброе в самом себе, и

тогда, может быть, станет ясно, что «доброе» надо искать не в оболганном Берии — в нём Добро было сутью натуры, а в подлинных злодеях и монстрах, на которых так богаты нынешние подлые и страшные времена.

Уж сколько раз твердили миру, что Берия чуть ли не «пачками» расстреливал великих физиков и, во всяком случае, грозил расстрелом гениальным учёным через одного. Но даже не очень-то добро относящийся к

Берии Феликс Щёлкин, сын выдающегося физика, трижды Героя Социалистического Труда Кирилла Ивановича Щёлкина, пишет в своей книге «Апостолы атомного века», что его отец рассказывал: за восемь лет, пока Берия отвечал за Атомный проект, в отрасли не был арестован ни один сотрудник.

Ни один!

Берия не был, конечно, ангелом, но он был крупным и доброкачественным человеком, для которого важно содержание того, что он делает, а не форма. Не помню сейчас, о ком было сказано, что он абсолютно не заботился о впечатлении, которое производил, но именно поэтому неизменно производил очень сильное впечатление. Это же вполне можно сказать и о Лаврентии Берии.

Не ангел?

Да.

В нём нередко прорывались горячность, эмоции, он мог быть не сдержан на язык. Однако в нём не было мелочности, злобности, мелкотравчатости и не было высокомерия. Бывший командир взвода кремлёвского полка Виктор Гусев служил на Боровицкой заставе — главном проездном пункте Кремля. В 2007 году он в своём интервью нижегородской редакции еженедельника «Аргументы и факты» вспоминал, как однажды на заставу зашли Берия с Маленковым. Пожал руку, спросил, как идёт служба, пожелал успехов.

Мелкая, казалось бы, деталь: когда Берия уходил, никто не бросился открывать ему дверь, хотя тогда, по словам Гусева, «многие старались прислуживать в таких случаях».

С Берией такие «номера» не проходили — как уже было сказано, в нём не было ни высокомерия, ни самолюбования, ни барственности.

НЕ БЫЛО и никаких «бериевских» преступлений — были абсолютно необходимые в силу насущной исторической необходимости репрессивные меры, да и то — минимальные настолько, насколько это позволяла логика великой и небывалой борьбы Добра трудящегося большинства и Зла привилегированного меньшинства.

А преступлений не было — есть лишь инсинуации и пошлые небылицы. Так, например, Берии приписывают убийство Агаси Ханджяна, 1-го секретаря ЦК Компартии Армении, покончившего самоубийством. Данный сюжет независимо друг от друга исследовали в наше время сразу несколько человек, не все из которых были лояльны к Берии. *Я* сам в своей первой, «капитальной» книге о Берии посвятил анализу этой сплетни отдельную главу «Сага об «убийстве» Ханджяна».

Ну, и что?

А ничего, ровным счётом ничего!

Не убивал Берия Ханджяна.

Или, например, выселение Чечни, которое организовал и провёл — да, лично

Берия. Так ли в этом не было объективной необходимости тогда, когда немцы ещё были не так уж от Чечни и далеко?

А кроме того.

А кроме того, вдумаемся — где сейчас самая больная и кровавая точка в России, если не в Чечне, в послесталинской и послебериевской России вновь возвращённой чеченцам?

Бездарные горе-правители «исправили» это «сталинско-бериевское преступление» и что получили? Цветущую, занятую мирным созиданием Чечню, или — нечто иное?

И что мы ещё можем там получить?

А если в современном Крыму, очищенном в 1944 году от татар, почти поголовно поддерживавших немецко-фашистских оккупантов, в какой-то момент тоже запахнет кровью, то кто, как не татарские националисты — возвращённые в Крым потомки выселенных Берией «жертв тоталитаризма», будут в том виновны?

После революции одним из первых серьёзных заданий для Берии стало назначение его в октябре 1920 года ответственным секретарём Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих.

Улучшение быта рабочих — это впиталось в душу навсегда, а принципы, усвоенные в молодом советском Баку, стали для Берии без преувеличения второй натурой.

Вот несколько примеров.

Новый нарком внутренних дел СССР Берия знакомится с аппаратом Главного управления государственной безопасности НКВД. Как вспоминал легендарный в советской разведке Павел Громушкин, увидев очень худую девушку, Берия тут же поинтересовался — не больна ли? И, получив отрицательный ответ, всё же отдал приказ начальнику ГУГБ Меркулову направить девушку в санаторий — пусть, мол, подкормится.

Крупный чекист Павел Судоплатов допускает серьёзный

промах, и во время доклада Берии у него начинается сильнейшая головная боль. Берия тут же отправляет Судоплатова домой, а назавтра присылает ему на дом лимоны, привезённые Берии как гостинец из Грузии.

Талантливый юноша Олег Лаврентьев, недавний сержант-фронтовик, ещё во время срочной службы верно указавший на возможный вариант водородной бомбы, а теперь — первокурсник физфака МГУ, приглашён к председателю Специального комитета Берии. Тот хочет лично посмотреть — какая растёт смена атомным корифеям? И первый же вопрос на редкость пухлощёкому парню: «У вас что — зубы болят? Может, надо лечить?»

Вопрос объясним — щёки у Лаврентьева были тогда, как у хомячка. Но если бы Берия не был *автоматически* внимателен к людям, стало бы его заботить — всё ли в порядке с зубами у какого-то там студента?

Физик Юлий Харитон — будущий трижды Герой Социалистического Труда, многолетний Научный руководитель ядерного ВНИИ экспериментальной физики в «Арзамасе-16», а тогда — Главный конструктор «атомного» КБ-11, просится в отпуск. Берия санкционирует, но при этом *по своей инициативе* даёт дополнительное указание: «Обеспечить хорошим лечением».

Это — не работа «на публику», это — въевшаяся в плоть и кровь потребность вникать в интересы тех, ради кого и призвано существовать Советское государство. Вот почему можно утверждать, что если бы Берия не был убит и многонациональная Россия развивалась бы при участии Берии, то она стала бы нерушимо прочным обществом с сильной и *приоритетной* социальной политикой.

Лаврентий Павлович мог устроить разгон директору «атомного» предприятия, пренебрегающему социальными вопросами, а потом, приехав на плутониевый комбинат № 817 и увидев прямо противоположное отношение к проблеме директора комбината Бориса Музрукова, сказать ему: «Молодец!»

Это ведь тоже — черта делового характера.

Сошлюсь на книгу о Б.Г. Музрукове, вышедшую несколько лет назад в серии «Жизнь замечательных людей». В ней приводятся такие вот воспоминания сотрудника комбината № 817 (ПО «Маяк») с 1948 по 1960 год Ю.А. Гусева.

«После расстрела Л.П. Берии я набрался смелости и обратился к Музрукову с вопросом: что за человек был Лаврентий Павлович, как решал он вопросы работы комбината? Борис Глебович мне рассказал такую историю. Перед одним из очередных приездов Берии, в 1951 году, Музрукову на комбинат

прозвонили из Москвы и сообщили, что накануне, на одном из предприятий Минатома, Берия снял с работы директора за невнимание к развитию социальной сферы объекта. Б.Г. Музруков, встретив Л.П. Берию, также предполагал с его стороны вопросы в первую очередь по социальной сфере, но тот попросил показать вначале производство. Затем, по пути в гостиницу, он увидел стройку и спросил: «А это что?» Борис Глебович объяснил, что здесь будут новые дома. И Берия сказал: «Вот это хорошо».»

Вот, значит, каким видел Берию Музруков — *как человека* — уже после того, как на «ЛП» были официально вылиты ушаты грязи. Однако подлинный, реальный Берия таким, каким его описал Музруков, и был.

Сюсюкать Берия не умел — дешёвой сентиментальности он, как я понимаю, был лишён начисто. А вот заботиться о людях и, если надо, *сострадать* им, Берия умел и именно так себя воспитывал.

В 2003 году в минском издательстве «Беларуская Энцыклапедыя» вышла книга Федора Дмитриевича. Попова «Атомная бомба и КГБ». Автор попал на «объект 550» (КБ-11, база № 112, Приволжская контора Главгорстроя), то есть — в центр разработки ядерного оружия в Сарове-«Арзамасе-16», в 1954 году, когда Берия был уже предан официальному остракизму.

И вот оперативный уполномоченный «объектового» отдела КГБ капитан Попов представляется начальнику своего отделения подполковнику В.И. Бронникову, и начинается обстоятельная беседа об «атомной» истории «объекта», о бывшей Саровской пустыни, об особенностях оперативной обстановки и прочем.

Далее — прямая цитата:

«Бронников отметил, что решающую роль в развитии атомной эпопеи сыграли Курчатов, Харитон и Берия. «Если бы не они, то атомная бомба в СССР вряд ли была бы испытана в 1949 году», — сказал он».

Это — эпизод 1954 (пятьдесят четвертого!) года, то есть — времени, когда Берию на высшем уровне объявили агентом международного капитала.

Тот же Ф.Д. Попов пишет:

«Широкое развёртывание в КБ-11 деятельности по его основному профилю жёстко регламентировалось наличием жилья. Многие специалисты ютились в переполненной монастырской гостинице, которая раньше использовалась паломниками Саровской обители.

Положение с жильём резко изменилось после вмешательства Берии. По его указанию при Управлении № 880 (по строительству «объекта» в Сарове. — *С.К.*). было создано специализированное

подразделение по строительству жилья. В 1948–1950 гг. многие жители Арзамаса-16 справили новоселье. За три года заселили более 200 жилых домов. Были они разными — и двухквартирные коттеджи, и финские сборно-щитовые, и многоквартирные каменные и брусчатые.

Рядом со старыми монастырскими строениями встали трёх- и четырехэтажные дома. Сам монастырь с храмами, часовнями, колокольней, келейными домами и трапезной оказался в самом центре объекта».

Требуются комментарии?

29 ИЮНЯ 1953 года будущая вдова Берии Нино Теймуразовна Берия написала письма Маленкову, Хрущёву, Ворошилову, Молотову и Кагановичу. Рукописные подлинники их сохранились в архивах, и в 2012 году тексты писем были опубликованы (кроме письма Кагановичу) в сборнике документов «Политбюро и дело Берия».

Тексты во многом совпадали, но имелись и некоторые различия, не изменявшие общей сути.

Ниже я приведу извлечения из этих писем, начав с письма Маленкову. «Шапка» адресации во всех письмах была одинаковой, но конкретный адресат был выделен особо.

Итак:

«Председателю Совета Министров СССР *Г.М. Маленкову*

Секретарю ЦК КПСС Н С. Хрущёву Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову Зам. Председателя

Совета Министров СССР В.М. Молотову Зам. Председателя

Совета Министров СССР Л.М. Кагановичу От Нины Теймуразовны Берия

Три дня назад забрали моего сына с семьёй, и я ничего не знаю о них. *Я* осталась одна, потому что мне сказали, что Л.П. Берия задержан по распоряжению правительства (замечу, что если бы Берия был убит при мифическом штурме особняка, то уж жена-то об этом штурме знала. — *С.К.*)

Я член КПСС, имею высшее образование (кандидат с/х наук), политически грамотна и больше тридцати лег являюсь супругой Л.П.Берия. Как и все советские люди, я считаю, что Л.П. — Ваш соратник и друг в деле строительства коммунизма и в борьбе против внешних врагов и их агентов внутри нашего государства. На этом основании я разрешаю себе обратиться к Вам с просьбой — уделить мне полчаса, с тем, чтобы вызвать меня и поговорить со мной. *Я* не глупый человек и потому беру на себя смелось заверить Вас, что, прожив с Л.П. тридцать лет под одной крышей, деля с ним человеческие радости и горе, я хорошо его знаю. <.> Прошу Вас, вызовите меня! Л.П. воспитывал меня в любви и

уважении к Вам, и я могу разговаривать только с Вами (Н.Т. Берия просила о встрече и остальных, но последняя фраза есть лишь в письме Маленкову. — *С.К.*).

Если Л.П. допустил какую-либо непоправимую ошибку, чем нанёс ущерб Советскому государству, то тогда мне не о чем говорить, и прошу дать мне возможность разделить его судьбу, какова бы она ни была; меня ничто не может убедить в том, что он сознательно мог изменить ленинско-сталинским идеалам и принципам, и, следовательно, и я должна понести соответствующее наказание.

Только прошу пощадить моего сына Сергея.»

Из письма Хрущёву:

«..Я Л.П. знаю очень хорошо и в горе, и в радости, знаю его человеческие слабости и, следовательно, и то уязвимое место, откуда враг и клеветник мог к нему подойти. *Я* не глупый человек, я понимаю, что к чему; поэтому, может быть, я сумею пролить свет на какие-то события, компрометирующие его.

Если Лаврентий Павлович в чём-либо непоправимо ошибся и нанёс ущерб Советскому государству, и, следовательно, незачем меня и вызывать, прошу Вас — разрешить мне разделить его судьбу, какова бы она ни была. *Я* ему преданная, верю ему, как коммунисту, несмотря на всякие мелкие шероховатости в нашей супружеской жизни — я люблю его. *Я* никогда не поверю в его сознательное злонамерение в отношении партии, не поверю его измене ленинско-сталинским идеям и принципам. Следовательно, я не заслуживаю никакой пощады! *Я* только прошу пощадить моего сына Сергея.

<.>

Я воспитана партией, советским обществом и моей семьёй в глубоком уважении, любви и преданности Вам, и это даёт мне смелость обратиться к вам с такого рода письмами.

Нина Т. Берия».

Из письма Ворошилову:

«..Живя с Л.П. в супружестве десятки лет, я могу сказать, что знаю всю его жизнь, положенную целиком и полностью за советскую власть. *Я* знаю его человеческие слабости, поскольку жена может видеть мужа и больным, и сердитым, в горе и радости, в плохом и хорошем настроении. *Я* знаю, какое уязвимое место нашёл враг и клеветник, чтобы очернить его. Прошу поэтому вызвать меня и поговорить со мной хоть несколько минут.

Если Л. Берия совершил уже непоправимую ошибку, чем нанёс ущерб Советской стране, и его судьба предрешена, дайте мне возможность разделить его судьбу, какова бы она ни была.

Это будет самое гуманное и человеческое решение в отношении меня; вместе с тем это будет и заслуженное наказание мною, т. к. я никогда и никому не поверю, что Л.П. изменил делу и идеям Ленина — Сталина.»

Из письма Молотову:

«..Если Лаврентий Павлович в чём-либо непоправимо ошибся и нанёс ущерб Советскому государству, и, следовательно, незачем меня и вызывать, прошу Вас разрешить мне разделить его судьбу, какова бы она ни была. *Я* ему предана и верю ему как коммунисту, отношусь к нему как [к] человеку, отдавшему всю свою жизнь на благо советской Родины. *Я* люблю его, несмотря на всякие мелкие шероховатости нашей супружеской жизни; я никогда не поверю в его сознательное злонамерение в отношении ленинско-сталинских идей и принципов. Т[аким] о[бразом], я не заслуживаю никакой пощады.

<.>

Остаюсь в глубоком уважении и преданности к Вам *Нина Теймуразовна Берия».*

Нино Берии было, конечно, мучительно тяжело раз за разом повторяться, но она в каждом письме находит всё же отличающиеся хотя бы немного один от другого обороты — я прошу читателя обратить на это внимание и прочесть каждое схожее место внимательно, сравнивая их.

И в каждом письме видны не только боль любящей жены и достоинство умной женщины, но и полная убеждённость в преданности мужа одному — работе во имя Родины.

Вскоре была арестована и сама автор этих писем, и после полугодового следствия, обвинённая в антисоветском заговоре, она 7 января 1954 года пишет письмо Хрущёву, которое я ниже цитирую по сборнику документов 2000 года «Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы» (в 3-х томах, том 1. Март 1953 — февраль 1956)»:

«.Заявляю со всей ответственностью. после полугодового заключения и следствия по моему делу, что я никогда не встречала человека, заявившего мне в какой-либо форме недовольство Советской властью.

<.>

Действительно страшным обвинением ложится на меня то, что я более тридцати лет (с 1922 г.) была женой Берия и носила его имя.

При этом, до дня его ареста, *я* была ему предана, относилась к его общественному и государственному положению с большим уважением и верила слепо, что он преданный, опытный и нужный для Советского государства человек (никогда никакого основания

и поводов думать противное он мне не дал ни одним словом).»

Какова духовная стойкость! 48-летняя Нино (умерла она в 1991 году, 86 лет от роду) полгода находится под изнурительным следствием, ей раз за разом тычут в нос «изменой» мужа, а она всё ещё находит силы его защищать.

В письме вдовы Берии имеется много «информации к размышлению», в том числе — и на «женскую» тему:

«Исходя из его полезной деятельности, я много труда и энергии затратила в уходе за его здоровьем (в молодости он болел легкими, позже почками). За время нашей совместной жизни я видела его дома только в процессе еды или сна, а с 1942 г., когда я узнала *от него же* (жирный курсив везде мой. — *С.К.*) о его супружеской неверности, я отказалась быть ему женой и жила с 1943 г. вначале одна, а затем с семьей своего сына. *Я* за это время не раз ему предлагала, для создания ему нормальных условий, развестись со мной с тем, чтобы жениться на женщине, которая, может быть, его полюбит и согласится быть его женой. Он мне в этом отказывал, мотивируя это тем, что *без меня он на известное время может выбыть как-то из колеи жизни* . Я, поверив в силу привычки человека, осталась дома с тем, чтобы не нарушать ему семью и дать ему возможность, когда он этого захочет, отдохнуть в этой семье. Я примирилась со своим позорным положением в семье с тем, чтобы не повлиять на его работоспособность отрицательно, которую я считала направленной не вражеским, а нужным и полезным (Так в тексте. — *С.К.*).

О его аморальных поступках в отношении семьи, о которых мне также было сказано в процессе следствия, *я ничего не знала*.

Его измену мне, как жене, считала *случайной* и отчасти винила и себя, т. к. в эти годы часто уезжала к сыну, который жил и учился в другом городе.»

Вот так… Не было никаких ни десятков, ни сотен «жертв сексуального маньяка Берии», не было «оргий».

Была женщина, от которой Берия — если верить его сыну Серго — имел дочь. Похоже, это и было как раз то, что Нино Берия хотела передать на словах сановным коллегам её мужа в июне 1953 года, и что ей пришлось сообщить им письменно в январе 1954 года.

Я ВОТ думаю — ну кто мешал тем, кто имел те же обязанности перед партией, государством, обществом, что и Берия, жить и работать так же, как он? То есть — полностью отдавать порученному делу все силы своих ума и души, всё своё, наконец, время — чёрт побери!

Если крупный — крупный по возможностям и по

занимаемому общественному положению, человек живёт так, как жил Лаврентий Берия, он обязательно идёт только от победы к победе — как шёл Берия.

Но многие ли живут так?

Рядом с чекистом Берией в Закавказье работало немало его коллег, в том числе — и его начальники. Скажем — Иван Павлуновский.

Родился в 1888 году, большевик с 1904 года, в органах ЧК с 1918 года по 1928 год, затем — вначале замнаркома рабоче-крестьянской инспекции, а с 1932 года — замнаркома тяжёлой промышленности Орджоникидзе, начальник Главного Военно-Мобилизационного Управления Наркомтяжпрома.

Казалось бы — какой масштаб, какие задачи!.. Только работай!

А Павлуновский занялся заговорами.

В итоге: арест, следствие, расстрел.

Или другой чекистский начальник Берии — Станислав Реденс.

Родился в 1892 году, рабочий, воевал с гайдамаками, по заданию ЦК КП(б) Украины доставил в Москву ценности, в органах ЧК с 1918 года. Был секретарём Дзержинского, потом работал на Украине, в Москве — в Высшем Совете Народного Хозяйства. В 1928 году сменил в Закавказье Павлуновского, через полтора года уехал в Минск, там работал — не работал, по истечении двух месяцев уехал в Киев и позже вновь вернулся в Москву.

И тоже втянулся в антисталинские заговоры, хотя работы было — непочатый край.

Их же заместитель Берия всё это время тянул лямку реального руководства чекистской работой на Кавказе. Причём, если вспомнить, занимался не только ею, но и оперативными хозяйственными вопросами даже тогда, когда работал в ЧК-ГПУ.

А если сравнить того же Орахелашвили и Берию, заменившего его во главе Грузии?..

Кто мешал Мамии Орахелашвили и его жене работать во славу своей родной земли и на благо всех народов СССР так, как это позже делал первый секретарь ЦК Компартии Грузии Берия?

А ведь у Орахелашвили и опыта было побольше, и долгое время — авторитета. И Сталин его знал ещё по давней дореволюционной работе.

Нет же, вместо работы и работы — леность духа и мысли, амбиции, претензии. А в итоге — через несогласие с «Кобой» — участие в целом букете заговоров недовольных «старых борцов».

Эту цепь сопоставлений можно продолжить. Скажем, были бы

так же деятельны и чисты перед порученным делом, как Лаврентий Берия, наркомы внутренних дел СССР Ягода и Ежов, и не было бы нужды заменять их, а позднее — арестовывать, допрашивать, расстреливать.

А Молотов?

Если бы Молотов вникал во время войны в вопросы танкостроения так, как это делал Берия, не передал бы Сталин танки на кураторство Берии. И не пришлось бы Берии брать на себя вопросы производства вооружений и боеприпасов, если бы их в полную силу тянул Вознесенский.

Атомную проблему Сталин закрепил вначале за Молотовым. А что в итоге? В итоге сами атомщики попросились под руку Берии, и только тогда дело пошло на лад.

Почему?

Да потому, что Берия был не только выдающимся руководителем и организатором любого порученного ему дела, но был и великим тружеником, занятым делом столько, сколько дело требовало. А все дела, порученные Берии, занимали в сутках все двадцать четыре часа, если не больше!

Спору нет, не об одном Берии так можно сказать — любой крупный организатор объективно имеет, в принципе, такую же нагрузку.

Но многие ли не в принципе, а *на деле*, загружают «выше крыши» не только подчинённых, но и себя? И многие ли умеют толково загрузить хотя бы подчинённых, ставя перед ними действительно нужные и верные задачи?

Берия умел.

МАЯКОВСКИЙ однажды записал горькие строки: «Вот и жизнь пройдёт, как Азорские проплывают острова.». Он написал это на борту трансатлантического лайнера, когда на горизонте действительно виднелись Азорские острова.

В горькую минуту жизни — а их, как я понимаю, у Берии было ох как немало! — Берия мог бы вспомнить эти строки Маяковского, применяя их к себе.

С той лишь разницей, что не видел он никогда ни Азорских, ни Багамских, ни прочих экзотических островов.

Он даже жену видел чаще всего «только в процессе еды или сна». До «сексуальных» ли «насилий» было ему — в почти круглосуточном «беличьем колесе» Эпохи?

Хотя.

Хотя с «беличьим колесом» я сравнил его жизнь неудачно. Тут нужен иной образ, потому что Берия в своей деловой круговерти не бежал на месте, а летел и летел вперёд, в будущее.

У фронтовички Юлии Друниной есть очень неженское и

сильное стихотворение, которое начинается так:

Мне ещё в начале жизни повезло,

На свою не обижаюсь я судьбу — В сорок первом меня бросило в седло,

В сорок первом, на семнадцатом году.

Берию эпоха «бросила в седло» в восемнадцатом. И он летел по эпохе — сквозь её пот, кровь и пыль.

Не один ведь он тогда жил так — тогда так жило и чувствовало всё живое и деятельное в новой, небывалой до того России.

ЕСТЬ мудрая (впрочем, они все мудрые) восточная притча о слепцах, к которым подвели слона, а затем попросили его описать.

Один слепец, наткнувшись на ногу, сказал, что слон похож на колонну. Другой, которому попался хвост, сравнил слона с верёвкой. Третий, ощупавший хобот, решил, что слон подобен удаву.

Нынешние политические слепцы — и слепцы подлинные (по сей день есть, как ни странно, и такие), и, особенно, — лукавые политические «слепцы» в кавычках, сознательно закрывающие глаза на историческую правду, представляют себе великий СССР Сталина исключительно в виде «гигантского ГУЛАГа».

Как всё это мерзко, мелко и лживо!

И когда наблюдаешь телевизионные антисталинские и антибериевские потуги разного рода млечиных, то невольно приходит на ум такая вот мысль.

Похоже, что все эти млечины не только пытаются создать у людей соответствующее представление о деятельности Сталина и его «команды», но и сами — по причине собственной никчёмности — представляют деятельность сталинского руководства чем-то вроде бандитской сходки на воровской «малине».

Мол, Сталин только и думал о том, как бы кого ещё арестовать, расстрелять, отравить, загнать куда-нибудь туда, куда не то что Макар телят не гонял, но даже эвенки — северных оленей.

А ведь всё было иначе.

Иначе у Сталина, иначе у Берии.

Была огромная, ежедневная, а точнее — *ежесуточная* государственная работа по огромному числу тем и направлений жизни державы. Ни один руководитель западного, капиталистического мира, ни один президент даже самой крупнейшей транснациональной корпорации, не говоря уже о президентах самых крупных капиталистических государств, и

близко не был загружен так, как были загружены Сталин в наиболее активный период его деятельности, и Берия в период его работы в Москве от первого до последнего дня!..

Они выполняли — *ежесуточно* — огромный объём работы, и удавалось им это только потому, что всё своё время они отдавали государственной работе. У них не было увлечений, развлечений и досуга в том смысле, который обычно придают этим понятиям.

Единственным их «хобби» было строительство великой России, существующей для процветания и благоденствия её народов, а также дающей пример и руководящую справедливую идею народам мира.

Хорошо было сказано: «Одни работают, чтобы есть, другие едят, чтобы работать». И Сталин, и Берия всегда относились к последним. Они засыпали с мыслью о том, что надо будет сделать завтра, и просыпались с мыслью о том, что надо сделать сегодня.

КОНЕЧНО, Сталин был многограннее Берии, сложнее его — Сталин ведь был гением, и гением редкостным.

И он менялся — как это мудро подметил Каганович.

Берия с годами тоже, конечно, менялся. Но — как я понимаю, менялся меньше. Разве что после многих лет на высших общесоюзных государственных постах (хотя, сколько их там у него было — всего-то пятнадцать быстротечных лет!) он стал ироничнее, накопил запасы скепсиса и стал — чего уж там — в чём-то циничнее.

Ведь жизнь его протекала не в райских кущах, да и окружали его далеко не всегда титаны мысли, а работать-то надо было, в том числе, и с ними.

Как выразился однажды товарищ Сталин: «Нет у меня других членов Союза советских писателей».

Понадобились все свинцовые мерзости, вся гнусность и бездарность двух последних десятилетий русской истории, чтобы стали яснее мелочность и мелкотравчатость одних её фигур, и крупный масштаб других.

Так вот, вряд ли сам Берия, работая на социалистическую Державу по десять-пятнадцать часов в сутки, догадывался, какой глубокий и великий пример и урок даст он своей жизнью нам, живущим через много лет после его смерти. А ведь это так — над примером Берии есть смысл подумать, и здесь есть чему поучиться!..

Берия должен быть интересен нам сегодня не только как пример яркой судьбы — яркой не по перемещению по параллелям и меридианам, а по характеру совершённых дел.

И не только примером блестящей организации может и должен он быть сегодня.

Берия сегодня должен быть нам особенно интересен тем, что в его деятельности, как в фокусе, собрались умные, дальновидные и перспективные подходы к комплексу национальных проблем в огромном многонациональном государстве.

Как представитель небольшого, но — с большой историей, народа СССР, Берия лучше иного великоросса понимал всю важность для большой страны её геополитических «украин», но он также понимал и всю важность для народов «украин» союза с великой «титульной» русской нацией.

Союз этот должен быть равноправным в том смысле, что каждая часть социального «механизма», которая — в отличие от обычного, неживого механизма — является живой, должна хорошо и навсегда понять, что для нормальной, эффективной работы всего «механизма» важна *любая* его часть!

Без каких-то частей «механизм» останавливается сразу, без каких-то может какое-то время и как-то работать, но *эффективно и устойчиво* он работать не будет!

Если мы сегодня интегрально оценим убытки Российской Федерации — имеется в виду не нынешний геополитический ублюдок и кастрат, а РСФСР — только от омертвления или уничтожения в союзных республиках былых капитальных вложений, от того, сколько пришлось паллиативным образом заменять вновь налаженными производствами в РФ, или просто отказываться от чего-то, то окажется, что мы все вместе — русские, украинцы, грузины, белорусы, казахи, узбеки, киргизы, азербайджанцы, туркмены, эстонцы, литовцы, латыши, таджики, армяне и молдаване — за эти двадцать с небольшим лет просто пустили на ветер, *профукали*, материальных, *уже созданных*, ценностей вряд ли менее, чем на триллион.

Да не «зелёных» бумажных изделий Федеральной Резервной системы США триллион, а триллион золотых рублей!

Не слабо, а? — как выражаются некоторые.

Это ведь примерно столько же, сколько мы потеряли за ту войну — за Великую Отечественную!

Работая в Москве, Берия решал, естественно, общесоюзные задачи. Но он ведь и в Грузии работал так, чтобы результаты его работы были важны и полезны не только для Грузии, но и для всей России, всего СССР!

А, став работать в Москве и возмужав, обретя с годами всё более глубокую государственную мудрость, он понял — возможно, даже, не столько на уровне теории — Берия теорией не увлекался, сколько практически, — что по мере развития национальных республик СССР ими надо управлять из Центра не

кнутом, не пряником, не партийной директивой или надзором из Центра, а за счёт максимальной интеграции «украинных» народов СССР друг с другом, но прежде всего — с великим русским народом.

Он понял, что подлинная интеграция должна обеспечиваться не только наличием на территории республики тех или иных предприятий союзного значения, но, прежде всего, — созданием и развитием во всех республиках таких национальных кадров, которые были бы воспитаны в духе искренней преданности как своей национальной Родине, так и большой Родине, Большой стране — Союзу Советских Социалистических Республик.

Клин местечкового, «кишлачного», «чувячного» или «шароварного» национализма надо вышибать клином же полноценного социалистического национального самосознания.

Национального, но — социалистического, объединительного по самой своей природе!

Возможно, сам Лаврентий Берия и не понимал этого так отчётливо, как это изложено выше, но действовал он в этом русле, и если бы его не убили, он в этом направлении Большую страну и вёл бы.

А возможно, он всё это и понимал — кто знает? Во всяком случае нам сегодня не мешает время от времени перечитывать, хотя бы, его речь на XIX съезде ВКП(б) — КПСС, которая, вместе с его речью на похоронах Сталина, оказалась политическим завещанием Берии.

Повторяю: я не знаю — так ли чётко мыслил он сам?

Но мы-то, осмысляя феномен Берии, должны бы извлечь из него эту суть, которая в нём, несомненно, заключается.